

М. Я. Блох

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
ГРАММАТИКИ

Издание четвертое, исправленное

*Допущено
Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов,
обучающихся по направлению подготовки
дипломированных специалистов
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»*

Москва
«Высшая школа»
2004

УДК 802.0
ББК 81.2 Англ
Б 70

Рецензенты:

Кафедра теории преподавания иностранных языков
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(зав. кафедрой д-р филол. наук проф. С.Г. Тер-Минасова)

Блох М.Я.

Б 70 Теоретические основы грамматики: Учеб. – 4-е изд., испр.
– М.: Высш. шк., 2004. – 239 с.

ISBN 5-06-004215-4

В книге на материале английского языка рассматриваются общие принципы, лежащие в основе грамматического строя языка. Устанавливается соотношение грамматики и семантики. Раскрывается специфика уровневой структуры языка. Демонстрируется парадигматический аспект соотношения элементов языка как фактор, определяющий системное устройство языка в целом. Особое внимание уделяется раскрытию связи элементов языка разных уровней с построением текста, т.е. с выходом языка в речь.

Выходит в комплекте с учебником «Теоретическая грамматика английского языка» того же автора и «Практикумом по теоретической грамматике английского языка» (авторы: М.Я. Блох, Т.Н. Семенова, С.В. Тимофеева).

Для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков, а также широкого круга филологов и лингвистов.

УДК 802.0
ББК 81.2 Англ

ISBN 5-06-004215-4

© ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2004

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещено.

Предисловие

Настоящая книга, выпускаемая четвертым изданием (3-е изд. – 2002 г.) в комплекте с «Теоретической грамматикой английского языка» (на английском языке; 3-е изд. – 2002 г.) того же автора и «Практикумом по теоретической грамматике английского языка» (авторы: М.Я. Блох, Т.Н. Семенова, С.В. Тимофеева), предназначена для студентов старших курсов университетов и педагогических вузов, аспирантов-филологов, а также широкого круга лингвистов, интересы которых связаны с теоретическими проблемами грамматики английского языка и общего языкознания. В книге на английском языковом материале рассматриваются понятия и категории, лежащие в основе целостного представления о грамматическом строе языка.

Цель книги состоит в том, чтобы дать в руки читателя, уже имеющего базовую языковедческую подготовку, теоретические сведения, которые должны стимулировать его самостоятельный, активный подход к осмыслению сложных грамматических явлений в различных условиях функционирования языка.

Системная концепция языка, служащая отправным пунктом для предлагаемого описания, исходит из функционально-динамического представления языка в целом и всех его звеньев в отдельности. Соответственно этому грамматический строй понимается как реально действующая сила, регулирующая выражение информационного содержания речи прежде всего посредством особой, обобщенно-категориальной семантики, присущей грамматическим элементам языка на разных уровнях их существования и функционирования. Все глубже проникать в механизм реализации данной семантики, а вместе с этим и в грамматический механизм построения больших и малых текстов – непосредственных продуктов речевой деятельности людей – и составляет главную задачу грамматики как лингвистической дисциплины.

фика грамматического строя обуславливает его фундаментальную роль в реализации качественной определенности языка в целом, то есть в выявлении сущности языка как объекта действительности. На эту роль грамматического строя лингвисты указывают образными фразами, называя грамматику «костяком языка» и «душой языка».

Семантика, выражаемая грамматико-строевыми элементами языка, соотнесена с обобщенным содержанием логических форм мышления. Данная соотнесенность является естественным выражением неразрывной связи языка и действующего сознания: если логика служит основой организации рационального сознания, то грамматика служит основой организации языка как средства его существования и выражения. Не случайно в истории цивилизации наука логика и наука грамматика появились приблизительно в одно и то же время (Древняя Греция, IV в. до н.э.).

Однако грамматика связана с логикой не прямыми, а сложно опосредованными и диалектически противоречивыми отношениями. Сущность этих отношений выявляется в положении о грамматике как языковом средстве выражения логических форм сознания. При этом роль грамматики далеко не сводится к выражению лишь данных форм. Грамматика организует язык в целом, опосредуя выражение элементами языка не только рационального, но и эмоционального сознания. Грамматика самобытна для каждого отдельного языка; будучи органической частью языка народа, она составляет собственное достояние народа и, как и язык в целом, отмечена печатью его исторических судеб. Логика, напротив, универсальна для человечества, поскольку рациональное сознание, организатором которого она является, хотя и выражается народно-самобытными средствами разных языков и их грамматик, отражает единые явления и отношения объективного мира в единых формах мышления. И надо сказать, что отмеченное различие между логикой и грамматикой было хорошо известно уже первосоздателям обеих теоретических дисциплин в начальную эпоху формирования научных знаний человека.

Четкое осознание различий, но вместе с тем и соотносительности логического строя мышления и грамматического строя языка имеет кардинальное методологическое значение. Особую

важность данное осознание приобретает в связи с усилившимися процессами интеграции наук и возникновения промежуточных научных дисциплин на стыке старых дисциплин с традиционно очерченным кругом проблематики.

Так, на стыке лингвистики и логики возникла семиотика – наука о знаковых системах; на стыке лингвистики и математики возникла математическая (алгебраическая) лингвистика – наука об алгоритмическом порождении формальных высказываний; на стыке лингвистики и психологии возникла психологическая лингвистика (психолингвистика) – наука о психологических процессах, лежащих в основе использования языка. Все эти новые дисциплины оперируют лингвистическими терминами «язык», «грамматика», «синтаксис», «семантика», «высказывание», однако вкладывают в них не собственно лингвистическое, а свое, подчас еще твердо не установившееся содержание. В частности, рассматривая грамматику (фигурирующую здесь большей частью под именем «синтаксис»), они представляют ее в качестве чисто формальной области языка, ведающей лишь правилами построения высказываний вне непосредственной связи с семантикой. Формальная трактовка грамматики влечет требование формальных методов ее анализа, основанных на использовании математической символики, аксиоматики и формально-логической техники вывода следствий из определений и аксиом (математическая «порождающая грамматика»).

Однако грамматика (грамматический строй) живого, «естественного», народного языка, как мы указали выше, не является набором формальных схем построения речи; грамматический строй несет свою, и при этом важнейшую, часть семантического содержания, выражаемого языком. Данная специфика грамматического строя обуславливает необходимость для науки грамматики иметь и разрабатывать собственный исследовательский аппарат, никоим образом не сводящийся к математическим или иным нелингвистическим методам изучения объектов.

В самом деле, самостоятельность любой научной дисциплины в рамках общей совокупности разных областей знания базируется на собственной, ясно вычлененной системе теоретических понятий, описывающих и ограничивающих ее предмет, и на соб-

ственной методике исследования предмета, которая может соединяться на известных этапах познания с методиками смежных дисциплин в порядке кооперации, но не в порядке подмены своего предмета другим, чужим предметом. Что же касается предмета языковедческой грамматики, то он, будучи существенно гуманитарным, раскрывает свою сущность, в первую очередь, перед лингвофилологическим, а не формально-математическим анализом, хотя возможность полезного кооперирования с последним на тех или иных участках исследования, естественно, не должна быть исключена.

Разнообразные специальные методы анализа материала, используемые в науке грамматике, могут быть обобщены в виде двух главных типов исследования.

Первый из главных типов грамматического исследования можно назвать «конституентным». Эта методика предполагает разложение изучаемых языковых сегментов (цепочек) на составляющие элементы (конституенты) и анализ последних по существу рассматриваемых свойств в терминах соответствующих грамматических понятий.

Второй из главных типов грамматического исследования может быть назван «категориальным». Эта методика предполагает сопоставительный анализ классов языковых элементов с разграничением их общих и различительных признаков как в области формы, так и в области содержания (функции).

Оба типа методов дополняют один другой, причем, как ясно видно из их представления, они соответствуют последовательным этапам изучения материала, начинающегося с рассмотрения составляющих элементов (конституентов) явления и завершающегося нахождением его системно-языкового статуса.

На разных ступенях исследования, проводимого средствами конституентного или категориального или смешанного типов методик, используются также контекстуальное наблюдение над изучаемыми явлениями, осуществляемое с помощью специально устанавливаемых текстовых указателей, «индексов» (те или иные слова, обороты, формы слов, служащие явными признаками искомым свойствам изучаемых явлений), и экспериментально-трансформационный анализ, состоящий в искусственном преобразо-

вании языковых конструкций по заданной программе с целью раскрытия соответствующих свойств либо их самих, либо смежных с ними конструкций и элементов конструкций.

Как и другие теоретические дисциплины, наука грамматика обращается к помощи статистики – науки о соотношении усредненных количественных показателей различных свойств явлений. При неоспоримой огромной пользе, которую оказывает статистика всем областям знания, следует учитывать ее вспомогательный характер, делающий невозможным ее применение вне направляющих рамок «качественного» (конституентного или категориального) анализа. Как говорят специалисты по статистическим или «количественным» методам (в приложении к языкознанию эти методы объединяются в особую дисциплину – лингвостатистику), «прежде, чем считать, нужно знать, что считать». И уже эта афористическая формула показывает, что простой количественный подсчет с процентным усреднением данных (арифметическая статистика) при обоснованном определении цели анализа и рациональном выборе его единиц может оказаться для того или иного конкретного грамматического исследования не менее, а более полезным с точки зрения наглядности и действенности результатов, чем использование высших разделов статистики (вероятностное моделирование), требующих подчас несоизмеримо объемной предварительной подготовки материала, подлежащего обработке.

Но безотносительно к характеру применяемых специальных методов решающим аспектом любого грамматического исследования служит интерпретация полученных данных в лингвофилологическом рассуждении, осуществляемом под контролем общеметодологических принципов познания природы и общества. Именно в ходе лингвофилологического рассуждения и раскрывается истинный смысл результатов конституентного и категориального изучения языковых фактов, и, соответственно, устанавливается сущность рассматриваемых явлений, скрытая от прямого наблюдения.

Нужно ли говорить, что благодаря глубоким лингвофилологическим рассуждениям наших предшественников разных времен мы, современные языковеды, обладаем драгоценным научным

наследием, являющимся необходимой предпосылкой к дальнейшему проникновению в природу грамматического строя языка на основе новых концепций и новых приемов работы с материалом?

Поскольку наука грамматика является дисциплиной неформальной (подобные отрасли науки относятся иногда к классу «эмпирических»), постольку при оперировании ее понятиями следует ясно видеть за их терминологическим оформлением соответствующее предметное содержание по существу. В этой связи методологически важно различать среди терминов, применяемых в научном изложении, два крайних типа, противопоставленных друг другу характером отношения их «внутренней формы» (то есть внутренней или собственной семантики, определяемой непосредственными значениями компонентов) к обозначаемому понятию. Эти типы терминологических названий являются, соответственно, «терминами-толкованиями» (объяснительными терминами) и «терминами-именами» (опознавательными терминами).

Объяснительные термины представляют собой, по сути, сжатые определения понятий по каким-либо выделенным признакам. Такие термины создаются ученым при выдвижении новых понятий, при рассмотрении ранее неизвестных явлений, при разработке собственных теоретических концепций. Примерами объяснительных терминов, получивших широкое хождение в теоретико-грамматических трудах последнего времени, могут служить такие специальные наименования, как «непосредственные составляющие», «актуальное членение предложения», «ядро словосочетания» и «адьюнкт словосочетания», «связанная морфема» и «свободная морфема», «синтаксическая парцелляция», «сверхфразовое единство» и многие другие, созданные нашими близкими предшественниками и современниками.

При научных разночтениях, касающихся обозначаемых данными терминами понятий, как защитники, так и критики этих понятий вполне обоснованно обращаются к собственному, внутреннему значению терминов. Действительно, если мы говорим, что некоторое рассматриваемое явление нельзя обозначить тем или иным наименованием исходя из собственной семантики наименования, призванной, по замыслу, отразить признак явления,

то мы, как правило, имеем в виду, что признак, положенный в основу сжатого определения соответствующего понятия, не соответствует природе явления. В качестве примера можно привести термин дескриптивной лингвистики «сверхсегментная морфема», применяемый по отношению к интонации или ударению. В самом деле, морфема, по определению, должна иметь фонематическое строение, термин же своим содержанием противоречит этому требованию. Значит, в лучшем случае, нужно назвать этот термин «условным».

Объяснительным терминам противопоставлены опознавательные термины, внутренняя семантика которых не включает в себя сущностную характеристику понятия по некоторому признаку. Подобные термины мы встречаем обычно в наиболее устоявшейся части специального лексикона дисциплины. Эти названия, созданные, как правило, в более или менее отдаленные периоды истории науки, либо стихийно опростились с течением времени, либо оказались искусственно опрощенными в результате переосмысления последующими поколениями исследователей. Ясно, что в отличие от объяснительных терминов апелляция к содержанию кроющихся за такими терминами понятий на основе разбора их собственной семантики – дело совсем непродуктивное.

К сожалению, мы иногда являемся свидетелями того, как в ходе лингвистических дискуссий происходит подобная подмена предмета обсуждения. Споры вокруг таких принципиальных грамматических понятий, как, например, «вид», «модальность», «род», «часть речи», «связка» и целый ряд других, вместо того, чтобы быть последовательно познавательными, оказываются подчас лишь скрыто терминологическими. Избежать превращения обсуждений научных проблем в «споры о правильности имен», сосредоточить внимание на содержании понятий и сущности явлений, а не на их обозначениях и помогает отмеченное разграничение двух типов терминов, используемых учеными.

Другим важным вопросом методологии науки, требующим четкого осознания представителями такой неформальной дисциплины, как грамматика, является проблема характера определений, даваемых лингвистами ее центральным понятиям и категориям. Поскольку эти определения касаются неформальных

категорий, отражающих бесконечное многообразие конкретных явлений действительности, к ним, в отличие от определений в точных науках, нельзя предъявлять требования полноты и исчерпываемости, как и абсолютной операционности (то есть однозначного покрытия всех без исключения явлений, подводимых под категорию). Более того, можно сказать, что наиболее полным определением соответствующего категориального понятия является вся сумма наших знаний о нем. Отсюда следует, что само научное описание некоторого объекта языка и его грамматики, отображаемого соответствующим понятием, можно осмыслить как последовательность его сущностных определений, которые в своей совокупности составляют его полное определение, соответствующее тому или иному состоянию его научного представления.

С другой стороны, если из указанной серии определений то или иное будет выдвинуто в качестве наиболее представительного (то есть «канонизируется» в виде определения-репрезентанта или классической «дефиниции»), то, хотя и не являясь исчерпывающим, оно безусловно должно отражать некоторые существенные свойства описываемого объекта¹.

В нижеследующем анализе теоретических понятий и определений грамматики, лежащих в ее основаниях как лингвистической дисциплины, мы целиком руководствуемся отмеченными принципами и выражаем надежду, что читатель, следя за ходом изложения, будет вместе с нами постоянно иметь их в виду.

¹ «...для *обыденного употребления* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить» (*Энгельс Ф.* Из подготовительных работ к «*Анти-Дюрингу*» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 635).

Часть I

ГРАММАТИЧЕСКИЙ
СТРОЙ – ОСНОВА
СИСТЕМНОСТИ
В ЯЗЫКЕ

нятию системы в вышеприведенной трактовке его сущности. Фонетический строй служит материальной подосновой языка, он определяет физическое представление значимых языковых единиц всех уровней. Лексический строй объединяет все множество непосредственно назывных средств языка, то есть слов и стабильных словосочетаний. Грамматический строй объединяет закономерности построения высказываний из назывных средств языка в процессе производства речи (говорения или письма) как воплощения мыслительной деятельности человека. Будучи организатором построения высказываний, а через них и речи в целом, грамматический строй является основой системности языка.

§ 2

Знаковость единиц языка выявляется в том, что они служат для обозначения предметов и явлений действительности, то есть служат, в очень широком смысле, «знаками» предметов и явлений (см.: [Степанов, 1975а, с. 8 и сл.; Кодухов, 1974, с. 123 и сл.]).

Среди ученых не закончен спор о том, следует ли понимать знак как объект, включающий в себя и форму (материальную оболочку), и значение, или же как объект, включающий в себя только форму (относимую к определенному значению) (см.: [Общее языкознание, 1970, с. 106 и сл.; Ветров, 1968, с. 34 и сл.; Будагов, 1981, № 2, с. 23 и сл.]. Иначе говоря, предметом данной дискуссии об «односторонности» или «двусторонности» знака является утверждение верности лишь одного из двух «знаковых треугольников» (см. рис. 1).

Не вдаваясь в детали дискуссии, укажем, что для лингвиста принципиально важно видеть реальное единство формы языкового знака и его значения, которые совместно противопоставляются обозначаемому «предмету» в рамках рассматриваемых треугольников. Следовательно, при любой интерпретации данного отношения его отражающая, «знако-значащая» часть (представленная на рисунке основаниями треугольников) должна рассматриваться в качестве двусторонней сущности, вычленивающей формальный (материальный) и функциональный (значимый, идеальный) аспекты.

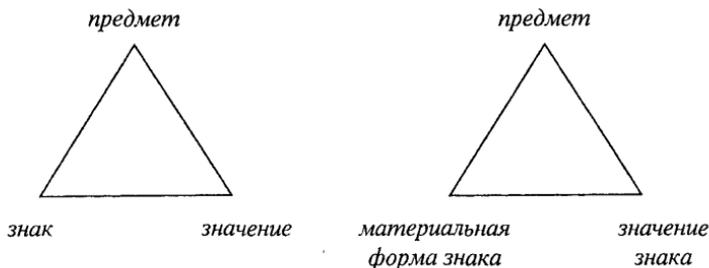

Рис. 1. Варианты «знакового треугольника».

Но при анализе значения знака мы должны обратить внимание на явление, которое особенно важно для собственной, внутренней понятийной базы предмета лингвистики. Это явление состоит в расщеплении значения языкового знака в речевой цепи на обобщенный и конкретный компоненты.

Обобщенный компонент значения многократно повторяется в разных актах общения, а конкретный компонент значения приурочен лишь к данному, ситуативно связанному, конкретному высказыванию. Даже значение имен собственных, обозначающих отдельных людей и единичные предметы, обнаруживает это расщепление.

В самом деле, обобщенное значение имени собственного человеческого («фамилия человека», «женское имя», «мужское имя», «ласкательное имя ребенка» и т.д.) – это не то же самое, что непосредственное, ситуативно-связанное значение имени человека, которого мы имеем в виду в конкретной ситуации. Такое обобщенное значение получает особый акцент при нарицательном употреблении имени собственного. Ср.: It may be **any Jack** or **Jill**. **A Mr Tarrington** called here twice in the morning, Sir. Who can recognize in this impostor **the Ronny** of the Big Mountains?

Обобщенное значение имен уникальных предметов (названия географических и астрономических объектов, всевозможные имена-реалии национальной и общественной жизни) тоже четко выступает при их расширительном и фигуральном употреблении. Ср.: The man was beaming on the newcomers like **another sun**. **A regular Sahara**, that's what the street is at this time of the day!

Вот эти обобщенные значения, вместе с обобщенными формальными признаками языковых единиц (в отвлечении от индивидуаль-

ных особенностей звучания или графики в реально произнесенных и записанных высказываниях), и составляют то, что строит систему языка как систему средств выражения, хранения и передачи человеческих мыслей. Именно в этом понимании лингвисты говорят о языковом знаке как о «двусторонней» единице, выявляющей единство языковой формы и языкового значения. Языковое значение (семантика) в акте общения превращается в конкретную информацию о вещах и отношениях, передающуюся от говорящего–пишущего («агента» речи, отправителя сообщения) к слушающему–читающему («реципиенту» речи, получателю сообщения).

Мы указали на знаковый характер единиц языка.

Однако признание знакового характера единиц языка не должно вести к отождествлению этих единиц со знаками в искусственных знаковых (семиотических) системах или кодах, применяемых в различных областях деятельности человека: таковы, сигналы светофора, дорожные знаки, морская сигнализация, формализованная запись в различных областях знания и искусства, языки программирования и т.д. (См.: [Общее языкознание, 1970, с. 140 и сл.].) Коренное различие между языком и искусственной знаковой системой состоит в том, что искусственная знаковая система специально создается как заместитель языка, репрезентируя его в определенной узкой сфере общения. Иначе говоря, любой искусственный язык-код связан с обозначаемыми предметами опосредованно, через естественный язык, то есть через его слова и предложения. Обычный, естественный человеческий язык не только лежит в основе создания любой искусственной знаковой системы, но он является тем коренным фактором, который постоянно поддерживает существование и использование искусственной знаковой системы. Где нет естественного языка, там не может быть и никакой искусственной знаковой системы, специфически замещающей собой лишь отдельный его участок.

Общая система языка распадается на некоторые малые, частные системы, каждая из которых делится на еще более малые системы. Общая система является «макросистемой» по отношению к образующим ее частным «микросистемам». В более гибких терминах, подобные отношения описываются как отношения надсистем и подсистем.

Таким образом, язык в целом – это макросистема или всеобщая надсистема по отношению к системным рядам элементов, ее составляющим. Три основные подсистемы языка образуют его фонетический строй, лексический строй (словарный состав) и грамматический строй. Данные подсистемы настолько сложны, что о них никогда не говорят как о «микросистемах»; как правило, их мыслят в виде определенных систем, расчленяющихся на множества соответствующих подсистем и микросистем.

Например, в рамках фонетического строя система фонем включает гласные фонемы и согласные фонемы. Общий состав фонем есть надсистема по отношению к подсистемам гласных и согласных фонем. Система гласных, в свою очередь, членится на гласные переднего ряда, гласные среднего ряда, гласные заднего ряда, образующие соответствующие подсистемы.

В рамках грамматического строя, являющегося существенно более сложной областью языка, чем фонетический строй, мы видим расчленение общей системы на систему морфологии и систему синтаксиса, вычленяющих, соответственно, систему морфологических разбиений словарного состава с их категориями-микросистемами и систему синтаксических разбиений словесных последовательностей (в разнообразных типовых рядах словосочетаний и предложений) с их многочисленными системными подразделениями.

§ 3

Современная лингвистика и теория грамматики как ее составная часть являются продуктом долгого исторического развития. Ранние грамматические описания языка, естественно, не могли быть последовательно системными, поскольку они ни в каком явном виде не использовали понятие системы, в те времена еще не разработанное.

Тем не менее идея системности, хотя в явной форме не сформулированная, присутствовала в грамматическом учении с самого начала его появления. Ранние грамматические описания языка были стихийно, или интуитивно, системными, так как, излагая факты познаваемого языка, они одновременно отражали их внутрен-

ний системный характер. Таковы грамматические описания древних греков (Аристотель, стоики, александрийские ученые), древних индийцев (Панини), ученых эпохи европейского Возрождения («рациональная» грамматика Пор-Руаяля). (См.: [Березин, 1975, с. 5–21; Иртеньева и др., 1969, с. 5–15].)

Будучи интуитивно системными, указанные описания, однако, строились при полном непонимании исторического развития языка, диалектически связанного с развитием народа – его творца и носителя. В этом смысле ранние грамматические описания еще не были научными в собственном значении данного слова.

Открытие исторического родства языков и их исторической эволюции, сделанное в первой четверти XIX века, ознаменовало наступление эпохи научного языкознания, все глубже и глубже проникающего в природу языка как общественного явления. В языкознании был создан специальный сравнительно-исторический метод, и сравнительно-историческое изучение семей родственных языков стало ведущей линией деятельности лингвистов вплоть до начала XX века. (См.: [Иртеньева и др., 1969, с. 18–24].)

Однако сравнительно-историческое изучение языков, проводившееся в этот период бурного развития науки, имело определенные недостатки. К концу XIX века оно сконцентрировало основное внимание на эволюции отдельных элементов языка, таких, как различные звуки, слова, флексии, теряя перспективу существенных связей этих элементов с другими элементами системы. Таким образом, развивающееся сравнительно-историческое языкознание в какой-то степени отошло от интуитивно-системного подхода к языку, характерного для ранних грамматических теорий. Такой поэлементно-расчленяющий анализ языка был назван его последующими критиками «атомистическим» анализом, поскольку он отвлекался от системы языка в целом.

Антитезой к атомистическому подходу в языкознании явилась новая концепция языка, которая потребовала от лингвистического описания раскрытия природы составных элементов языка в их действующих взаимосвязях и взаимозависимостях, то есть в раскрытии, в конечном счете, системного характера языка в строгом смысле этого слова. Новая лингвистическая теория была сформулирована русским ученым И. А. Бодуэном де Куртене (конец XIX

века) [Бодуэн де Куртене, 1963]¹ и швейцарским ученым Фердинандом де Соссюром (второе десятилетие XX века) [Соссюр, 1977]².

Ядром новой теории явилось разграничение языковых планов синхронии и диахронии, приведшее к пониманию синхронной соотнесенности элементов как фундаментального фактора существования и функционирования системы языка.

Новая лингвистическая теория продемонстрировала, что, хотя язык непрерывно изменяется вместе с историей народа, в каждый данный момент он представляет собой целостную систему взаимосвязанных элементов. Эта система живого языка не должна смешиваться с диахроническими явлениями его эволюции, то есть с теми фактами, которые выявляются учеными в ходе историко-лингвистического анализа и относятся к разным периодам языкового развития. Иначе говоря, история языка есть последовательное изменение компонентов синхронной системы, не приводящее к отрицанию системы как таковой ни в один из моментов ее существования (в противном случае нарушилось бы общение людей – носителей языка).

Так, в синхронный план современного английского языка входят следующие слова, взятые в разных рядах лексико-грамматической соотнесенности: *what – that..., shall – will..., I – you..., sing – sings...* и т.д. В одном из синхронных планов древнеанглийского периода (письменные) слова, соответствующие приведенным современным, выглядели так (в современной печатной графике): *hwæt – thæt..., sceal (sculan) – wille (willan)...., ic – thu..., singan – singeþ...* и т.д.

Диахронические соотношения следует представить как пересекающие синхронические соотношения: *what – hwæt, that – thæt, shall – sceal, will – wille, I – ic, you – thu* (для множественного числа, соответственно, *you – ge*), *sing – singan, sings – singeþ*.

Что касается речи как таковой, то есть речевого потока говорящего или пишущего, то она строится только из сосуществующих, синхронных элементов языка. Ср. древнеанглийское пред-

¹ О лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртене см.: [Амирова и др., 1975, с. 481 и сл.].

² О лингвистической концепции Ф. де Соссюра см.: [Слюсарева, 1975].

ложение, построенное из приведенных слов (Бэда Достопочтенный, конец IX века) и его соответствие в современном английском языке: *Hwæt sceal ic singan?* – *What shall I sing?*

§ 4

В понятии синхронии следует различать абсолютный и относительный аспекты.

Абсолютная синхрония раскрывается в самом определении понятия синхронии как (воображаемой) оси или плоскости одновременности, связывающей элементы действующей языковой системы. Находясь в понятийной области абсолютной синхронии, мы отвлекаемся от повторяемости языковых элементов в процессе функционирования языка и учитываем лишь сам факт их отождествления носителями языка вне зависимости от разновременности реальных актов общения, как и временной протяженности самого процесса речеобразования (процесса общения). Когда же мы обращаемся к разновременности как реальности, вне которой язык существовать не может, нам приходится говорить также и об относительной синхронии, то есть о языковой синхронии, имеющей протяженность во времени.

Для того чтобы составить себе ясное представление об относительной синхронии, следует иметь в виду, что синхронное отношение в системе связывает существенно разные элементы языка (иначе между ними не устанавливались бы «отношения»), которые могут находиться как в составе одной микросистемы, так и в составе разных микросистем.

Так, английские неопределенные и длительные формы глагола являются абсолютно синхронными, сосуществуя в действующей грамматической системе современного английского языка. Но между неопределенными формами глагола, скажем, в тексте произведений Оскара Уайльда (конец XIX века) и длительными формами глагола, скажем, в тексте произведений Моники Диккенс (современность) тоже можно установить некоторое синхронное соответствие в лингвистическом смысле. Эти формы являются относительно синхронными величинами, потому что их грамматические свойства, обнаруживаемые порознь в обеих ча-

стных языковых системах («стилях автора» или «идиолектах»), повторяются в единой системе языка английского народа в течение всего периода времени, разделяющего творчество указанных авторов. Эти величины лингвистически синхронны ровно настолько, насколько тождественными в обоих рассматриваемых одновременных текстах оказываются, соответственно, неопределенные формы глагола (у О. Уайльда и М. Диккенс) и длительные формы глагола (у О. Уайльда и М. Диккенс). При этом речь идет не только и не столько о внешнем оформлении сопоставляемых величин, сколько об их полном функциональном статусе.

Рассмотренное соотношение в общем виде можно сформулировать следующим образом. Пусть $M_1(A_1, B_1)$ и $M_2(A_2, B_2)$ – языковые подсистемы, расположенные на двух временных уровнях существования языка. В таком случае отождествлению систем M_1 и M_2 ($A_1 = A_2, B_1 = B_2$) соответствует установление относительной синхронии между элементами системы M_1 и элементами системы M_2 ($A_1 - B_2, B_1 - A_2$).

Схематически эта зависимость показана на рис. 2. Относительно синхронные элементы связаны здесь «диагональным» отношением.

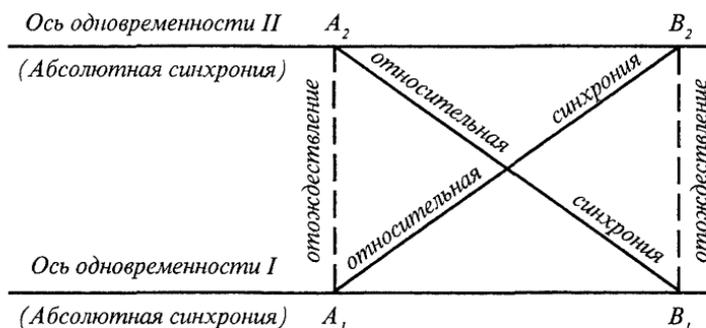

Рис. 2. Абсолютная синхрония и относительная синхрония.

Нетрудно видеть, что идея относительной синхронии, по существу, лежит в основе понятия «синхронный срез языка», применяемого в современных историко-лингвистических исследованиях.

Таким образом, относительная синхрония выявляется в соотношении элементов письменных текстов, а в современную эпоху и звуковых записей речи, относящихся к разным временам существования языка, но обнаруживающих тождество формы и функции в пределах соответствующих микросистем. Для разных групп элементов периоды относительной синхронии различны. В словарном составе языка исторические изменения совершаются наиболее быстро, поскольку лексика прямо и непосредственно отражает материальное и общественное развитие народа. Микросистемы грамматического строя меняются гораздо медленнее, потому что грамматика лишь опосредованно связана с развитием общества. (См. материалы дискуссии в кн.: [О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков, 1960]).

Так, основные черты категориального статуса падежных форм современного английского существительного и местоимения установились в течение среднего периода истории английского языка, к концу этого периода стабилизировались главные категориальные признаки современных глагольных форм перфекта, тогда как глагольная категориальная подсистема длительности приняла современный вид тремя или даже четырьмя столетиями позднее.

Именно различие в протяженности периодов относительной синхронии разных элементов и микросистем языка служит фактором непрерывности и постепенности его исторического развития: в каждый данный период истории, ограниченный рамками абсолютного (астрономического) времени, некоторые элементы языка меняются, переходя в языковую диахронию, другие же в своих категориальных и функциональных подсистемах остаются неизменными, то есть, соответственно, тождественными самим себе и относительно синхронными друг другу. Историко-языковой процесс, как было отмечено выше, не может иметь внезапных глобальных переломов в силу самого назначения языка служить средством общения людей.

Итак, раскрытие различия между языковой синхронией и диахронией оказалось принципиальной предпосылкой для формулирования системной концепции языка.

Глава 2

ЯЗЫК И РЕЧЬ

§ 1

На фоне различия синхронии и диахронии, приведшем лингвистов к вычленению системы языка в действии, выпукло предстает разграничение между языком и речью, – разграничение, занимающее центральное место в проблематике современного языкознания. Об этом разграничении ученые пишут: «Проблема антиномии «язык – речь» продолжает оставаться центральным вопросом всей послесосюрровской лингвистики» [Пиотровский и Турыгина, 1971, с. 5]; «Вопрос о природе речи и ее отношении к языку является основным методологическим и теоретическим вопросом синтаксиса» [Ахманова, Микаэлян, 1963, с. 110].

Язык как система средств выражения и речь как реализация выражения в процессе общения составляют неразрывное единство. На этом основании некоторые языковеды считают проведение различия между ними неправомерным. Но единство сторон явлений действительности вовсе не предполагает их тождества.

В этой связи можно сослаться на свидетельство самого языка. Для народа-языкотворца язык и речь не мыслятся как тождество и в силу этого имеют свои разные названия, что прослеживается в различных языках мира. Характерна различная семантико-этимологическая природа этих названий, в частности в русском и многих других индоевропейских языках: «язык» – неотчуждаемый орган человека, «речь» – слово, речение, высказывание, передаваемое другому.

Следует отметить, что положительные результаты исследований в рассматриваемой области нередко бывают затемнены тер-

минологическими трудностями и недоразумениями, происходящими из двойственного употребления понятия «язык» – в широком смысле и узком смысле.

Широкое понятие языка включает по крайней мере четыре частные стороны, каждая из которых имеет собственную, особую сферу лингвистической проблематики.

В широком понятии языка выявляется, во-первых, понятие фонда наличествующих, готовых формально-смысловых единиц, служащих непосредственным материалом для построения высказываний. Этот фонд, если оставить в стороне вопрос о его гетерогенности и не вдаваться в тонкости межуровневых соотношений морфематики и лексематики, покрывается названием «словарный состав». Во-вторых, широкое понятие языка включает понятие фонда структурных моделей изменения и сочетания слов или, в другой терминологии, совокупности закономерностей (или «правил») изменения и сочетания слов. Обе указанные стороны понятия четко выявляются, например, в следующем толковании слова *language*, даваемом Оксфордским словарем английского языка: “The whole body of words and the methods of combination of words used by a nation, people, or race...; words and the methods of combining them for the expression of thought” (The Oxford English Dictionary, 1933, vol. VI, p. 57). В-третьих, в широкое понятие языка включается понятие процесса пользования языком – акта говорения и письма. Эта сторона языка выявляется в общем определении языка как средства общения. В-четвертых, широкое понятие языка включает понятие совокупности готовых высказываний на данном языке. Последнее частное понятие выявляется в обычных для лингвиста указаниях о представленности того или иного языка определенными текстами, а также о принадлежности тех или иных отрывков текста определенному языку.

Первые две из перечисленных сторон широкого понятия языка (то есть фонд слов и фонд моделей) формируют узкое понятие языка, вторые две стороны (то есть акт говорения и готовый текст) формируют понятие речи. Таким образом, язык противопоставляется речи именно в последнем, узком смысле, причем главный упор делается на противопоставленности понятия фонда или кода понятию текста или сообщения.

Известно, что в послесоссюровском языкознании делались попытки установить между языком и речью промежуточную категорию, называемую узусом или нормой [Косериу, 1963, с. 156 и сл.]. Плодотворность и необходимость изучения языковой нормы не может вызывать никаких сомнений. Это понятие прочно вошло в современное языкознание [Ярцева, 1969а; 1969б; Москальская, 1967; Пиотровский и Турыгина, 1971]. Однако введение понятия нормы в качестве промежуточной категории, с особой последовательностью обосновываемое Э. Косериу, не снимает главной дихотомии «язык – речь». Во-первых, если это действительно промежуточная категория, то фундаментальная противопоставленность полюсов все-таки остается. Во-вторых (что гораздо более важно), если норма системна в том смысле, что задается говорящему вместе с обычными языковыми средствами, так сказать, в виде закономерностей «второго порядка» – принципов отбора, организации, использования языковых средств, то она тоже включается в язык (с разбиением последнего на систему средств и систему закономерностей их использования). Что касается введения соотносительной пары понятий «норма речи – норма языка» [Гак, 1968, с. 8], то эта пара по собственным определениям не снимает, а утверждает основную дихотомию «язык – речь». Поэтому на настоящем этапе исследований полностью сохраняет силу следующее обобщение В.А. Звегинцева: «... В последние годы нередко можно встретиться с утверждениями, что соссюровское разграничение между языком и речью должно быть снято и заменено новым, соответствующим новым представлениям о природе языка. Так, ныне противопоставляют друг другу схему и узус, код и сообщение, систему и текст (к о р п у с) и пр. Может быть, формулирование в новых терминах, по существу старой проблемы способствует ее уточнению, но отнюдь не снимает ее» [Звегинцев, 1968, с. 94].

§ 2

Строгое разграничение языка и речи (в узком смысле терминов) обычно связывается с именем Ф. де Соссюра (см., например, вышеприведенную выдержку). Однако, если внимательно

рассмотреть предшествующие и последующие лингвистические концепции, то нельзя не увидеть, что положения Ф. де Соссюра – это лишь одна из вех длительной истории, начало которой восходит к самым далеким истокам европейской грамматической традиции. Стоит вспомнить тезис самого Ф. де Соссюра о том, что для правильного понимания природы языка нужно вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики: «Лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже понятой в новом духе, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом, который, таким образом, косвенно помогает лучше осознавать состояния языка» [Соссюр, 1977, с. 115–116].

Зачаток учения о разграничении языка и речи можно найти в диалоге Платона «Софист», относящемся к IV в. до н. э. В этом диалоге ясно намечены две фундаментальные, полярные сферы языка: слово как название сущего и предложение как словесное суждение о сущем. При этом предложение обозначается термином «речь». отождествление предложения и речи, как известно, проходит через всю древнегреческую грамматику. По Платону, слова («имена» и «глаголы») вне предложения, вне речи сами по себе ничего реального не утверждают и не отрицают; лишь в предложении, в речи они получают подлинный смысл, утверждая и отрицая нечто конкретное о вещах, являющихся предметами суждения говорящего.

«...Из одних имен, последовательно произносимых, не получается речь, так же как и из глаголов, произнесенных без имен, – говорит Платон устами своего персонажа. – ...Ведь прозвучавшее не показывает ни в том, ни в другом случае ни действия, ни бездействия, ни бытия сущего или не-сущего, прежде чем кто-нибудь не примешает к именам глаголы. А тут-то уже первое соединение оказывается слаженным и становится речью, – пожалуй, первой и самой малой речью... Когда кто-нибудь скажет: человек учится, ... то это – наименьшая и первая речь...» [Античные теории языка и стиля, 1936, с. 58].

Античное учение о словах-именах и предложении-речи было развито Аристотелем и стоиками и в дальнейшем, у александ-

рийских ученых, послужило основой для создания определенных контуров теории грамматики с морфологическим (структурно-семантические свойства частей речи) и синтаксическим (сочетание частей речи в предложении) разделами.

Дальнейшим этапом на пути принципиального различия в языке системы и продукта ее функционирования становится эпоха Возрождения, когда происходит накопление материала по разным языкам, и, наряду с продолжающейся деятельностью грамматистов, начинается планомерная деятельность лексикографов. Именно в этот период вычленяется традиционная формула состава языка в виде представления его как совокупности словаря и грамматики, воплощенная, между прочим, в известной фразе Готфрида Германна: “*Daue res longe sunt difficillimae – lexicon scribere et grammaticam*” («Две вещи суть особенно трудны – писать словарь и грамматику»).

Что же касается сравнительно-исторического языкознания девятнадцатого века, то здесь разграничение между языком как системой средств словесного выражения и речью как высказыванием, реализуемым в результате функционирования системы, можно считать полностью сложившимся. В дососсюровском языкознании появляется и термин «механизм языка», который пользуется популярностью в современной лингвистике.

Небезынтересно отметить, что разграничение языка и речи в дососсюровском языкознании получило особый импульс в связи с психологическими и эволюционистскими изысканиями, обращавшимися к изучению семиотических систем у животных и их сравнению с языком человека. Вот что пишет, например, эволюционист Д. Романэс о языке и речи, говоря о различии между человеком и животными: «Сказать, что оно (различие – М.Б.) является с возникновением языка, в смысле объяснения знаками, значило бы выразиться слишком широко, так как мы видели, что язык, в широком смысле слова, доступен и низшим животным. Следовательно, границу надо провести не там, где является язык или способность объясняться знаками, но там, где является тот особенный вид этой способности, который мы понимаем под словом речь. Отличительная особенность этого вида делания знаков, следовательно, такая особенность, которая чужда всем

остальным его видам, заключается в предикации, то есть в употреблении знаков, как подвижного шрифта, для составления предложений» [Романэс, 1905, с. 232].

Как видно из выдержки, разграничение языка – подвижного шрифта – и речи – предложений, составляемых из подвижного шрифта, – принимается как нечто само собой разумеющееся.

Наконец, следует сослаться на известные положения И.А. Бодуэна де Куртене о «механизме языка», о «строе и составе языка», который, хотя и представляет собой результат исторического развития и обуславливает пути дальнейшего развития, не может измеряться категориями предшествующего или последующего времени [Бодуэн де Куртене, 1963, с. 67]. Важно отметить, что эти положения были высказаны еще в 1870–1871 годах, то есть почти за полвека до опубликования «Курса» Ф. де Соссюра.

Что касается послесоссюровского языкознания, то с обоснованием специфически «речевой» сущности предложения выступил в начале 30-х годов английский ученый А. Гардинер, но с особенной остротой и последовательностью разграничение языка как системы средств построения предложений и речи как текста, формируемого готовыми предложениями, было проведено в лингвистической концепции А.И. Смирницкого. Анализируя язык как набор фонетико-смысловых элементов и моделей их сочетания, А.И. Смирницкий вывел за пределы единиц языка на низшем уровне фонему (как несмысловой элемент), а на высшем уровне – предложение и со всей четкостью провозгласил слово основной единицей языка, а предложение основной единицей речи (минимальным «речевым произведением») [1957].

Ср. формулировку данной трактовки предложения в работе О.С. Ахмановой и Г.Б. Микаэлян: «...Единицей языка нельзя признать предложение, которое обладает двусторонностью, но не является постоянно воспроизводимой в речи, а представляет собой создаваемое в каждом конкретном случае произведение из ряда взаимодействующих языковых единиц: слов, интонационных единиц, правил соединения слов и т.п. Поэтому предложение является единицей не языка, а единицей речи» [Ахманова и Микаэлян, 1963, с. 123].

Основа подобной концепции широко представлена и в терминах «код – сообщение». Ср.: «...Для всякой науки, с одной стороны, оперирующей конечным множеством значимых базовых элементов, которое выступает в роли «кода» («языка»), а с другой – имеющей дело с потенциально бесконечным числом порождаемых этим множеством «сообщений» («текстов», «речевых фраз», «композиций» и т.п.), изучение антиномии «код – сообщение» («язык – речь») оказывается одной из центральных проблем» [Пиотровский и Турыгина, 1971, с. 5].

Указанная трактовка предложения подводит итог развитию классического учения о соотношении языка и речи. Однако, освещая важную сторону данного соотношения, эта трактовка оставляет нераскрытой другую его сторону, которая выдвигается на первый план в языкознании современной эпохи. Эта другая сторона, демонстрируемая, в частности, теорией парадигматического синтаксиса (см. ниже), выявляется в том, что предложение как единица сообщения в речевой цепи выделяет свою обобщенную модель, типическую конструкцию, стоящую за конкретным, привязанным к своему контексту лексико-семантическим составом высказывания. Такая модель или конструкция закономерно соотносена с другими элементами языка и, следовательно, имеет в языке свой собственный системный статус.

§ 3

Дальнейшая конкретизация представлений о предложении как диалектически расчлняющемся на языковую и речевую принадлежность может быть проведена при рассмотрении содержательной стороны предложения на основе соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации. Актуальность такого рассмотрения понятий диктуется необходимостью строго очертить узко-дисциплинную сторону их специфики, поскольку, как мы отметили во Введении, они используются в нескольких разных областях знания, получая неоднозначную интерпретацию.

Так, в логической и семиотической интерпретации семантика противопоставляется синтаксису как содержание высказывания форме его построения, а в теории информации и кибернетике под

информацией понимается все то, что можно мыслить в терминах сигналов, передаваемых по каналам связи, и способов их обработки, – будь это связь, устанавливаемая между людьми, животными, механизмами или между живым существом и объектом неживой природы.

В логико-семиотических описаниях свойств знаковых систем с особой настоятельностью подчеркивается принципиально несемантический характер синтаксических отношений знаков. Толкования и определения синтаксических отношений, предлагаемые в различных трудах из смежных с лингвистикой областей знания, явно нацелены на то, чтобы «преодолеть» сложившееся в лингвистике понимание синтаксиса как верхнего раздела грамматики со своими особыми языковыми значениями. Подобный десемантизирующий (а следовательно, и деграмматизирующий) подход к синтаксису легко увидеть уже в самых общих формулировках, определяющих триаду измерений семиотики (синтактика – семантика – прагматика). Например, Х. Карри, раскрывая логическое содержание этих понятий, указывает, что «синтаксическая» теория языка должна относиться лишь к структуре его выражений как цепочек символов, а «семантическая» теория языка, кроме структуры языковых выражений, принимает во внимание также их значения [Карри, 1969, с. 141]. Соответственно этому «строго семантическим» признается семантическое утверждение, не являющееся синтаксическим, а «чисто синтаксическим» – такое утверждение, которое не несет никакой семантической информации [там же, с. 143].

Чтобы исключить малейшую возможность какой бы то ни было семантизации в понимании синтаксиса, ограниченного рамками абстрактно-логических отношений между элементами знаковых систем, представители смежных с лингвистикой дисциплин уподобляют синтаксис набору формальных правил некоторой игры. Так, А. Чёрч, стремясь, по-видимому, уберечь синтаксис от «семантического искажения» со стороны «традиционно мыслящего» читателя, вводит в свои пояснения базовых понятий математической логики воображаемого постороннего наблюдателя, обзорающего оперирование формальным языком, содержания которого он не знает. Для этого наблюдателя символы языка должны

обладать лишь таким содержанием, которое дается им правилами игры, аналогично содержанию различных фигур в шахматах. Именно это содержание и определяется как синтаксическое [Чёрч, 1960, с. 61].

Что касается расширительного осмысления в смежных с языкознанием дисциплинах понятия информации (то есть осмысления, выводящего информацию за рамки использования языка в человеческом общении), то оно ясно выступает, например, в определении кибернетики как науки о способах восприятия, хранения, переработки и использования информации в машинах, живых организмах и их объединениях (А.Н. Колмогоров).

Очевидно, собственно лингвистическое содержание трех рассматриваемых понятий, конкретизируясь и уточняясь по мере развития наших знаний, должно постоянно соотносываться с природой того предмета, который изучается лингвистами, то есть человеческого словесного языка.

Информация в лингвистическом смысле берется в обязательной и непосредственной отнесенности к акту языкового общения как таковому. Информация, с точки зрения лингвиста – это сведения, передаваемые говорящим или пишущим слушающему или читающему. Понятие «сведения», в свою очередь, относится к содержательной, то есть семантической, стороне высказывания. Однако информация реализуется лишь в ситуативно-актуализированной, существенно «денотативной» или «референциальной» семантике, и в этом смысле она является не фактом языка как системы средств выражения, а фактом речи или «речевой синтагматики». Самостоятельной единицей информации в процессе языкового общения людей служит предложение. Именно предложение, как единица предикативная, является первичным целостным носителем информации, способным отобразить ситуацию некоторого действия или состояния вместе с ее оценкой.

Выявляясь для участников общения в виде целостной информативной единицы, в которой форма и содержание не могут мыслиться раздельно и каким-либо образом отчленяться друг от друга, предложение служит им не только своим обобщенным содержанием. Напротив, оно представляет собой информативную ценность лишь постольку, поскольку в нем находят выражение

соответствующие составные части содержания – речевые отражения предметов и отношений того кусочка действительности, который включается в отображаемую предложением ситуацию.

Отсюда следует, что каждое предложение в речевой синтаксике является уникальной величиной, которая не может быть взята вне определенного авторства: предложение, несущее информационное сообщение лицу, воспринимающему речь, является воспроизводимым лишь в качестве цитаты. Поэтому, в частности, логико-математическое понятие экземпляра выражения (и предложения как разновидности выражения), посредством которого можно осмыслить тождество цепочек символов в тексте формального (искусственного) языка, неприменимо к предложению, взятому как органический компонент информативно-речевого потока. Так решается вопрос о тождестве «речевого предложения».

Но в содержательной стороне речевых единиц, из которых строится та или иная совокупность (корпус) высказываний, выявляются регулярно повторяющиеся, общие компоненты абстрактного, предельно обобщенного смысла. Эти компоненты, находящие реализацию в составе разных, информативно-несоотносительных предложений, представляют собой непременную принадлежность значений языковых единиц, которая присуща этим единицам в рамках системы средств выражения, отвлеченной от корпуса, и которая как раз позволяет им выступать в роли выразителей конкретного смысла в конкретной речевой цепи. Так, общее значение субъекта действия превращается в денотацию конкретного человека, значение предикативного действия определенной общей разновидности (например, переходно-активной, каузативной, бытийной и пр.) – в денотацию конкретного акта, отношения и т.д. Данные компоненты значения являются, следовательно, собственно языковыми, внутренне присущими системе средств выражения; они-то и составляют ту семантику, которая изучается лингвистикой как наукой о языке – системе средств формирования высказываний. В этом аспекте предложение выступает в качестве величины стандартной, структурно-типизированной, подлежащей анализу в терминах языковой модели, которая служит средством воплоще-

ния «речевого предложения». Таким образом, вопрос об индивидуальном авторстве для «языкового предложения» или «парадигматического предложения» отпадает, и, соответственно, получает право на использование понятие экземпляра предложения, для которого коллективным «автором» выступает общество – творец и носитель языка.

В этом свете следует оценить положение о различении «высказывания» как ситуативно-связанного речевого проявления и «предложения» как типизированной грамматической формы высказывания, которое в последние годы особенно энергично развивается чехословацкими учеными (работы М. Докулила, Фр. Данеша, Й. Вахека и др.). Данное положение связывается в трудах этого направления лингвистических исследований с концепцией В. Матезиуса, выдвинутой им в противовес чисто речевой концепции предложения А. Гардинера и утверждающей, что предложение, входя в язык в виде абстрактной модели, в то же время реализуется в речи как конкретное высказывание [Матезиус, 1967]. Подобный подход к предложению, несомненно, плодотворен тем, что фактически указывает на его диалектическую двойственность (одновременное вхождение и в язык, и в речь).

Но из раскрытия двойственной природы предложения следует, что понятие «высказывания» (а также и «фразы», взятой в качестве интонационно-речевой реализации предложения) будет действительно нести собственную содержательную нагрузку, если оно будет осмыслено именно как определенная сторона предложения, конкретизированная применительно к особой области исследования (положим, синтаксико-стилистической). Если же это понятие будет просто противопоставлено понятию предложения в рамках оппозиции «предложение/язык – высказывание/речь» без объединяющего термина (в качестве какого мы выбираем «предложение», то есть один из собственных терминов оппозиции, полагая, что его двойная содержательная нагрузка в точности соответствует отмеченной диалектической двойственности объекта), то конечным итогом такого расчленения окажется лишь смена терминов, поскольку в речи не может выявляться ни одного обобщенного (типизированного) элемента формы и семантики, который бы не входил в систему языка. В эту систему

не входит на уровне содержания лишь непосредственная речевая информация, а на уровне выражения – элементы индивидуальных физических свойств предложения в каждом конкретном случае. Отсюда, если «высказывание» понимать как некоторый синтаксический или синтаксико-интонационный типизированный элемент речевой деятельности, не являющийся реализацией или манифестацией предложения на том или ином уровне обобщения, то оно, как и предложение, немедленно раздвоится, подчиняясь закону диалектического единства языка – речи и выделяя свою языковую (модель) и речевую (актуализация модели) принадлежность.

§ 4

В свете рассмотренного соотношения интересующих нас понятий можно провести дальнейшее раскрытие специфики предложения с точки зрения его языкового (системного) тождества.

Подходя к общей категории тождества в приложении к системе языка, следует учесть, что, как и другие категории науки, эта категория должна строго увязываться с уровнем обобщенности, на котором рассматриваются изучаемые объекты. При этом очевидная закономерность выявления тождества как определенной стороны качества сопоставляемых объектов состоит в том, что для любых данных элементов мера (степень) тождества повышается с повышением уровня обобщенности соответствующих классификационных признаков, на котором производится анализ. Ср. порядок повышения уровня в лексико-грамматической субкатегоризации существительного с последовательным включением в области отождествления все больших совокупностей объектов: имя деятеля – имя человеческое – имя одушевленное – имя предметной субстанции.

В качестве синтаксического примера рассмотрим следующий отрывок из произведения Ч. Диккенса: “‘What did he do that for?’ inquired Mr. Pickwick, abruptly; for he was considerably startled by this tragical termination of the narrative. – ‘Wot did he do it for, sir?’ reiterated Sam...”

Для автора повествования, как вытекает из его последней ремарки, предложение, произнесенное Сэмом, является простым

повторением высказывания мистера Пиквика. Действительно, ситуативная информация в двух высказываниях существенно одна и та же, причем зачин диалога сделан мистером Пиквиком, и именно это важно для осмысления второго высказывания (переспрос контактоустанавливающего характера) как повторения первого. С другой стороны, ясно, что перед нами, тем не менее, находятся два различных предложения, которые отличаются друг от друга и функциональными (характер встречной адресованности), и лексико-грамматическими (словарный состав с его субкатегориальным делением), и физическими (индивидуальные черты произношения) свойствами. Таким образом, данные предложения квалифицируются как различные не только на высказывательно-фразовом, но и на категориально-парадигматическом уровне, хотя их различие определяется лишь небольшим числом элементов; иначе, за исключением нескольких деталей различия, в них обнаруживается существенное лексико-грамматическое тождество.

Наряду с тождеством на нижних уровнях обобщенности следует различать и другие важные стороны тождества предложения в парадигматико-лингвистическом смысле. В качестве наиболее существенных из этих сторон мы называем тождество деривационной основы предложения, тождество категориально-членной модели предложения и тождество оппозиционной характеристики предложения.

Тождество деривационной основы, выявляемой валентностным минимумом предикативной конструкции (см. ч. III), по содержанию термина относит разные предложения (с их различными синтаксическими значениями) к общему ряду грамматического производства. Так, в следующих предложениях – соответственно, слитном (осложненном), сложноподчиненном и сложносочиненном – в порядке отождествления деривационных основ выявляются разные парадигматические объединения двух синтаксических конструкций, репрезентированных элементарными предложениями “He is frightened” и “He raises an objection”: He was too frightened to raise an objection. – Frightened though he was, he did raise an objection. – He raised an objection, but he was frightened.

Отождествление предложений по категориально-членной модели не требует ни полной, ни частичной идентичности входящей в них лексики. Учет этой стороны тождества предложения являлся решающим для синтаксического раздела традиционной грамматики. Именно на данном виде тождества, кроме экспликации самого членно-категориального состава предложения (определенный член предложения, выраженный определенной частью речи в определенной форме), основано разграничение таких коренных синтаксических понятий, как простота и сложность, нераспространенность и распространенность предложения.

При соединении первой и второй отмеченных сторон парадигматического тождества предложения мы получаем возможность оценить деривационно-типологическое тождество между предложениями совершенно различной лексической природы. Ср.: *He was too deliberately delicate to ask (C.P. Snow). Though she was devoted to George, she would not let me talk about him (C.P. Snow). The presence of a man in her abode disconcerted Constance at the beginning; but she soon grew accustomed to it (A. Bennett).* За различным знаменательно-лексемным составом приведенных предложений нетрудно видеть их восхождение (вместе с предложениями первой серии примеров, данных выше, и в аналогичном семантико-синтаксическом порядке – соответственно, выражение причинно-следственной, уступительной, противительной связей) к объединению идентичных моделей деривационных основ, которые на обобщенном уровне анализа можно представить в следующем виде: «субстантивная группа подлежащего – именное сказуемое с предикативом-прилагательным постоянного или переменного признака – расширение общего типа» + «субстантивная группа подлежащего – личный глагол – расширение комплементивного типа».

Но наиболее интересным на настоящем этапе лингвистических исследований должен быть признан третий из названных видов тождества, а именно тождество по оппозиционной характеристике. Этот вид тождества устанавливается лишь тогда, когда производится вычленение оппозиционного пространства, в рамках которого строятся непосредственные парадигматические ряды сопоставляемых предложений. Таким образом, общей формули-

ровкой тождества в этом смысле будет следующая: два предложения выявляют тождество оппозиционной характеристики в том случае, если они в пределах одного и того же оппозиционного пространства обнаруживают идентичные наборы значений выделенных для этого пространства дифференциальных признаков.

Именно в оппозиционном смысле мера тождества и различия языковых единиц устанавливается в терминах, соединяющих в себе лингвистическую представительность (ведь содержание меры тождества формулируется здесь как языковая функция анализируемых категорий) и количественную точность (поскольку соответствующие функциональные и категориальные свойства единиц подлежат формализации, обеспечивающей строгость их сопоставления).

Соотношение между последним видом тождества и двумя вышеописанными можно проиллюстрировать на следующих примерах: *Jack could do it himself. (And he did it, of which I inform you). Could Jack really have done it himself? (I am surprised and, personally, have reasons to doubt it). Jack might have done it himself. (There is such a possibility, after all).* Все три предложения построены на единой деривационной основе (первый из названных видов тождества), взятой на нижнем лексико-грамматическом уровне (объединение первого и второго видов тождества), однако по оппозиционной характеристике мера их различия значительна, определяясь соответствующими различиями в выражении функциональных значений коммуникативной установки (повествование – вопрос), ситуативной вероятности (реальность – проблематичность) и модального отношения субъекта к действию или состоянию, выраженному знаменательным глаголом (совершение действия как такового – способность к совершению действия).

Перечисление оппозиционных составляющих синтаксической семантики предложения, подобных тем, которые показаны на вышеприведенных примерах, может быть более исчерпывающим и менее исчерпывающим в зависимости от уровня обобщения, на котором производится анализ. Но как бы мы ни дробили или, наоборот, ни укрупняли рубрики оппозиционных сопоставлений, все выявленные виды значений, в силу их непосредственной свя-

зи с деривационной основой предложения, должны оставаться существенными для любого предложения, выполняющего роль полноценной единицы сообщения (подробнее см. ч. III).

§ 5

Возвращаясь к характеристике природы синтаксиса в его отношении к семантике, мы видим, что указать на связь синтаксической структуры языка с семантикой, поставив в известное соответствие содержание, выражаемое предложением, его «чистой синтаксической форме», далеко еще не означает «семантизированного» понимания синтаксиса. Существо дела состоит в том, что синтаксис в системе языка, как и грамматика в целом, не только не противопоставляется семантике, но включает соответствующую область семантики в качестве своей органической, конститутивной части: грамматика и ее синтаксис семантичны по существу, относясь, как и лексика, к знаковой сфере языка. Именно эта семантичность синтаксиса и позволяет предложению выступать в качестве самостоятельной единицы информации в речи, ибо форма или конструкция предложения получает свой постоянный семантико-синтаксический статус (ср. значения связей членов и частей предложения, значения общих категорий предложения), который в процессе коммуникации превращается в информативный статус благодаря ситуативной актуализации составляющих предложение элементов.

Иначе, предложение предстает для носителя языка в качестве словесного объединения, передающего информацию о некотором ситуативном отношении действительности и оформленного как целостный коммуникативно-установочный компонент речевого сообщения в соответствии с синтаксическими закономерностями языка.

Глава 3

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1

Элементы языка находятся друг с другом в двух кардинальных типах отношений: синтагматических и парадигматических.

Синтагматические отношения – это непосредственные отношения элементов в сегментной последовательности (цепочке). Обычно они мыслятся как «линейные» отношения, поскольку звуковые сегменты речи имеют протяженность во времени (репрезентируемую пространственной протяженностью на письме). Ср.: The dark shadows of the trees were becoming longer.

В этом предложении синтагматически соединены слова и группы слов “the shadows”, “dark shadows”, “the shadows of the trees”, “the shadows were becoming longer”.

Морфемы внутри слова тоже соединяются синтагматически. Ср.: shadow/s; becom/ing; long/er. Фонемы синтагматически соединяются в составе морфем и слов, а также на стыках тех и других. Ср.: [ðəˌdɑ:kʃædɔuz əv ðəˌtri:z...].

Соединение двух слов или сочетаний слов, одно из которых (в широком смысле) определяет другое (то есть каким-либо образом модифицирует или уточняет его значение и функцию), называется «синтагмой». Среди соединений знаменательных слов выделяют четыре основных типа синтагм: предикативную (сочетание подлежащего со сказуемым), объективную (сочетание глагола с дополнением), атрибутивную (сочетание существительно-

го с определением), адвербиальную (сочетание глагола с обстоятельством, прилагательного или наречия со знаменательным модификатором).

Ср. примеры: Предикативные синтагмы: night fell; Bobby got worried; the day is done. Объективные синтагмы: saw a light; is smoking a pipe; will meet a friend. Атрибутивные синтагмы: the flood danger; a dominant force; an entrance to the house. Адвербиальные синтагмы: consented reluctantly; shall do in a moment; arrived from abroad; nice in a way; invariably out of place.

Указанным «знаменательным синтагмам» противостоят синтагматические сочетания, образованные соединением знаменательных слов со служебными. Для терминологического различения со знаменательными синтагмами такие сочетания можно назвать «формативными синтагмами». Ср.: with curiosity; more daring; not averse; used to stay.

С другой стороны, внутренний состав слова также организуется синтагматически, образуя «внутренние синтагмы» [Карцевский, 1928]. Внутренние синтагмы представлены объединениями основ в сложных словах (композиционные синтагмы), объединениями корней со словообразовательными аффиксами (дериватно-формативные синтагмы), объединениями основ с грамматическими аффиксами (флексионно-формативные синтагмы). Ср., соответственно: chair/man; brain/wash; some/what; pain/ful; difficult/y; under/clothes; re/form; strong/est; eye/s; awaken/ed; take/s.

В языковой цепочке, выявляющей последовательные зависимости примыкающих друг к другу компонентов, синтагмы семантически упорядочиваются таким образом, что синтагматические объединения отдельных слов образуют, в свою очередь, более широкие синтагматические объединения следующего ранга (см. рис. 3).

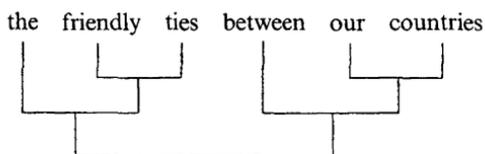

Рис. 3. Уровни синтагматических объединений.

Обобщенное представление синтагматических отношений элементов в подобных синтаксических конструкциях удобно передается схемой так называемых «непосредственных составляющих» (НС), которая расчленяет конструкцию на максимальные составляющие на разных уровнях семантической (или категориальной) обобщенности. При этом, изображая синтагматическое членение конструкции в виде последовательных, все более конкретных делений («ветвлений») ее категориальных элементов, начиная от единой категории, репрезентирующей конструкцию в целом (вершина обобщения в принятом диапазоне анализа), схема наглядно представляет иерархический характер строя конструкции. Такую схему принято называть «деревом непосредственных составляющих».

Применяя обычные лингвистические термины и символы, распишем вышеприведенное сочетание в виде дерева НС (см. рис. 4).

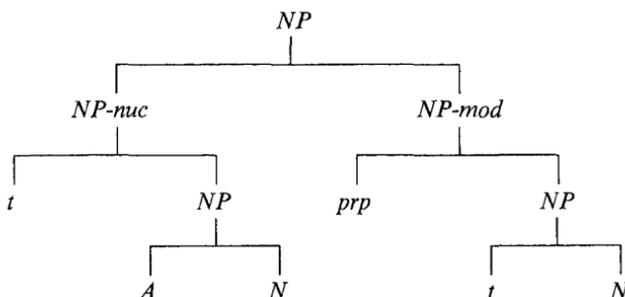

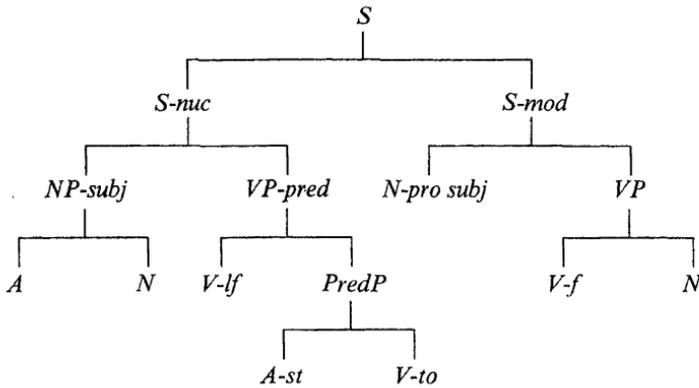
Рис. 4. Дерево непосредственных составляющих.

Символы: *N* – существительное, *A* – прилагательное, *NP* – субстантивное сочетание или фраза, *t* – детерминатив, *prp* – предлог, *nuc* – ядерный элемент, *mod* – модификатор

Аналогичная иерархия синтагм может быть показана и в рамках предложения, как простого, так и сложного (см. рис. 5).

Синтагматические отношения в языковых цепочках могут быть показаны и иными способами. Так, непосредственные модификационные связи слов хорошо отображаются на разного рода «схемах зависимостей» («схемах доминаций»). Ср. представление синтагматической структуры вышеприведенного субстантивного сочетания на одной из подобных схем в словесной стро-

ке и в символах категорий, расположенных на разных доминантных уровнях (см. рис. 6 и 7).

Old Matthews is ready to cooperate, which simplifies matters.

Рис. 5. Дерево непосредственных составляющих сложноподчиненного предложения.

Символы: *S* – предложение, *VP* – глагольное сочетание или фраза, *subj* – подлежащее, *pred* – сказуемое, *PredP* – предикативное сочетание или фраза, *pro* – заместитель, *V-1* – связка, *V-f* – личный глагол, *V-to* – инфинитив, *A-st* – статив или прилагательное состояния.

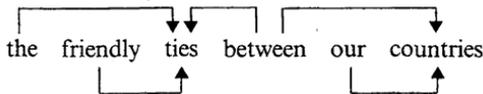

Рис. 6. Строчная схема зависимостей.

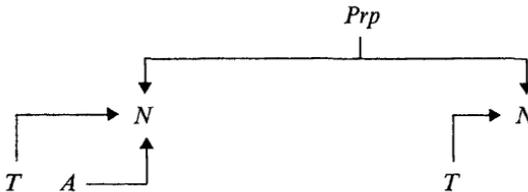

Рис. 7. Категориально-иерархическая схема зависимостей.

Различные типы схем имеют свои преимущества и свои недостатки. Дерево НС, в частности, полезно тем, что наглядно де-

монстрирует соотношения синтагматических объединений элементов конструкции на множестве соответствующих уровней смысловой или категориальной обобщенности, не отвлекаясь при этом от действительного линейного расположения элементов в составе конструкции.

Поскольку синтагматические отношения языковых единиц непосредственно наблюдаются в реально произносимых высказываниях, их иногда называют по-латыни отношениями “*in praesentia*” («в присутствии»).

§ 2

Синтагматическим отношениям элементов языка противопоставлены принципиально другие отношения, а именно, отношения, складывающиеся между ними в языковой системе вне тех цепочек, в которых они совместно встречаются. Различные внутрисистемные связи и зависимости единиц находят выражение в том, что каждая языковая единица включается одновременно во множество рядов соотношенности по разным формальным и функциональным свойствам.

В сфере фонетики языка такие ряды строятся противопоставлениями звуков по различительным признакам гласности – согласности, звонкости – глухости, фрикативности – смычности (взрывности), долготы – краткости и т.д. В области словарного состава эти ряды базируются на отношениях синонимии и антонимии, гипонимии и гиперонимии, отношениях разнообразного тематического родства, разнообразных словообразовательных зависимостей. В грамматике серии соотносительных форм реализуют грамматические числа и падежи, лица и времена, залогов и наклонения, градации модальностей, наборы подчинительных и сочинительных моделей предложений и т.д.

Указанные связи и зависимости в системе языка получили обобщенное название «парадигматических» (Ф. де Соссюр называл их «ассоциативными»). Поскольку парадигматические отношения не могут наблюдаться непосредственно в составе линейной речевой последовательности, их иногда называют отношениями “*in absentia*” («в отсутствие»).

Было бы неверным считать, что различие синтагматики и парадигматики находится в прямом и однозначном соответствии с различием речи и языка, то есть что синтагматические отношения характерны только для речи и, следовательно, не пересекаются с парадигматическими, внутриязыковыми отношениями. В действительности те и другие отношения сосуществуют в языковой системе, и именно их взаимодействие составляет основу выражения любых значений, передаваемых языковыми средствами. Это становится ясным, если принять во внимание, что выражение любого значения требует сосуществования в некоторой знаковой единице языка по крайней мере двух элементов смысла (или функции): одного общего, объединяющего функциональный ряд, частью которого является рассматриваемая единица, и одного дифференциального, выявляющего собственный, неповторимый характер данной единицы в составе ряда. Таким образом, элементарный парадигматический ряд существенно представляет собой «нелинейное» объединение двух явно или неявно выраженных формативных синтагм (формативность берется здесь в узком смысле отношения к данному ряду). Схематически это можно представить так:

$$\frac{A + X_1}{A + X_2},$$

где A – общая (инвариантная) величина, выделяющая ряд в составе некоторой более широкой, включающей системы, а X_1, X_2 – функциональные модификаторы, организующие внутренний строй ряда.

По-видимому, простейшими случаями синтагматико-парадигматического отношения $(A + X_1)/(A + X_2)$ являются классические морфологические парадигмы выражения таких категорий, которые реализуются в формах склонения и спряжения (род, число, падеж, лицо, время и др.). Здесь оба функциональных элемента, постоянный и переменный, четко репрезентированы сегментными формами в виде соответствующих лексических основ и грамматических аффиксов и их эквивалентов. Аналогичные «открытые» синтагматико-парадигматические отношения легко прослеживаются и в рядах словообразования.

Сложнее увидеть подобие таких отношений в разнообразных рядах лексико-семантической соотнесенности (различные варианты системно-ассоциативных семантических связей слов). Однако и в этих случаях, пусть и за возможными нерасчлененными формами внутри рядов (A_1/A_2 : например, в ряду help – assist – aid, etc.), будут обязательно стоять некоторые скрыто расчлененные отношения элементов содержания, передаваемого этими формами, то есть отношения ($A + X_1$)/($A + X_2$), или отношения «в присутствии», выявляемые в каждой форме ряда (парадигматической ступени). В противном случае никакой системно-функциональный ряд языка реализоваться не может. И если на это возразить, что отношения смысла нельзя представлять себе как отношения последовательно-линейные, то ответ здесь может быть лишь один: прямая и непосредственная линейность наблюдается лишь в физическом следовании звуковых и графических сегментов речи друг за другом при отвлечении от их функций и смысла (ср.: [Чейф, 1975, с. 40–41]). Но при отвлечении от функций и смысла языковых сегментов, строящих речь, не может существовать ни синтагм, ни парадигм, то есть никаких серий соединений «определяемых с определяющими». Когда же мы переходим на уровень смысла, то механическое представление линейности, отображаемое на схемах и диаграммах, оказывается по необходимости «кривым зеркалом» действительности: ведь для реализации любого обобщенного смысла отрезка речи требуется одновременное сцепление воедино целого множества элементарных, атомарных смыслов, передаваемых каждый в отдельности через диалектическое единство синтагматических и парадигматических отношений.

Как видим, формула “in praesentia”, интерпретированная как «совместная встречаемость», оказывается, несмотря на нестрогость, более существенной для идентификации семантико-синтагматического отношения, чем формула «линейная связь».

§ 3

Учитывая отмеченную соотнесенность синтагматических и парадигматических свойств языковых единиц, мы получаем разъяснение лингвистического соотношения понятий инвариан-

та и варианта в приложении к строю парадигматического ряда как некоторой инвариантно-вариативной системы выражения определенных языковых функций.

Системный статус любого парадигматического ряда складывается из его внешнего статуса, определяемого связями с другими рядами во включающей системе, и его внутреннего строя, определяемого характером каждого из элементов, его составляющих. Рассматриваемый со стороны внешнего статуса, парадигматический ряд предстает как набор вариативных форм, в рамках которого выражается некоторая обобщенная функция. Что же касается рассмотрения парадигматического ряда со стороны его внутреннего строя, то здесь соотношение его элементов обнаруживает инвариантный характер, поскольку каждый элемент парадигматического ряда должен иметь, в рамках определенной общности, свой собственный, неповторимый в других элементах функциональный статус.

Поэтому в самых общих терминах парадигматический ряд можно представить как совокупность языковых элементов, объединенных на основе вариативно-инвариантного принципа выражения некоторой функции: инвариантная составляющая элементов объединяет их в парадигматическом единстве, а вариативная (варьирующая) составляющая разграничивает их как разные ступени этого единства, своей соотносительностью различающие конкретные реализации функции.

§ 4

Строгое разграничение синтагматических и парадигматических отношений в языке позволяет раскрыть проблему функциональной ценности языковых элементов, связанную с формулированием важнейших методологических принципов трактовки языка как общественного явления.

Понятие ценности (*фр. valeur*), как известно, было использовано Ф. де Соссюром для выдвижения структуралистского принципа, гласящего, что весь языковой механизм вращается вокруг тождеств и различий: языковая ценность, по Ф. де Соссюру, целиком сводится к способности «лингвистического знака» различаться с

другими знаками. Если указанный принцип последовательно провести до конца, то для выражаемых языковыми элементами значений в языке как таковом не останется места. И действительно, семантика недвусмысленно выводится за пределы языка представителями дескриптивной лингвистики, возведшими, как и Ф. де Соссюр, различительность на положение главного свойства языка, обеспечивающего его функциональное назначение в обществе.

Приведем, например, следующее толкование А. Хиллом понятия языкового значения: «Значение существует только на металингвистическом уровне. Пока и поскольку мы не выходим за пределы собственно лингвистических явлений, релевантным (для анализа) будет лишь то, что мы назвали «дифференциальным значением». Этот термин подразумевает не что иное, как тождества и различия: в собственно лингвистическом смысле мы можем лишь сказать, что два элемента являются «одними и теми же» (“sames”) или «различными» (“differents”) и ничего больше...» [Hill, 1958, с. 409].

Оценку данной трактовки языка следует дифференцировать по разным языковым уровням. Так, она в немалой степени приложима к фонематическому строю языка, выполняющего функцию материального формирования, а следовательно, и дифференциации знаковых единиц языка. С другой стороны, нетрудно видеть, что подобный подход к знаковым, надфонематическим языковым элементам не отражает семантического назначения языка: никакой семантической функции чистая различительность иметь не может.

Таким образом, за пределами некоторых прикладных задач лингвистического анализа (таких, как определение условий проводимости информации по каналам связи) кардинально важно выделять в языке собственно содержательные стороны его элементов: информационную (речева я синтагматика) и обобщенно-семантическую (языковая парадигматика).

§ 5

Мы уже знаем, что информация, взятая в интересующем нас узколингвистическом смысле собственно семантического понятия, может быть определена как семантика, передаваемая языковыми элементами в акте речевого общения. Мы знаем также, что

в рамках семантической интерпретации понятия информации те из компонентов значения, которые являются постоянной принадлежностью парадигматической системы, сами по себе не могут рассматриваться как «информация»: назначение языка состоит не в том, чтобы о чем-либо «информировать» своих носителей, а в том, чтобы служить средством формирования и передачи информации. Отсюда, строго различая, с одной стороны, парадигматическую (языковую) семантику и, с другой стороны, речевую информацию, передаваемую элементами языка с помощью своей семантики, мы получаем право говорить о соотносительной информативной ценности этих элементов в коммуникации.

Для такой предметно-объективной характеристики информативной ценности языковых элементов естественно обратиться к понятию информативно-коммуникативного или информативно-синтагматического дублирования, то есть повторения некоторым последующим элементом высказывания той информации, которая была передана некоторым предшествующим элементом высказывания. Понятие дублирования является фундаментальным как для теории связи, так и для изучения проблемы экономии в языке, разрабатывавшейся первоначально в фонетике (с конца XIX века), затем включенной в морфологические и, наконец, синтаксические исследования (критическую оценку теории языковой экономии см. в раб.: [Будагов, 1972]). На настоящем этапе разработки проблемы существенно, однако, связать понятие дублирования с указанным расслоением семантики элементов высказывания по двум принципиально различным, но находящимся в диалектическом единстве сферам: информативно-синтагматической и семантико-парадигматической.

Чтобы понять специфику элемента, который можно трактовать в терминах информативного дублирования, следует учесть природу смысловой информации как речевого фактора: непосредственным, коммуникативно оформленным компонентом речи является предложение, поэтому информативный элемент оценивается как дублирующий или недублирующий в свете той суммарной информации, которую несет предложение в целом. Если же элементом, подлежащим информативной оценке, оказывается предложение, то его семантика рассматривается на фоне об-

щей информации, передаваемой соответствующей «сверхпредложенческой» конструкцией (см. ниже). При этом необходимо проводить строгое различие между дублированием полным и дублированием частичным.

Элемент, передающий информацию, находящуюся в соответствии с некоторой коммуникативной задачей высказывания (слово, словосочетание, предложение), признается полnodублетным, если его информативно-семантический состав не несет новых сведений по сравнению с семантическим составом предшествующих элементов ни непосредственно, ни опосредованно через связи с другими элементами высказывания; такой элемент не вносит ничего нового в суммарную информацию, передаваемую высказыванием.

Классическим примером полного информативного дублирования служат речевые повторения. Близким к полному повторительному дублированию является структурно-вариативная разновидность полного дублирования, при которой повторение сопровождается некоторой модификацией структуры. Ср.: **You won't believe me, you will never believe me now.** Peter, I'm going to cry... (I. Murdoch). **"She was very isolated,"** said Calvin. **"She was peculiarly isolated,** and very near to despair in any case." (I. Murdoch).

Другой тип полных информативных дублетов мы встречаем в перифразах-переназываниях. Ср.: "Look here, old boy," said Grimes, **"just you shut up.** You're not being tactful. See? **Just you keep quiet,** and I'll give you all some nice beer." (E. Waugh). **"No wonder your father gets cross with you."** – "How do you mean?" – "Well, all these stories you keep on telling – **no wonder he keeps losing his temper"** (K. Waterhouse and W. Hall).

Рассмотрение переназывающих информативных дублетов показывает, что полное дублирование подразделяется на два типа по принципу отношения к объему непосредственно повторяемой информации: оно может быть равнообъемным (вышеприведенные примеры) и, кроме того, сжимающим. Примеры сжимающего дублирования дают, в частности, однословные субституты, коррелятами которых (как антецедентами, так и постцедентами) служат различные развернутые словесные объединения. Ср.: "... Well, well, it could be the reason." – **"That, and your wife Esther?"**

– “Yes, yes, **both** perhaps...” (A. Paton). Did you hear **that**? I’m askin’ you, Sailor Mahan, did you hear **what them two graspin’ rascals said**? (S. O’Casey).

Что касается частичного дублирования, то, в отличие от полного, оно характеризуется неполной совмещаемостью информативно-компонентного состава элементов в рамках отображаемой ситуации. Частичное дублирование в широком смысле выполняет функцию установления семантических связей между элементами высказывания. Таким образом, повторительный, заместительный (субституционный) или перифрастический дублет, вступающий в новые семантические отношения в процессе развертывания речи-мысли, уже не может быть определен как информативно-полный при учете ситуации в целом. Ср.: Perhaps I don’t blame you – for the life you’ve led. I might possibly have done **the same...** (G. Gordon).

В связи с явлением частичного дублирования следует ввести понятие информативной необходимости элемента высказывания. Всякий частично-дублетный элемент, если он отвечает коммуникативной задаче высказывания, признается информативно-необходимым в той же мере, что и прочие, недублетные элементы речи: такой элемент информативно необходим постольку, поскольку вносит свой уникальный, неповторимый в других элементах вклад в суммарную информацию, передаваемую высказыванием.

Анализ отношения всего семантического состава высказывания к его информативно-необходимому составу позволяет характеризовать высказывание и его части в семантических терминах информативной достаточности, избыточности и недостаточности.

Высказывание признается оптимально достаточным в информативном смысле, если оно адекватным образом строится только информативно-необходимыми элементами, то есть если в его состав, по мере развития речи, не включаются полnodублетные элементы, и, вместе с тем, находит выражение весь объем семантики, подлежащей передаче получателю сообщения в условиях данной коммуникации. Высказывание признается избыточным, если, по мере развития речи, в его составе выявляются полnodублетные элементы. Важно подчеркнуть, что семантическое понятие избыточности, как и понятие достаточности, имеет лингвистический характер.

тический смысл лишь для высказываний, отвечающих задачам коммуникации. Поэтому для того чтобы установить информативную ценность некоторого высказывания по описываемой трехступенчатой шкале, следует обязательно отнести это высказывание к соответствующему ситуативному контексту.

Информативная недостаточность, по содержанию термина, отличает высказывание, неспособное ответить задачам коммуникации из-за пробела в информационном составе.

Известно, что избыточность как определенная характеристика строя «различительной» информации (фонематические и буквенные цепочки, передаваемые по каналу связи), нейтрализуя отрицательное действие помех, может оказаться весьма нужным качеством с точки зрения конкретных способов и условий осуществления коммуникации. Аналогично различительной информации, семантическая избыточная информация тоже может быть как полезной, так и бесполезной. Вопрос о том, полезна или бесполезна избыточность в конкретном высказывании, решается с учетом специфики общения и, в частности, необходимости преодоления внешних коммуникативных помех и других факторов, могущих затруднить восприятие сообщения: дефектов речи у отправителя сообщения, дефектов слуха у получателя сообщения, необходимости возвращения к сказанному ранее и т.д.

§ 6

Рассмотренные понятия, относящиеся к информативной ценности языковых элементов в синтагматике высказываний, можно в несколько преобразованном виде применить к характеристике парадигматической системы языка.

Переходя от речевой синтагматики к языковой парадигматике, мы говорим не об информативных оценках соответствующих структур и парадигм с точки зрения задач конкретной коммуникации, а о постоянных семантических характеристиках, выявляющихся в отношении всего компонентного состава некоторой структуры или парадигмы к необходимому составу данной структуры или парадигмы. При этом необходимость элемента уста-

навливается через различие полного и частичного семантического дублирования, что в области языковой парадигматики оказывается не менее важным, чем в области речевой синтагматики, и что существенным образом дополняет изучение явления вариативности в языке.

Однако статус полного дублирования в парадигматике подвергается коренной переоценке относительно с полным дублированием в информативно-речевом смысле. Действительно, представляется очевидным, что если полное информативно-синтагматическое дублирование может быть как бесполезным, так и полезным, то полное семантическое дублирование в парадигматических формах будет оцениваться только как бесполезное: системе выражения в идеале не требуется иметь более одной формы для передачи некоторого функционального значения (то есть значения, определяемого данным системным рядом, взятым в широком смысле этого термина, включая и ряд синонимический), и поэтому в результате полного семантического дублирования в парадигматических формах может возникнуть лишь бесполезная перегруженность парадигмы. Подобную балластную парадигматическую дублетность можно наблюдать на примерах варьирующих форм, относящихся к разным грамматическим областям английского языка (ср. дублетные формы множественного числа существительных, степеней сравнения, сослагательного наклонения, конструкций обладания, побудительных конструкций и т.д.). Обозревая этот материал, приводимый под соответствующими рубриками в обычных нормативных грамматиках, нетрудно увидеть случайный, несистематический характер дублетных форм в парадигматической синхронии языка, хотя все указанные формы в конечном счете не могут не быть обусловлены закономерными процессами развития языка.

Таким случаям «перегруженных» парадигматических рядов в системе языка противопоставляются случаи «недогруженных» парадигматических рядов – при отсутствии в них определенных парадигматических ступеней, регулярных для общей парадигматической схемы данной категории. Классическими примерами парадигматически неполных, недостаточных, грамматических форм в английском языке могут служить в области глагола ряды

«недостаточных» глаголов, в области существительного – слова с омонимичными формами числа и единственной формой числа (из серий *singularia tantum* и *pluralia tantum*).

С другой стороны, легко видеть, что частичное семантическое дублирование (являющееся, как правило, одновременно и формальным) является одним из фундаментальных свойств парадигматической системы как таковой: оно выступает в качестве принципиальной основы существования парадигмы как инвариантно-вариативного ряда, отражающего познавательную синтетико-аналитическую деятельность человеческого мышления. Любая структурно-семантическая основа в системных рядах выражения выявляет семантический дублет на разных ступенях ряда (ср. основу изменяемого слова, первичную основу словообразовательного ряда, деривационную основу синтаксического ряда конструкций различного статуса) – дублет, который, преломившись в функциональной специфике этих ступеней, не может быть осмыслен как тривиально «полный».

Обследуя язык с названной целью установления в нем места и характера дублетных форм, мы замечаем, что в процессе языковой коммуникации говорящий сплошь и рядом получает возможность замещения некоторого языкового элемента каким-то другим, вообще говоря, функционально нетождественным элементом, способным передать приблизительно ту же самую существенную информацию в данных контекстно-ситуативных условиях. Отвлеченные от контекста и рассмотренные в качестве составных частей системы, такие элементы, дублирующие друг друга «на данный случай», немедленно выявляют семантико-парадигматические различия; дублетность *ad hoc* исчезает, каждая форма сразу возвращает себе индивидуальность, явственно противопоставляющую ее всему набору форм, удовлетворяющих требованиям семантической эквивалентности для заданных условий ситуации и контекста.

Это еще один вид частичной дублетности, стоящий на грани между синтагматической и парадигматической дублетностью. Как и другие виды частичной дублетности, такая дублетность, которую можно назвать «контекстно-ассоциативной», должна быть квалифицирована как бесспорно полезная. Более того, она

является одним из факторов, отражающих гибкость языка как средства общения, его приспособляемость к меняющимся коммуникативным условиям и почти неограниченные выразительные возможности с точки зрения тех реальных требований, которые предъявляют ему участники коммуникации.

С явлением контекстно-ассоциативной дублетности мы, в частности, сталкиваемся при нейтрализации грамматических оппозиций. Приведем несколько примеров подобных контекстно-ассоциативных грамматических дублетов, выбранных наудачу: I forgot it. – I've forgotten it. – I forget it. (Объединяющее значение в определенной ситуации: «Я забыл это».) He is coming, too. – He will be coming, too. – He will come, too. (Объединяющее значение: «Он тоже придет».) Must I leave? – Should I leave? – Ought I to leave? – Am I to leave? (Объединяющее значение: «Следует ли мне уйти?») The work is done. – The work has been done. (Объединяющее значение: «Работа выполнена».) The gun is firing. – The gun is being fired. (Объединяющее значение: «Орудие стреляет».) Do you understand? – Don't you understand? – Can't you understand? (Объединяющее значение: «Понимаете ли вы?») It very much annoyed Mr. Storm. – Mr. Storm was very much annoyed by it. (Объединяющее значение: «Это очень раздражало господина Сторма»).

При существующей изученности грамматического строя английского языка не требуется особых текстовых доказательств того, что все грамматические элементы, включенные в иллюстрации контекстно-ассоциативной дублетности (глагольные формы неопределенные, длительные, перфектные; активные и пассивные конструкции; вопросительно-утвердительные и вопросительно-отрицательные конструкции; конструкции с модальными глаголами долженствования), характеризуются в системе такими значениями, которые четко противопоставляют их друг другу по разным функциональным признакам грамматической парадигматики.

§ 7

Подходя к языковой системе с указанными семантическими критериями и существенно расходясь с ее оценкой в различительно-информативном аспекте (см. выше), мы уже не сможем охарак-

теризовать систему в целом как избыточную. Основным свойством, отличающим язык в свете изучаемых показателей, будет признана его оптимальная парадигматическая достаточность. Это устанавливается соответствующим анализом различных микросистем языка и, в частности, его морфологических и синтаксических рядов, в которых полная функциональная дублетность и недостаточность выступают как окказиональные явления, возникающие в качестве побочного продукта развития языка.

В рассматриваемых семантических терминах, как представляется, разумно подойти к проблеме языковой экономии, интерес к которой среди лингвистов заметно возрос в последние годы.

Постулируемая «экономность» языка, оцениваемая с данных семантических позиций, не будет пониматься как простая возможность передачи «того же самого» содержания меньшим количеством языковых средств. В самом деле, как нетрудно видеть в свете изложенного, подобное понимание экономии скорее указывало бы на «неэкономность» языка, который представляется в виде множества полnodублетных групп, состоящих, соответственно, из «экономных» и «неэкономных» форм. Таким, по существу, и выступает язык в описании известного теоретика экономии в языке и исторического движения языка к «аналитическому прогрессу» О. Есперсена, который отмечает наличие в парадигматической системе, соответственно, неэкономных и экономных форм для выражения совершенно идентичной семантики.

Подлинную экономность языка следует видеть не в наличии «экономных» аналогов «избыточных» форм, а в постоянно действующей тенденции языка к реализации оптимальной достаточности (каждому значению – адекватную форму выражения), что является следствием общественной сущности языка и находит непосредственное выявление в историко-языковых процессах устранения избыточности и недостаточности в парадигматических рядах.

Глава 4

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

§ 1

Язык как система средств формирования мыслей и обмена мыслями в процессе общения включает огромную совокупность элементов разнообразнейшей специфики, объединяющихся друг с другом в сложном функциональном взаимодействии в составе текстов – продуктов речевой деятельности людей. Эти элементы принято называть «единицами языка». А.И. Смирницкий, определяя понятие единицы языка, указывал, что такая единица, выделяясь в речи, должна удовлетворять двум требованиям: во-первых, в ней должны сохраняться существенные общие признаки языка; во-вторых, в ней не должны появляться какие-либо новые признаки, вносящие в нее «новое качество». По первому требованию единица языка, как и язык в целом, должна быть двусторонней, то есть представлять собой единство формы и значения. По второму требованию, единица языка должна воспроизводиться в речи, а не выступать в качестве «произведения», создаваемого говорящим в процессе общения. На основании первого требования из состава единиц языка, по А.И. Смирницкому, исключается фонема как единица односторонняя, а также элементы акцентуации и ритмики, не имеющие содержательных функций. На основании второго требования из состава единиц языка исключается предложение (см. выше).

Принципиальное различие между фонемами, с одной стороны, и знаковыми элементами, с другой, является важнейшим признаком «естественного» языка человека в отличие от различных искусственных знаковых систем, создаваемых на базе естественного языка. Это различие отражается лингвистическим понятием «двойного членения» языка, то есть деления всей совокупности составляющих его элементов на знаковую и незнаковую («дознаковую») части.

Но должный учет кардинальной важности для языка в целом его фонетической части, составляющей его отдельный «строй» в рамках тройственного подразделения языковой системы (фонетический строй – лексический строй – грамматический строй), не позволяет нам исключить фонему из общего объема понятия единицы языка. Наоборот, поскольку язык является принадлежностью народа и поскольку фонетический облик служит первейшей чертой, отличающей каждый конкретный язык народа от всех других языков мира, принадлежащих иным народам, постольку выделение фонемы в особую единицу языка диктуется самой языковой реальностью.

Чтобы последовательно разделить два рода языковых элементов, а именно, знаковые и незнаковые, по их функциональному содержанию, мы вводим в понятийный лингвистический обиход два новых термина: первый – «кортема» (от *лат.* cortex); второй – «сигнема» (от *лат.* signum). Понятие кортемы будет покрывать все единицы материальной формы языка, являющиеся «дознаковыми» или «односторонними», а понятие сигнемы будет покрывать все знаковые единицы языка, являющиеся «двусторонними». В принимаемом понятийном освещении, облегчающем работу лингвиста в условиях продолжающегося теоретического спора о двусторонности или односторонности знака, фонема выступает в качестве частного случая кортемы, на чем мы еще остановимся ниже.

По своему материальному строению все единицы языка делятся на такие, которые образованы фонемами, выявляясь в виде их цепочек или «сегментов», и такие, которые сопровождают сегменты в качестве сопутствующих средств выражения. Наименьшим сегментом языка является фонема. Морфема, слово, предложение составляют сегментные значимые единицы (сигнемы), каждая со своим набором функций. К сопутствующим средствам выражения, выделяемым как цельные единицы с собственными функциями, относятся значимые модели интонации (интономы), ударения, паузы, конфигурации порядка слов. Все эти единицы терминологически объединяются под именем «сверхсегментных». Выполняемые ими функции отображаются в виде соответствующих модификаций содержания сегментных единиц, несущих первичную функциональную нагрузку в текстообразовании.

§ 2

Все сегментные единицы языка соотносятся друг с другом таким образом, что большие сегменты делятся на некоторое количество меньших сегментов, причем данное деление обнаруживает их ранговый, или ярусный характер.

Указанный характер соотношения языковых сегментов служит основанием для рассмотрения языка в виде иерархии уровней, в которой единицы каждого вышележащего уровня формируются из единиц нижележащего уровня.

Данному уровневому представлению языка противостоит понятие «изоморфизма», возникшее в результате выдвижения на первый план наиболее отвлеченных свойств формальных отношений языковых единиц разных уровней.

Так, в американской дескриптивной лингвистике в течение длительного времени был принят постулат о том, что собственно лингвистическое качество фонем и морфем – двух основных (по воззрениям этого направления исследований) уровнеобразующих типов языковых сегментов – целиком определяется тождественными (изоморфными) закономерностями их «дистрибуции» (распределения в тексте) относительно других сегментов, соответственно, своего и смежных уровней. Особый упор на закономерностях дистрибуции как выразителя природы элементов языка ученые-дескриптивисты делали потому, что они, как мы отмечали выше, задалась целью построить описание языка на «строго формальной» основе, в отвлечении от выражаемых языком значений [Основные направления структурализма, 1964, с. 177–211]. Но описать язык в отвлечении от выражаемых им значений невозможно по той простой причине, что значения сами являются неотъемлемой частью языка; и если мы не только не отвлекаемся, но, наоборот, последовательно учитываем значения и функции, передаваемые и выполняемые элементами языка, попадающими в сферу анализа, то мы неизбежно приходим к выводу, что понятие лингвистического изоморфизма является весьма относительным.

Определенная общность в строе разных уровней языка несомненно имеется. Она находится в прямой зависимости от самой функции языка как средства формирования мыслей и обмена мыслями в

процессе коммуникации. Подобную общность разумно видеть в том, что на всех уровнях языка выявляется определяющее язык в целом единство синтагматических и парадигматических отношений. Это единство специфически раскрывается в том, что каждый вышележащий уровень представляет собой сферу функционального выхода единиц нижележащего уровня, с вытекающими отсюда сложными явлениями межуровневого взаимодействия (см.: [Уровни языка и их взаимодействие, 1967; Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие, 1969]; см. также: [Ярцева, 1968; Арутюнова, 1969; Щур, 1974]). С другой стороны, единицы каждого уровня обладают собственными свойствами формы и функции, не позволяющими сводить их к свойствам единиц других уровней, и эта формально-содержательная определенность типов единиц языка, соотнесенная с объединяющими их свойствами вступать в синтагматические и парадигматические связи на своих участках системы, как раз и служит оправданием самой идеи уровневого членения сегментного состава языка.

§ 3

Нижний, исходный уровень сегментов составляет множество фонем.

Специфика единиц фонематического уровня состоит в том, что они образуют материальную форму или «оболочку» вышележащих сегментов, не будучи сами по себе знаковыми единицами. Фонемы формируют и различают морфемы, а конкретными реализаторами их различительной функции служат лингвистически релевантные «различительные признаки», точнее, субстанциальное содержание этих признаков – материальные свойства звуков, на которых основана их дифференциация в том или ином языке. Данные свойства или признаки сами по себе уже не являются сегментами, и поэтому говорить об «уровне фонологических различительных признаков» в принятом смысле было бы неоправданным.

Фонема, как было установлено выше, представляет собой частный случай кортемы – единицы материальной формы языка. В кортемике (общей совокупности языковых элементов материаль-

ной формы), как и в сигнемике (общей совокупности знаковых языковых элементов), различаются единицы сегментные и единицы сверхсегментные. К сверхсегментной кортемике относится незнаковая акцентуация, ритмика, определенная часть «обертонов» в интонационных моделях. К сегментной кортемике, кроме фонемике, относится слоговая структура слова, то есть «силлабемика». Таким образом, с материально-физической точки зрения, область сегментной кортемике подлежит иерархическому расчленению на уровень фонем и уровень силлабем, а совокупный состав единиц языка распределяется по двум гиперуровням – соответственно, кортематическому и сигнематическому.

С другой стороны, следует учесть, что непосредственную сло-востроительную (точнее, морфемостроительную) функцию несут именно фонемы со своими различительными признаками. Это дает нам право в настоящем описании говорить об обобщенном фонематическом уровне языковых сегментов, непосредственно противопоставленном обширной иерархии знаковых сегментов. Что касается слогов-силлабем, то, образуя свой подуровень в сегментной кортемике, взятой изолированно, они выступают как составляющие особого поля языковой ритмики, пересекающего ближайший к фонематическому сигнематический уровень морфем: слогоделение и морфемоделение слова, подчиняясь разным принципам организации, являются несоотносительными.

Язык может быть представлен не только в устной, но и в письменной форме, занимающей важнейшее место в современном общении людей. Однако первичной материей языка служит звучание, а не графика; функция языковой графики сводится к тому, чтобы репрезентировать языковое звучание. Поскольку буквы и их сочетания (в письменности фонологического типа, которой пользуется большинство языков) прямо или опосредованно репрезентируют («обозначают») фонемы и их сочетания, они являются, строго говоря, знаками, однако знаками совсем другого рода, нежели надфонематические знаковые сегменты языка – сигнемы.

Для соблюдения единообразия в терминологии букву как обобщенный графический тип, выявляющий набор соответствующих лингвистически релевантных графических признаков, мож-

но назвать «литеремой», а ее конкретные реализации, соответственно, «литерами».

Буквенная единица письменного языка называется иногда «графемой», однако этот термин едва ли целесообразно использовать в таком значении. В самом деле, лингвистическое понятие «графики», с которым он коррелирует, выходит далеко за пределы алфавита и покрывает все графические средства языка, относящиеся как к кортежной, так и сигнемной областям. Следовательно, в развиваемой системе представлений литерема должна выступить частным случаем графемы, которая возводится в ранг типо-единицы полностью обобщающего характера: в семантический объем понятия графемы, кроме литеремы, включаются и такие графемы, как пунктуационные знаки, акцентные знаки, диакритические знаки, шрифтовые выделения, подчеркивание и др.

Непосредственно над фонематическим сегментным уровнем языка лежит уровень морфем, морфематический уровень.

Морфема определяется как элементарная значимая часть слова. Она строится фонемами, причем простейшие морфемы включают всего лишь одну фонему. Ср.: a-fire [ə-]; speak-s [-s]; mist-y [-i].

Функциональная специфика морфемы состоит в том, что она выражает абстрактные, отвлеченные («сигнификативные») значения, которые служат материалом для формирования более конкретных «номинативных» значений слов (воплощающихся в речи в совсем конкретных «денотативных» или «референциальных» значениях). Иначе говоря, семантику морфемы, с точки зрения ее функционального назначения в языке, можно определить как «сублексемную».

Над морфематическим уровнем языка лежит уровень слов, или лексематический уровень.

Слово (лексема) служит, как мы только что отметили, номинативной единицей языка; его функция состоит в том, чтобы непосредственно называть предметы, явления и отношения внешнего мира. Поскольку элементарными составляющими слова служат морфемы, простейшие слова включают всего лишь одну морфему. Ср.: I; here; many; and. При этом в случае одноморфемных слов, как и в случае однофонемных морфем, остается действительным фундаментальный принцип уровневой не-

пересекаемости (уточняемый, но не отменяемый выделением основных и переходных уровней, о чем см. ниже). Иными словами, одноморфемное слово – это именно слово, состоящее из одной морфемы, но не морфема, выступающая в роли слова. Это особенно четко видно на примерах вхождения (фонетического) слова с одноморфемной базовой формой в разные лексические классы (лексико-грамматические разряды). Ср., например, разные лексические классы, представляемые формой *but* (союз, предлог, контактоустанавливающая частица, ограничительное наречие, относительное местоимение, существительное в единственном и множественном числе): *last, but not least; there was nothing but firelight; but it's what you like; those words were but excuses; there are none but do much the same; that was a large but; his repeated but's are really trying.*

Лексемы, соединяясь друг с другом, строят словосочетания, или фраземы. Словосочетание обычно рассматривается как сочетание полнозначных слов, служащее в составе предложения сложным названием предметов, явлений и отношений окружающего мира (см.: [Виноградов, 1972, с. 121]).

Возникает вопрос: следует ли выделить уровень фраземы (фразематический уровень) как уровень, непосредственно лежащий над уровнем слов (лексематическим уровнем)?

Для ответа на этот вопрос нужно учесть фундаментальный закон структурного соотношения сегментных уровней языка, состоящий в том, что единица каждого вышележащего уровня строится из одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня. Следовательно, искомая уровнеобразующая единица, расположенная выше, чем слово (выделяющаяся непосредственно над словом и уровневой иерархии языка), должна строиться одним или несколькими словами (лексемами) и при этом выполнять некоторую функцию, более высокую, чем функция слова, взятого как элемент словарного состава (т.е. как единица лексематического уровня со своей номинативной функцией). Такую единицу мы находим в лице члена предложения – элемента языка, строящегося одним или несколькими словами с денотативной (контекстно-конкретизированной) функцией. Данную единицу, придерживаясь избранной эмической терминологии, мы

называем «денотемой», а выделенный уровень, соответственно, «денотематическим». Что касается фраземы как таковой, то, будучи включенной в состав предложения, она оказывается не чем иным, как разновидностью денотемы.

Как известно, среди словосочетаний различаются, с одной стороны, устойчивые словосочетания (фразеологические единицы), а с другой стороны, свободные («синтаксические») словосочетания. Фразеологические единицы составляют специальный предмет изучения фразеологического раздела лексикологии, а свободные сочетания изучаются в нижнем разделе синтаксиса. Однако грамматика не проходит мимо фразеологических единиц, сопоставляя их по внутренним грамматическим свойствам и отношениям со свободными сочетаниями. Ср.: *good for nothing – good for the job; in the lap of Providence – in the lap of the nurse; to take the upper hand – to take the longer pencil (of the two); to come down handsome – to come down safe* и т.д.

Для удобства разграничения двух типов словосочетаний в описаниях можно предложить фразеологические сочетания называть «фразеомами».

Основные словосочетания в английском языке, реализуемые соединением полнозначных слов, формируются одной или несколькими синтагмами вокруг субстантивного (или эквивалентного ему), глагольного, аъективного и адвербиального центров [Бархударов, 1966, с. 44 и сл.]. При этом аъективные и адвербиальные сочетания, как правило, включаются в субстантивные и глагольные в качестве их фразовых составляющих. Ср.: *the previous night; something very affectionate and intimate; the others, far less responsible; to delay the departure; to turn the mind to the suggested subject; to radically improve one's position* и т.д.

Некоторые ученые возражают против ограничения понятия словосочетания лишь соединениями полнозначных слов и включают сюда также сочетания полнозначного слова со служебным [Ильиш, 1971, с. 177 и сл.]. Если придерживаться формального содержания понятия (то есть собственного содержания термина), то придется признать, что и такие сочетания должны получить ранговый статус фразем (ср. вышеописанное понятие формативной синтагмы), поскольку они тоже являются «сложными названиями»

ми». К тому же разграничение между служебными и знаменательными словами включает слои перехода. Ср.: ought to return; only to recommend; all but one; the very best; at one time; on arriving и т.д.

Однако, учитывая характер номинативной функции, выполняемой словосочетанием, следует выделить знаменательные сочетания в базовую часть фразематического уровня. В самом деле, фраземы выполняют функцию «полиноминации» (превращаемую в предложении в функцию «полиденотации»), отличаясь этим от «монономинации» слова в собственно уровневом смысле. Именно полиноминация словосочетания дает основание современным лингвистам выделять само учение о словосочетании в отдельный раздел синтаксиса, называемый иногда «малым синтаксисом», в отличие от «большого синтаксиса» вышележащего уровня сегментов.

В области фразематики ведется острая дискуссия по вопросу о том, правомерно или неправомерно выделять соединение подлежащего и сказуемого в качестве «предикативного словосочетания» [Сухотин, 1950; Виноградов, 1950; 1975а; 1975б; Ильиш, 1971, с. 179–180]. Представляется, что эта дискуссия оказалась осложненной терминологическим недоразумением. Действительно, если словосочетание, как и слово, наделить фундаментальной функцией номинации (превращаемой в денотацию в составе предложения), то сочетание подлежащего со сказуемым не может попасть в класс словосочетаний (фразем) по определению, поскольку функция предикации (такой предикации, которая выражается соединением подлежащего и сказуемого) выделяет не слово и не словосочетание, а именно предложение.

Иное дело – понятие «предикативная синтагма» в его приложении к соединению подлежащего и сказуемого. Познавательная ценность этого понятия следует уже из того, что оно, в пределах аспекта линейных связей языковых единиц, стоит над понятиями словосочетания и предложения, не подменяя собою ни то, ни другое.

Но не каждое соединение существительного с глаголом составляет предложение. Предложение строится лишь сочетанием личного глагола с субстантивом-подлежащим. Наряду с такими соединениями существуют сочетания неличного глагола с существительным или его эквивалентом, которые, хотя и представляют собой парадигматический коррелят предложения, не являют-

ся в полном смысле слова предикативными (ср.: the defendant's bluntly rejecting the accusation – for the defendant to bluntly reject the accusation – the defendant bluntly rejected the accusation). Данные сочетания, даже и при деривационном возведении к соответствующим предложениям, естественно включаются в сферу фразем, получая здесь маргинальный статус.

Над денотематическим уровнем лежит уровень предложений, или «пропозематический» уровень.

Специфика предложения («пропоземы») как знаковой единицы языка состоит в том, что, называя некоторую ситуацию, оно одновременно выражает предикацию, то есть выявляет отношение предметной части ситуации к действительности. В этом смысле предложение, в отличие от слова и словосочетания, является единицей предикативной, а его знаковая природа как бы раздвигается, отражая номинативный и предикативный аспекты препозитивного содержания. Будучи единицей конкретного сообщения (речи), предложение входит в систему языка как обобщенная конструкция – типическая структурно-функциональная модель, выражающая целый комплекс коммуникативных значений. В этом качестве предложение существует в языке в виде множества простых и сложных сегментов-конструкций, между которыми устанавливается сеть собственных уровневых соотношений.

Известно, что в языке имеется некоторое количество устойчивых предложений в виде элементов «готовой цитации». Эти предложения, наряду с устойчивыми фразами (фразеомами), составляют предмет фразеологии. Ср.: Live and learn. Let us return to our muttons. You may rest assured. God bless my soul! и т.д.

Продолжая терминологическую линию, принятую в данном исследовании, можно назвать фиксированное речение типа вышеприведенных «пропозеомой». Пропозеомы, будучи единицами предикативными, обладают яркой спецификой и требуют, как и фразеомы, выделения в особый раздел лингвистического описания.

Но предложение как уровнеобразующая единица – это еще не верхний предел «величины» сегментного языкового знака. Над пропозематическим уровнем лежит «надпропозематический» («надпредложенческий») уровень, который формируется синтаксическими объединениями самостоятельных предложений.

Объединения самостоятельных предложений были в различных терминах описаны как особые синтаксические единицы сравнительно недавно, а основы теории этих объединений были заложены отечественными лингвистами (начиная с работ Н.С. Поспелова и Л.А. Булаховского). Такие объединения были названы «сложными синтаксическими целыми» (Н.С. Поспелов) или «сверхфразовыми единствами» (Л.А. Булаховский).

Сверхфразовое единство образуется сцеплением нескольких самостоятельных предложений средствами присоединительных (кумулятивных) связей. Эти связи отличают сверхфразовое единство от сложного предложения, которое строится связями «сложения» (сочинительными, подчинительными). В значениях сверхфразовых единств выражаются различные соотношения простых и сложных ситуаций.

Некоторые ученые трактуют сверхфразовое единство в качестве речевой единицы, совпадающей с абзацем монологической речи. Однако нужно учесть, что абзац, будучи в определенном смысле соотносительным со сверхфразовым единством, является прежде всего композиционной единицей книжно-письменного текста, в то время как сверхфразовое единство – синтаксическая последовательность самостоятельных предложений с широким ситуативным планом семантики – отличается универсальным характером и выделяется во всех разновидностях языка, как письменного, так и устного.

С другой стороны, следует отметить, что непосредственным элементом структуры текста как целого может служить не только сверхфразовое единство, то есть объединение предложений, но также и отдельное предложение, поставленное отправителем сообщения в содержательно значительное положение. Такой особый информационный статус предложения может обусловить выделение его в отдельный абзац монологического письменного текста. Текст же как целое, являясь конечной сферой выхода функций элементов языка в процессе речеобразования, представляет собой формирование знаково-тематическое: в тексте осуществляется раскрытие определенной темы, которое объединяет все его части в информационное единство. В тематизирующей роли (через «микротематизацию») следует видеть собственную функцио-

нальную природу того сегмента, который лежит над предложением в уровневой иерархии языка.

Итак, непосредственно над пропозематическим уровнем, являющимся уровнем предикации, выделяется еще уровень тематизации, в рамках которого создается текст как готовое (спонтанное или специально сочиненное) произведение говорящего – пишущего. Конститутивную единицу этого уровня, то есть единицу тематизации, учитывая ее речетворческий характер, мы называем термином «диктема». Соответственно, весь выделенный верхний уровень языковых сегментов получает название «диктематического».

Поскольку диктема как единица тематизации типизируется своими собственными строевыми признаками (в том числе диктемно-долгой паузой), постольку само понятие тематизации должно быть включено в понятийно-категориальную систему грамматики наряду с фундаментальными понятиями номинации и предикации. Данный вопрос мы разбираем в последней части настоящей работы.

§ 4

Итак, мы выделили шесть сегментных уровней языка, связанных, во всяком случае с точки зрения формы элементов, их составляющих, последовательными (в направлении снизу вверх) отношениями включения.

Ясно, что единицы всех уровней в языковой системе равно необходимы этой системе, они составляют ее неотъемлемые строевые компоненты своими структурно-семантическими свойствами: системный статус ни одного из них невозможен без системного статуса других. Вместе с тем, учитывая грамматически организованное распределение этих единиц в порядке иерархии, естественно поставить вопрос: каков вес каждого уровня в системе языка с точки зрения степени самостоятельности его функции? Можно ли среди описанных уровней выделить какие-либо в качестве определяющих, а другим отвести роль сопутствующих или промежуточных?

Рассмотрение функциональной специфики единиц, образующих сегментные уровни, под углом зрения текстообразования как конечной цели функционирования языка в целом, показывает, что места, занимаемые разными сегментными уровнями в языковой системе, не являются равноценными друг другу.

Действительно, в то время как качество одних единиц определяется как бы внутренними, относительно замкнутыми в соответствующем уровне чертами (таковы фонема, выделяемая набором фонологических различительных признаков и не несущая знаковой функции; слово, выделяемое признаками номинативной функции; предложение, выделяемое признаками предикативной функции), качество других единиц определяется лишь в необходимой и непосредственной корреляции с единицами смежных уровней. Так, морфема выделяется в обязательном качестве компонента слова со знаковой функцией, опосредованной номинативной знаковой функцией слова в целом. Денотема (выраженная знаменательным словом или фраземой) выделяется в обязательном качестве компонента предложения со знаковой функцией, определяемой ситуативно-предикативной (пропозитивной) функцией предложения в целом. Что касается диктемы, то она представляет собой контекстно-тематическое объединение предложений, намечая выход предложения в развернутую, связную речь.

Таким образом, среди выделенных сегментных уровней языка следует различать основные и переходные.

К основным уровням относятся фонематический, лексематический и пропозематический. К переходным уровням относятся морфематический (переход от фонемы к слову) и денотематический (переход от слова к предложению). Диктематический уровень, по существу, есть уровень выхода предложения в текст. При этом следует учесть, что фонематический уровень составляет подоснову знаковой части языка, являясь носителем его материальной формы. Следовательно, и в рамках учения об уровнях языка центральными понятиями грамматико-лингвистических представлений остаются понятия слова и предложения, которые рассматриваются теорией грамматики в двух традиционно выделяемых разделах – морфологическом (грамматическое учение о слове) и синтаксическом (грамматическое учение о предложении).

Не порывая с предложением, а опираясь на анализ его номинативного и предикативного строя, теория грамматики выходит в развернутый текст, тематизированный диктемами, как конечный продукт речетворческой деятельности людей.

Часть II

ГРАММАТИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

Глава 1

СЛОВО – СРЕДСТВО ИМЕНОВАНИЯ

§ 1

Слово есть сформированная морфемами номинативная единица языка, служащая непосредственным материалом для построения предложения. Слово входит в словарный состав, или лексикон языка в качестве его элементарной составной части (неделимой по номинативному назначению).

Слово осуществляет свои функции через посредство морфем – элементарных значимых фонемных объединений. При этом морфема настолько тесно связана со словом в целом, что даже грамматические функции, выполняемые строго ограниченным набором «формальных» морфем (грамматические суффиксы или флексии), не могут быть осмыслены как «специально морфемные» функции, противопоставленные «специально словесным» функциям вещественных составляющих слова. Грамматическое значение, передаваемое грамматической морфемой, интегрировано в общей семантике слова, грамматическая морфема объединена с прочным составом слова и именно в качестве его компонента включает слово в соответствующий грамматико-парадигматический ряд на правах определенной функциональной ступени этого ряда – парадигматической формы слова.

В языке имеется довольно большое число слов, являющихся одноморфемными. Но это не может послужить основанием к тому, чтобы признать морфемное членение слова необязательным, разделив все слова на такие, которые «состоят из отдельных морфем» (*un-thinkable, some-body* и т.д.), и такие, которые

«не состоят из отдельных морфем» (bread, hill и т.д.). Само морфемное членение многоморфемных слов, в рамках которого морфемы «свободного» употребления непосредственно соотнесены с морфемами «связанного» употребления, показывает, что за готовыми, «актуализированными» словами стоит совокупность морфем, из которых слова построены.

Выделение морфем на своем уровне языковых сегментов подсказывается действующей системой словообразования, которая сопоставляет морфемы разного семантического и категориального статуса во внутрисловной комбинаторике. Вместе с тем отдельного от слова существования морфема не имеет, и поэтому, изучая морфему, мы фактически изучаем слово в различных деталях его строения и функций.

§ 2

Фундаментальной трудностью при идентификации слова оказывается содержательная разнородность слов, среди которых выделяются, с одной стороны, слова знаменательного, или вещественного содержания и, с другой стороны, слова служебные, используемые лишь в качестве функциональных посредников в структуре словосочетаний и предложений. Содержательная разнородность слов сопровождается их формальной разнородностью, особо осложняющейся, с одной стороны, наличием слов-компонентов со слабым сцеплением основ (что отражается вариативностью написания – то слитным, то дефисным, то раздельным), а с другой – существованием грамматизованных сочетаний слов (аналитические категориальные формы). Из-за указанных трудностей дескриптивная лингвистика, как известно, отказалась от признания слова, а также и предложения, формируемого словами, в качестве основных категорий лингвистического описания, избрав для этой роли фонему и морфему в силу простоты их вычленимости на своих сегментных уровнях – уровне физической (фонетической) различительности и уровне смысловой различительности.

Однако функциональный принцип подхода к языку не позволяет сместить слово в лингвистическом описании на позицию

лишь приблизительно определимого, а потому неосновного элемента. В самом деле, не требуется специально доказывать тот факт, что носителям языка для непосредственного называния предметов и явлений окружающего мира даны не морфемы, а именно слова с их непосредственно денотативным назначением в составе высказывания. Выбирая из лексикона и комбинируя готовые назывные элементы-слова, говорящий получает возможность строить сколь угодно большое число комплексов-сообщений, отражающих непрерывную смену ситуаций и событий действительности.

Что же касается критериев опознавания слова, то мы находим их при посредстве понятий функциональной корреляции и градационного пространства (континуума).

Функциональная корреляция связывает явления, различающиеся по одним признакам, но объединяющиеся по другим. Градационное пространство устанавливается между «полярными» явлениями, обнаруживающими максимальную степень функционального различия при наличии общих свойств [Bolinger, 1977; Степанов, 1975 а, с. 220–221]. Градационное пространство, заполненное переходными явлениями, дает характеристику каждому из них по конкретному соотношению выделяемых полярных свойств. Вместе с тем раскрытие свойств промежуточных явлений должно способствовать уточнению характеристик и полярных явлений.

Подходя к определению слова с этих позиций, в качестве полярных знаковых сегментов (сигнем) следует назвать, с одной стороны, знаменательное однокорневое слово (верхний полюс), а с другой стороны, морфему (нижний полюс). Именно эти элементы определяются по совокупности их основных свойств с наименьшими издержками неоднозначности. Кардинальным объединяющим признаком всей совокупности слов, начиная от знаменательных субстантивов и кончая служебными словами-частицами, приближающимися по своей знаковой роли к аффиксальным морфемам, является номинативная корреляция друг с другом. Номинативная корреляция служебных слов со знаменательными раскрывается, в частности, в их прямой «отрицательной выделяемости» при текстовой смежности [Смирницкий, 1952]. Ср.: **a/crowd**; **must/**

do; by/then и т.д. Номинативная корреляция и является выразителем общности функции знаменательных и служебных слов, которая, по соглашению, покрывается обобщающим термином «назывная функция» или «номинативная функция». Эта корреляция, а следовательно, и общность функции, находит отражение в письменной (и лексикографической) практике человека, актуализирующей служебные слова в раздельном написании со знаменательными. Письменную практику следует принимать во внимание и при рассмотрении вопроса об однословной или разнословной природе назывных объединений сигнем на верхней границе лексематического уровня, подходя к случаям колебаний в написаниях (то слитных – в одно слово, то раздельных – в два слова, то дефисных, то есть полураздельных) с позиций последовательной оценки градаций переходности (здесь между словом и словосочетанием).

Но эта же назывная функция, отличающая слово в целом, отодвигает морфему как тип сегментного языкового знака на несамостоятельную роль элемента в строении слова, хотя некоторые слова и получают промежуточный статус снизу (близость к морфемам), выделяясь в виде аффиксообразных слов (слово-морфема или слово-аффикс). При этом следует принять во внимание тот факт, что набор аффиксообразных слов, на множестве которых устанавливается отмеченная градация переходности, является ограниченным и фактически задается в грамматических описаниях языка отдельными списками, служащими дополнением к любому общему определению слова.

§ 3

В традиционной грамматике изучение морфемного состава слова успешно проводилось в свете двух основных критериев: позиционного (расположение периферийных морфем по отношению к центральным) и семантического, или функционального (соотносительный вклад морфем в общую семантику слова). Совмещение этих критериев в едином описании привело к рациональной классификации морфем, которая широко используется в разнообразной исследовательской и преподавательской работе с языком.

В соответствии с данной классификацией морфемы на верхнем уровне разбиения делятся на корневые и аффиксальные. Корни выражают наиболее насыщенную конкретным содержанием, «вещественную» часть значения слова, а аффиксы, подразделяемые по позиции относительно корня на префиксы, суффиксы, инфиксы и флексии (окончания), – «спецификационную» часть значения слова. При этом аффиксальная спецификация значения, в любом случае являющаяся системно-строевой, может быть более конкретной и близкой к вещественной («лексическая», или «деривационная» спецификация) и более абстрактной, удаленной от вещественной («грамматическая», или «реляционная» спецификация). Корень со словообразовательными аффиксами образует основу слова, которая оформляется грамматическими аффиксами как актуализаторами «словоизменения». Разные основы, соединяясь, образуют слова-композицы (сложные слова).

Известно, что грамматические приставки и лексические инфиксы (словообразовательные аффиксы, включаемые в корень) в теории современного английского языка не выделяются, а любые грамматические аффиксы на конце слова обычно осмысливаются не как флексии, а как грамматические суффиксы.

Наличие корня, по позиционному содержанию термина (раздел между префиксами и суффиксами), в любом слове обязательно, наличие аффиксов необязательно. Поэтому один и тот же морфемный сегмент служебно-строевой семантики, в зависимости от различного морфемного окружения, может в принципе трактоваться то как аффикс (обычно префикс, реже суффикс), то как корень. Ср.: *over, overall, overly, once-over, pull-over* и т.д.

Морфемный состав слова современного английского языка представлен в разных вариантах сочетаний с преобладанием в употребительной лексике корневых (простых и сложных) и одноаффиксных основ, которые в «изменяемых» словах оформляются одним грамматическим суффиксом (наличие двух «открытых» грамматических суффиксов отмечается лишь в некоторых случаях множественного числа существительных в притяжательной форме, ср.: *the children's plays, the oxen's yokes*).

Следует учитывать, что в любых вариантах аффиксального состава существенно важна словарная отнесенность каждой мор-

фемной составляющей слова, то есть ее индивидуальный вклад в суммарное функционально-семантическое содержание слова, представляющее собой тесное лексико-грамматическое единство. Указанная словарная отнесенность морфем выявляется в условиях линейности сегментно-звуковой формы слова, что может быть отображено на схеме морфемных непосредственных составляющих, учитывающей иерархию сегментных составляющих и их соединений внутри слова. При этом вопрос о месте того или иного аффикса в линейной иерархии слова решается путем оценки его продуктивной силы и семантической ориентированности.

Таким образом, для абстрактной модели полного оптимального состава слова «префикс + корень + лексический суффикс + грамматический суффикс (флексия)» возможны два варианта представления указанной иерархии. Первый вариант (W_1) можно проиллюстрировать словоформой *underspecialized* (см. рис. 8), второй вариант (W_2) – словоформой *refreshments* (см. рис. 9).

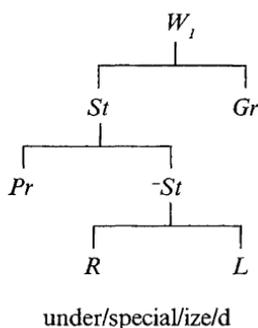

Рис. 8. Морфемное дерево НС для оптимальной морфемной модели слова с переходом левого ветвления в правое.

Символы: W – слово, St – основа, $-St$ – беспрефиксальная основа, R – корень, Pr – префикс, L – лексический суффикс, Gr – грамматический суффикс.

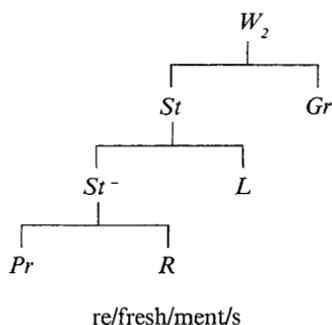

Рис. 9. Морфемное дерево НС для оптимальной морфемной модели слова с прямым левым ветвлением.

St^- – бессуффиксальная основа. Значения остальных символов см. в подписи к рис. 8.

В сегментной структуре более сложного слова эти варианты порядка могут сочетаться. Ср. схему морфемных непосредственных составляющих некомпозитного слова с двумя префиксами и тремя суффиксами *unpremeditatedly* (см. рис. 10).

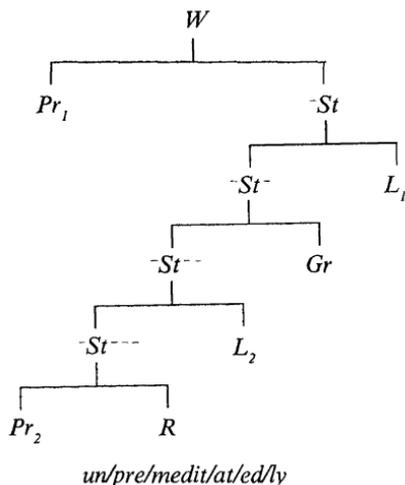

Рис. 10. Морфемное дерево НС для многоаффиксного слова.

Приставки отсчитываем от начала слова, суффиксы от конца слова. Ступенчатое сужение основы помечаем соответствующими минусами слева (для приставок) и справа (для суффиксов) при символе основы

§ 4

Дальнейшее раскрытие соотношенности формального и функционального аспектов морфемы может быть осуществлено в рамках «аллоэтимической» терминологии, выдвинутой дескриптивной лингвистикой и находящей применение в современных исследованиях языка.

В соответствии с этой терминологией, единицы языка описываются двумя типами наименований: алло-наименованиями и эмо-наименованиями. Эмо-наименования обозначают обобщенные, инвариантные языковые единицы, для которых установлена корреляция по функции в рамках определенных микросистем. Алло-наименования обозначают реализации, или варианты обобщенных единиц, стоящие в зависимости от регулярных текстовых сочетаний с другими единицами. Набор изофункциональных алло-единиц, выделенный в тексте на основе анализа их совместной встречаемости с другими единицами (дистрибуция), рассматривается в качестве соответствующей эмо-единицы со своим постоянным системным статусом.

Однако установление алло-зависимостей на множестве элементов некоторого текста возможно только в результате аналитических процедур после расчленения текста на лингвистически релевантные составные части. Эти части, выделяемые на основании учета их повторных появлений в тексте (то есть во всем текстовом корпусе, выбранном для анализа), до уточненного аллоэмического опознавания могут быть охарактеризованы лишь в плане их предварительной разнесенности по уровням языковой иерархии. Ср.: He / had / never / take / n / more / than / a / fort / night / s / holi / day / in / the / year / for / a / quart / er / of / a / century.

Таким образом, для каждого из выделенных уровней языка мы получаем не два, а три вида терминов: один для единиц дистрибутивно не охарактеризованных, то есть не расписанных по признаку аллоэмического отношения, а два других для единиц дистрибутивно охарактеризованных. Соответственно, для разных уровней языка такие терминологические тройки имеют вид: фон – аллофон – фонема (фонематический уровень); морф – алломорф – морфема (морфематический уровень); лекса – аллолекса – лексема (лексематический уровень); фраза – аллофраза – фразема (фразематический уровень) и т.д. Впрочем, в ходе фактического исследования языкового материала данная терминология, как известно, нашла последовательное применение лишь по отношению к двум нижним сегментным уровням языка – фонематическому и особенно морфематическому.

Рассмотрение любого собрания морфемных сегментов (текстового корпуса сегментов) осуществляется в два этапа. На первом этапе выделяются морфы как таковые (см. пример выше), а на втором этапе проводится их дистрибутивная идентификация в диагностирующих окружениях. При этом учитываются не только морфематические, но и фонематические окружения для каждой группы рассматриваемых морфов. В ходе этого анализа на изучаемом собрании морфов и устанавливаются аллоэмические отношения, причем каждая группа морфов признается алломорфами единой морфемы в том случае, если эти морфы находятся в так называемой «дополнительной дистрибуции», то есть при сохранении тождества функции (значения) встречаются в различных, не пересекающихся друг с другом окружениях.

Так, морфы [-z], [-s], [-iz] в системах существительного и глагола, относимые к трем разным морфемам в силу кардинальной разницы в значении (во-первых, множественное число существительных; во-вторых, родительный падеж существительных; в-третьих, третье лицо настоящего времени личного глагола), идентифицируются в составе своих морфем как их алломорфы на основании строго выдерживаемого дополнительно-дистрибутивного признака: морфы-омонимы [-iz] встречаются после сибилантов (*many houses; Eustace's letter; he excuses*); морфы-омонимы [-s] встречаются после прочих глухих согласных (*these pets; Ralf's question; he types*); морфы-омонимы [-z] встречаются после всех прочих фонем, то есть прочих звонких согласных и всех гласных (*two tyres; Sophy's birthday; he calls*).

Морфематическая дополнительная дистрибуция морфов в грамматике английского языка, в отличие от фонематической дополнительной дистрибуции, выделяется лишь для непродуктивных аффиксов. Так, в морфему множественного числа существительных вводится непродуктивный алломорф [-(-ə)n] (*oxen, children, brethren, kine*) и ряд единичных непродуктивных алломорфов в заимствованных существительных [Бархударов, 1975, с. 75 и сл.].

Аналогичные дистрибутивные отношения позволяют объединить на правах алломорфов в составе единой морфемы и лексические морфемные сегменты. Ср., например, корневые алломорфы [əd'maɪə], [ædmə'r-] и [ædmə-r-], выступающие в словах *admire, admiration, admirable, admirability*; корневые алломорфы [dɪ'saɪd], [dɪ'sɪz-], [dɪ'saɪs-], выступающие в словах *decide, decision, decisive*; суффиксальные алломорфы [-əbl], [-əbɪl-], выступающие в адъективно-субстантивных парах *probable – probability, liable – liability* и т.д.

При переходе на вышележащий уровень лексем эти же соображения приводят к трактовке словоформ с разными корневыми морфемами в качестве аллолексов единой супплетивной лексемы: *be – am – is – are – was – were; I – me; good – better; go – went* и т.д.

В результате дистрибутивного изучения морфемики, основанного на аллоэмиической трактовке вычленяемых и сопостав-

ляемых единиц, был выдвинут ряд классификационных морфематических противопоставлений, которые следует оценить в рамках системной концепции языка. Остановимся на наиболее важных из них.

§ 5

Полные морфемы – пустые морфемы. Основанием корреляции служит признак «семантическая заполненность».

«Пустой морф» выделяется отрицательно как не имеющий собственного значения сегмент некоторого слова, остающийся после выделения значимой части слова, образованной «полными морфемами».

Так, в слове *josund*, после выделения значимого корня, остается пустой сегмент *-und*; в слове *rejoinder*, после выделения значимых префикса, корня и суффикса, остается пустой сегмент *-d-*; в слове *children*, после выделения значимого корня и суффикса множественного числа, остается пустой сегмент *-r-* и т.д.

Очевидно, указанные единицы характеризуются в синхронии языка смешанной, промежуточной (фономорфемной) природой. Они возникают как побочный продукт языкового развития, в ходе которого, переплетаясь, взаимодействуют разнообразные интралингвистические факторы (например, исторические изменения звуков в сложном взаимодействии с развитием грамматического строя, неравномерные процессы эволюции элементов внутри разных микросистем) и экстралингвистические факторы (например, разного рода межъязыковые контакты с субстратными и суперстратными воздействиями на функционирующую синхронную систему, иноязычные и староязычные книжные воздействия на отдельные участки этой системы).

Пустые морфы, если они встречаются в единичных словах, разумно трактовать как фонетические компоненты соответствующей полной морфемы, участвующей в алло-альтернации. Иначе говоря, для каждого ряда лексем с пустым морфом следует выделять один лишний алломорф: соответственно, *childr* – для ряда *child, children* (с осложняющим чередованием гласных); *joind* – для ряда *joiner, joinder, rejoin, rejoinder* и т.д.

Если же подобные морфы отличаются регулярной повторяемостью в более или менее широких системных рядах, то они выделяются в соответствующие самостоятельные морфемы (см. различные префиксальные и суффиксальные соединения для сегмента [-sist-], [-zist-]: consist, resist, persist – consistence, resistance, persistence). При этом степень отрицательной выделимости (иначе, собственной значимости) у таких морфем может быть различной.

Но как для случая единичной, так и для случая регулярной встречаемости пустого морфа, при переходе от наблюдаемого текста к системе языка морфы как таковые должны уступить место морфемам. Ведь именно морфеме, в закономерной категориальной соотношенности с другими морфемами, приписывается собственная языковая функция; что же касается морфа, то он является объектом, лишь требующим раскрытия своего системного статуса.

§ 6

Свободные морфемы – связанные морфемы. Основанием корреляции служит признак «степень самостоятельности».

«Связанными морфемами» называются такие элементарные значимые сегменты, которые не встречаются в виде самостоятельно функционирующих слов; они выделяются лишь как составная часть некоторого слова. «Свободные морфемы», в противоположность «связанным», могут строить слово самостоятельно.

Так, в слове *handy* выделяется одна свободная морфема (корневая основа *hand-*, способная формировать отдельное слово) и одна связанная морфема (суффикс *-y*).

Для теории грамматического строя языка особенно важно установить конечный список связанных морфем, которые, в системном соотношении с другими морфемами, выражают грамматические категории языка.

В числе связанных продуктивных грамматических морфем английского языка выделяется лишь несколько грамматических суффиксов, узкий список которых осложнен омонимическими отношениями. Эти морфемы представлены следующими наборами сегментов: 1) утроенным набором сегментов [-z, -s, -iz] (множе-

ственное число существительного, родительный падеж существительного, третье лицо настоящего времени глагола); 2) удвоенным набором сегментов [-d, -t, -id] (прошедшее время и причастие прошедшего времени глагола); 3) удвоенным сегментом *-ing* (герундий и причастие настоящего времени); 4) сегментами *-er, -est* (сравнительная и превосходная степень прилагательного и наречия).

Как видим, рассматриваемый морфемный список образован всего девятью категориальными морфемами (при отождествлении категориального выражения сравнения прилагательным и наречием), построенными девятью звуковыми сегментами при существенно асимметричном соотношении формы и функции.

В числе свободных грамматических морфем выделяются вспомогательные элементы аналитических форм: глагольные элементы *do, be, have, will, shall, would, should, may, might*; адвербиальные элементы *more, most*; инфинитивная частица *to*; артикли, а также ряд других единиц грамматико-строевого характера, системный статус которых требует уточнения в комплексных морфолого-синтаксических исследованиях.

Поскольку морфолого-аналитический показатель, подобно обычной грамматической морфеме, обязательно соединен тесной функциональной связью с некоторой словарной основой, постольку перечисленные грамматические элементы, характеризующиеся двойственной природой, разумно осмысливать как «полусвязанные» элементы (частицы, или партикулы). При этом на всем составе служебных слов языка устанавливается градация степеней свободы, нижний предел которой отмечается данными полусвязанными вспомогательными элементами.

Очевидно, что, как и в случае противопоставления полных и пустых морфем, характеристика связанности и свободы сегментов-морфов раскрывается лишь после проведения их морфемной идентификации.

§ 7

Открытые морфемы – скрытые морфемы. Основанием корреляции служит признак «формальная представленность».

Противопоставление «скрытых» морфем «открытым» морфемам в более традиционных терминах известно как противопоставление нулевых (или «отрицательных») форм положительным формам.

Наиболее широко признанный случай такого противопоставления в морфологии английского языка выявляется в парадигматических соотнесениях типа *dog – dogs*, выражающих число существительного. Здесь суффиксальная морфема словоформы множественного числа противопоставляется отсутствию суффикса в словоформе единственного числа, что в строгих терминах парадигматического отношения описывается как противопоставление положительного грамматического суффикса (открытой морфемы) нулевому грамматическому суффиксу (скрытой морфеме). Нулевой морфемный элемент обычно обозначается символом пустого множества \emptyset .

Говоря об использовании понятия нуля в языкознании, следует строго различать его обычное, неспециализированное употребление в значении «отсутствие» (например, «нуль сегмента», то есть отсутствие сегмента) и специализированное, чисто лингвистическое употребление в смысле «значащее отсутствие» [Блох, 1970, с. 80 и сл.]. Последнее употребление обязательно подразумевает парадигматическую соотнесенность элементов в системе выражения некоторой категории – такую соотнесенность, что соответствующий формально усеченный элемент (форма с отрицательным расширением или нулем) несет функциональную нагрузку как противочлен неусеченного элемента (форма с положительным расширением). Наличие парадигматического сдвига от внешне расширенной к внешне нерасширенной форме, на котором основано выражение функции нулевым грамматическим элементом, раскрывает материальную основу специализированного лингвистического нуля, его диалектику в системе выражения знаковых функций.

Характерным качеством грамматических форм английского языка, выделяющих нулевой показатель, является то, что они, как правило, оказываются первыми, «исходными» ступенями парадигматических рядов соответствующих категорий. Так, нулевая морфема, как мы только что отметили, выявляется в категории числа

существительного, выражая единственное число в его противопоставлении множественному числу. Нулевая морфема выявляется в категориях глагола, участвуя в противопоставлении слабых категориальных форм (настоящее время, неопределенный вид, действительный залог и др.) сильным категориальным формам (прошедшее время, длительный вид, страдательный залог и др.). Нулевая морфема выявляется в системах сравнения прилагательных и наречий, выражая беспризнаковую степень сравнения в противопоставлении признаковым (сравнительной, превосходной). Нулевую форму нетрудно видеть в системе артиклевых соединений существительного, где она участвует в трех видах субстантивного противопоставления: во-первых, в соотносении только с неопределенным артиклем (множественное число – единственное число неопределенной артиклевой формы); во-вторых, в соотносении только с определенным артиклем (безартиклевая форма несчисляемых существительных – определенная артиклевая форма счисляемых существительных); в-третьих, в соотносении с неопределенным и определенным артиклями вместе (выражение абстрактной предметности). Все три типа значений строго отображаются на субstantиве как таковом и в этом смысле являются одинаково «морфологическими». Но во всех перечисленных, как и в ряде других случаев форм с нулевыми показателями, их «исходный» статус в соответствующих парадигмах отнюдь не лишает их способности реализовать лингвистический нуль как таковой.

В этой связи следует четко представлять себе принципиальную разницу между «исходной» формой в составе грамматической категориальной парадигмы и «исходной» формой в лексико-деривационном ряду. Исходность формы в грамматической категориальной парадигме устанавливается по типу значения и функции, которые выявляются на основании прямых противопоставлений на некотором едином уровне категориально-семантической обобщенности элементов. Именно этот фактор и является необходимым для выделения нулевого показателя на соответствующих участках грамматической системы. Что же касается лексической деривации, то в ее рамках исходная форма (основа слова) относится к выходной форме (слову) просто как

часть к целому. Ясно, что говорить о нулевых показателях, выделяемых такими исходными формами, было бы неоправданным. Иное дело – соотношение словообразовательных форм в лексической парадигме именования, о чем см. ниже.

Но столь же неоправданно говорить о выделении нулевого алломорфа (в рассматриваемом специально-лингвистическом смысле), чередующегося с положительными алломорфами в составе единой морфемы, вне категориально-парадигматического выражения некоторой функции.

Между тем в дескриптивном описании языка принято вычленять «нулевой алломорф» для форм-омонимов, то есть словоформ, своим непосредственным морфемным составом не различающих соответствующей категории. Подобный алломорф указывается, например, в составе морфемы множественного числа существительных, в составе морфемы прошедшего времени глаголов, в составе морфемы причастия прошедшего времени глаголов, в составе морфемы третьего лица настоящего времени глаголов, в составе морфем личных, объектных и притяжательных местоимений-омонимов и др. Учитывая отмеченную разницу между специализированным и неспециализированным понятиями нуля в лингвистике, мы видим, что в подобных случаях речь фактически идет не о «нулевых сегментах», а о «нулях сегмента» (то есть об отсутствии сегментных противопоставлений), поскольку омонимия, по определению, никакой знаковой функции выполнять не может, представляя собой ущерб системы на каком-либо из ее участков.

§ 8

Сегментные морфемы – супрасегментные морфемы. Основанием корреляции служит признак «сегментное отношение».

В качестве «супрасегментных (сверхсегментных) морфем», в противоположность сегментным морфемам, выделяются единицы вторичной (сопутствующей) звуковой линии языка: интонационные контуры, ударения, паузы. Данные элементы, действительно, формируют знаковые единицы – в тех случаях, когда они типизируются как носители соответствующих функций.

Так, посредством определенных моделей интонации выражается различие между разными коммуникативными типами предложения, логическое ударение как особая модель интонации выделяет смысловый центр сообщения (рему), разные протяженности паузы в совмещении с особыми интонационными моделями оформляют разделы между словосочетаниями, предложениями и диктемами [Блох, 2000].

Однако рассмотрение указанных знаковых элементов языка именно в качестве морфем нарушает сегментный принцип в раскрытии уровневой иерархии языка. К тому же синтагматическая отнесенность разных супraseгментных единиц существенно различна. Так, интонационный контур, реализующийся в виде определенного движения тона, отображающегося на чередовании ударных и безударных слогов, относится либо к предложению в целом, либо к предикативным частям сложного предложения, либо к разным обособлениям в составе предложения; логическое ударение (как особая модель интонации), выявляющее в предложении информационное ядро, включает в это ядро либо одно знаменательное слово, либо словосочетание, либо объединение словосочетаний, либо некоторую предикативную единицу (придаточное предложение, сочиненное предложение, а иногда и самостоятельное предложение в целом); словесное и фразовое ударения оформляют, соответственно, слова и словосочетания и т.д.

Следовательно, единицы вторичной звуковой линии языка нужно трактовать не как «вторичные элементарные значимые сегменты», а как особые сверхсегментные единицы (показатели, сигнемы), функция которых состоит в значимой модификации сегментов разного статуса. К числу сверхсегментных единиц следует отнести и модели порядка слов.

§ 9

Аддитивные морфемы и субституционные морфемы. Основанием корреляции служит признак «грамматическое чередование».

«Аддитивные (прибавляемые) морфемы» и «субституционные (замещающие) морфемы» различаются в области грамматических изменительных форм. Аддитивными морфемами названы

внешние флексии словоформ, то есть их грамматические суффиксы, а субституционными морфемами – чередующиеся фонемы корня при внутренней флексии (ср.: *sing – sang – sung, man – men* и т.д.).

Эти понятия, подвергнутые критическому обсуждению в рамках самой дескриптивной лингвистики, следует принять с оговорками. Дело в том, что грамматические аффиксы действительно прибавляются к основе; но, с другой стороны, при сопоставлении разных парадигматических словоформ друг с другом эти аффиксы, как и фонемы (или «морфофонемы») внутренней флексии, обнаруживают подобие соотношения замещения: одна флексия как бы замещается другой при переходе от одной парадигматической ступени к другой. Ср. русск.: *слуша-ю, слуша-ешь* и т.д. Специфика английского языка в этой связи состоит лишь в том, что положительные аффиксы внешней флексии английских изменяемых слов, как правило, коррелируют с отсутствием аффикса (то есть с нулевым аффиксом) в исходной форме (см. выше), поэтому они гораздо больше уподобляются «прибавляемым» компонентам слова, чем в языках с развитой внешней флексией.

Что касается грамматического чередования фонем (морфофонемное чередование), то, если бы оно было регулярным и продуктивным, на него можно было бы расширить понятие инфикса; в таком случае грамматическая инфикация была бы естественно противопоставлена грамматической «эксфиксации». Однако, будучи совершенно непродуктивным, этот вид выражения грамматических значений в английском языке фактически представляет собой разновидность супплетивизма (частичный супплетивизм).

§ 10

Непрерывные морфемы – разрывные морфемы. Основанием корреляции служит признак «линейная характеристика».

«Разрывной морфемой» или «прерывистой морфемой», в противоположность «непрерывной (линейной) морфеме», названа двухэлементная часть аналитической грамматической формы, несущая ее категориальное значение, то есть вспомогательное слово вместе с грамматическим аффиксом вещественного слова.

Эти элементы как бы обрамляют основу вещественного слова, в силу чего символически обозначаются так: “be ... ing” (для длительной формы глагола: is taking), “have ... en” (для перфектной формы глагола: has taken), “be ... en” (для страдательной формы глагола: is taken).

Нетрудно видеть, что понятие разрывной морфемы, приложенное к аналитической форме слова, нарушает принцип выделения морфемы как элементарного значимого сегмента, поскольку подобная «морфема» оказывается состоящей (или собранной) из двух значимых сегментов. Таким образом, это понятие смешивает морфему с непосредственной составляющей конструкции в общем смысле.

Действительную разрывную морфему естественно видеть при выделении морфемы замещения в корне изменяемого слова (такая альтернирующая «вставка» разрывает постоянный фонемный состав корня; ср. две конкурирующие трактовки явления внутренней флексии, осмысливаемой либо как «апофония», либо как «трансфиксация»). Что же касается составляющих аналитической формы, то в разных вариантах ее осмысления – как единой разрывной составляющей или же двух разных составляющих, находящихся на разных уровнях членения всей конструкции, – мы, очевидно, имеем дело с двумя разными морфемами, закономерно преобразующими, в соответствующем соединении, свою раздельную семантику в некоторую обобщенную функциональную семантику комплексного грамматического показателя.

Глава 2

ПРИНЦИПЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВ

§ 1

Словарный состав в зависимости от различных формальных и семантических свойств слов разделяется на группы или классы слов. Такое деление может отображаться либо на словарном составе в целом, либо лишь на его части. Чтобы отразить эти важнейшие характеристики группировок лексем терминологически, в общих рамках разбиения множества лексем следует различать объемную иерархию «под-»- и «над-»-отношений.

Таким образом, класс слов (лексический класс) будет определен как совокупность слов, выделенная по таким признакам, которые являются существенными с точки зрения организации словарного состава в целом. Это значит, что основание, по которому выделяется класс, потенциально разбивает весь словарный состав на соотносительные классы, хотя фактического осуществления данного деления принятое определение не требует. Так, по морфемно-количественному признаку можно выделить и описать один-единственный класс одноморфемных слов, причем потенциально ему будут противостоять, при отсутствии специальных ограничений, классы двуморфемных слов, трехморфемных слов и т.д. Специально заданными определениями можно будет противопоставить классу одноморфемных слов классы многоморфемных (более чем одноморфемных) слов, взятых в разных количественных комбинациях морфем-компонентов, – скажем, классы слов двуморфемных, трехморфемных и более чем трех-

морфемных. Между прочим, фонологам известно, что такое деление английского словаря весьма существенно с акцентологической точки зрения.

Подкласс слов (лексический подкласс), в отличие от класса, следует определить как совокупность слов, выделенную по заданным признакам внутри класса слов. По содержанию термина, понятие лексического подкласса запрещает его составляющим пересекать границы класса. Поскольку собственное основание, по которому выделяется подкласс, вообще говоря, не отображается на организации словарного состава в целом, постольку отдельные крупные группы слов, выделяемые безотносительно к членению лексики в целом, нередко называют «подклассами»: подкласс слов умственной деятельности, подкласс слов эмоционального состояния, подкласс слов с отрицательной приставкой и т.д.

Надкласс, напротив, есть совокупность слов, выделенная по определенным признакам, объединяющим классы либо целиком, без пересечения, либо с пересечением в различных комбинациях (один целый класс и часть другого и т.д.). Двумя самыми важными верхними надклассами слов в любых семантически релевантных расчленениях словаря являются, с одной стороны, полнзначные слова, служащие самостоятельными названиями предметов и отношений действительности, и, с другой стороны, неполнзначные слова реляционно-уточнительной семантики.

Основными типами классов слов, выделяемых в современных описаниях языка разного назначения, являются грамматические классы, словообразовательные классы, этимологические классы, семантические классы, стилистические классы. «Классовая» терминология при этом может и отсутствовать. Так, этимологические и стилистические классы и подклассы слов принято называть «слоями», а семантико-тематические классы, соответственно, – «группами».

Но никакая семантическая, стилистическая и иная не-грамматическая классификация словарного состава не может быть адекватной своему назначению вне грамматического упорядочения материала. В самом деле, уже на самой предварительной ступени раскладки слова делятся на предметные и признаковые, но эти

характеристики сразу же вступают во взаимодействие с наивысшими категориальными значениями слов, требуя их грамматической обработки. Сравните, с одной стороны, слова с предметной базовой семантикой, обозначающие процесс, а с другой – слова с процессной базовой семантикой, обозначающие предмет: to man (a ship), to spot (a dress), to butter (bread) – a run (for sheep), a drive (to a house), a refill (for a ballpen). Не случайно теоретическое познание языка в истории науки началось с попыток распределения слов по грамматическим классам, названным «частями речи».

§ 2

Исходя из вышеприведенного определения класса слов, определим часть речи как отдельный класс слов, выделенный по грамматически существенным свойствам и непосредственно соотносительный с другими классами в разбиении словарного состава на общих основаниях.

Термин «часть речи» следует принять как условное, но прочно устоявшееся имя, давно утратившее мотивационную связь с обозначаемым явлением. Он возник в древнегреческой грамматике, которая, как мы отметили выше, в явной форме еще не вычленила понятие предложения в лингвистическом смысле, не отделила его от общего понятия «речь» и, следовательно, не проводила строгой разницы между словом как единицей лексикона и словом как элементом предложения.

Едва ли найдется в современной теоретической грамматике какая-либо другая область исследования, которая вызывает столь же бурные споры языковедов, как разделение слов по частям речи. Принятые схемы разбиения обвиняются в нестройности, ненаучности, полном отсутствии логики и т.д., и т.п. Вот что писал о теории частей речи, например, Л.В. Щерба, сам внесший весомый вклад в развитие этой теории: «Хотя, подводя отдельные слова под ту или иную категорию (часть речи), мы получаем своего рода классификацию слов, однако самое различие «частей речи» едва ли можно считать результатом «научной» классификации слов» [Щерба, 1928, с. 5]. С приведенной оценкой перекликается «уничтожающая критика» частей речи, даваемая

М.И. Стеблиным-Каменским в «проникновенно-ораторской» манере: «Нам, лингвистам, едва ли целесообразно, уподобляясь страусам, прятаться от того факта, что наши познания в области природы слова, и в частности его грамматической природы, еще недостаточно глубоки для того, чтобы можно было построить грамматическую классификацию слов в научном смысле этого слова... Распределяя слова по частям речи, т.е. утверждая, что среди слов есть так называемые существительные, прилагательные, глаголы и т.д., мы, примерно, делаем то же самое, как если бы мы, суммируя то, что мы знаем об окружающих нас людях, сказали, что среди них есть блондины, есть брюнеты, есть математики, есть профессора, а есть и умные люди...» [Стеблин-Каменский, 1974, с. 21].

Практический же результат подобной критики, как правило, один и тот же: покончив с «опровержением» частей речи, автор, если область его рабочих интересов действительно соприкасается с ними, использует их номенклатуру и понятийную базу, как бы забыв о том, что отверг их «на корню» на предыдущей странице своего сочинения. Весьма характерно в этой связи следующее высказывание, взятое из современного руководства по теоретической грамматике: «...Все попытки создать классификацию языковых единиц, основанную на едином принципе, не увенчались успехом. Традиционная классификация не хуже (хотя, возможно, и не лучше) всего того, чем ее пытались заменить, и имеет то преимущество, что она широко известна. Мы будем поэтому далее исходить из традиционной классификации» [Иванова, Буракова, Почепцов, 1981, с. 19].

Чтобы вынести верное суждение и об общем понятии части речи, и о типе классификации, которого требуют части речи конкретных языков, следует отдать себе ясный отчет в том, что слова являются сложнейшими объектами той области действительности, которая создана самим человеком в процессе его общественного и умственного развития. Это и не простые изделия-конструкты, производимые единовременным трудовым актом индивидуального мастера, и не предметы внечеловеческого мироздания с их чисто физическими свойствами. В обобщающей классификации, каковой является классификация

грамматическая, слова – элементы особой двусторонней идеально-материальной природы – не должны по самой своей сути группироваться на простом логическом основании. В противном случае (а этот случай вовсе не так уж трудно реализовать, как представляется иным из названных критиков: сравните, например, расчленение словаря по одной лишь способности слова к категориальному изменению или по типу его морфемного строения) подобная классификация будет начисто лишена познавательной силы с точки зрения стоящих перед ней задач. Это хорошо понимал А.И. Смирницкий – блестящий специалист в области лингвистических классификаций. Он писал: «...при выделении любой из частей речи следует основываться на одних и тех же общих принципах, а именно: учитывать общее значение данной группы слов и грамматические признаки, его выражающие. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сумма признаков, по которым выделяются отдельные части речи, не может быть для всех частей речи одной и той же... каждая часть речи отличается от другой суммой разных признаков, и соотношение между различными частями речи поэтому неодинаково» [Смирницкий, 1959, с. 104–105].

Оценивая современное распределение слов по частям речи, выполненное на основе развития традиционной классификации, следует четко представлять, что здесь важны в первую очередь фундаментальные принципы выделения классов и рубрикации слов и лишь во вторую очередь укрупнение или дробление тех или иных лексических групп или пересмотр категориальных и субкатегориальных признаков отдельных слов. Сама идея субкатегоризации или подклассовой группировки слов как необходимого второго этапа в общем распределении слов по частям речи с очевидностью свидетельствует об объективном характере такого анализа. Момент объективности усиливается в последнее время в связи с приложением к понятию части речи идеи полевой структуры распределения релевантных свойств объектов: в рамках некоторой части речи выделяется центральная часть слов, конституирующая класс строго по установленным для него признакам, и периферийная часть слов с соответствующей градацией признаков [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981, с. 19].

Так, предлоги и союзы могут быть объединены в один обобщающий класс «коннекторов», поскольку функциональное назначение тех и других состоит именно в соединении или «коннекции» знаменательных членов предложения. В таком случае на втором этапе классификации укрупненный класс коннекторов будет подлежать расчленению на два главных подкласса, а именно, подкласс предложных коннекторов и подкласс союзных коннекторов. Подобным образом артикли могут быть включены на правах малого подкласса в укрупненный класс уточнительных частиц. Как известно, существительные, прилагательные и числительные рассматриваются иногда под единой терминологической рубрикой «имен»; в древнегреческой грамматике они как отдельные части речи не различались, поскольку имели одни и те же формы морфологического изменения (именное склонение). С другой стороны, в различных грамматических описаниях языка отдельный классовый статус может предоставляться таким узким наборам слов, как слова утверждения и отрицания (yes, no) или местоименные определители существительного, причем и в этом случае характеристика выделяемых единиц по собственным грамматическим свойствам не терпит существенного ущерба.

§ 3

В современном языкознании грамматические классы слов (части речи) выделяются либо по нескольким, либо по одной группе признаков. Эти два принципа можно назвать, соответственно, полидифференциальным и монодифференциальным.

Полидифференциальный принцип, развивающий на новом этапе познания старую филологическую традицию, разработан главным образом в советском языкознании. С наибольшей полнотой и последовательностью он сформулирован в трудах Л.В. Щербы и В.В. Виноградова, посвященных описанию русского языка, в трудах А.И. Смирницкого и Б.А. Ильиша, посвященных описанию английского языка.

В соответствии с этим принципом части речи выделяются по совокупности трех фундаментальных критериев: «семантически-

го», «формального» и «функционального». Рассмотрим указанные критерии в данном порядке.

Семантический критерий предполагает оценку абстрактной семантики слов, объединяющей их в словесные совокупности, которые в содержательном плане противопоставлены друг другу с наибольшей степенью явности. Такая семантика устанавливается на основе двух аспектов сопоставления: с одной стороны, внеязыкового, или денотативного, с другой – внутриязыкового, или формально-релятивного. В денотативном аспекте слова сопоставляются непосредственно с элементами действительности, ими обозначаемыми. В формально-релятивном аспекте семантика слова оценивается под углом зрения интегративных признаков его морфемного состава. Тем самым классообразующая семантика, отражая элементы субстанции мира – элементы реальности, данной нам в ощущении, – получает лимитирующее определение в виде категориально-семантического признака, типического для каждой из выделяемых совокупностей.

По роли категориально-семантических признаков в общей семантике слова резко противопоставляются друг другу слова знаменательные, или полнозначные, и слова служебные, или неполнозначные. Различие состоит в том, что у знаменательных слов категориально-семантические признаки соединяются с родовыми и видовыми вещественными (непосредственно назывными) признаками в их типизированных словоупотреблениях, или «лексико-семантических вариантах». Что касается служебных слов, то категориально-семантические признаки, по существу, исчерпывают их обобщающую семантику: это «строевые элементы лексики» (Л.В. Щерба), выполняющие лишь различные уточнительные функции в любом акте образования высказывания. Их собственная, индивидуализирующая часть семантики настолько обобщена, что трудно поддается истолкованию в порядке словарного определения: дефиниция здесь, как правило, заменяется указанием классовой принадлежности и объяснением функций. Именно поэтому различие между классовым и подклассовым этапами деления служебных слов не является таким важным, как соответствующее деление знаменательных слов: каждая служебная лексема, в отличие от знаменательной, важна сама по себе

именно как элемент строя языка в целом. Выражаясь фигурально, знаменательные слова, хоть и являются самостоятельно-назывными, выполняют роль солдат в строю, в то время как служебные слова – это офицеры, организующие солдатский строй. Что же касается генералов и маршалов, то такую роль в семантической армии языка выполняют семантико-категориальные признаки в широком смысле термина (признаки слов, словосочетаний и предложений).

Между знаменательной и служебной семантикой устанавливается сложное градиционное поле. Чем более то или иное конкретное слово насыщено знаменательной семантикой, тем более четко внутри его назывного объема вычленяются отдельные обобщенные словоупотребления, определяемые наборами элементарных семантических признаков – «сем». Эти словоупотребления, именуемые довольно неуклюжим термином «лексико-семантический вариант слова» (ЛСВ), можно было бы на совместной терминологической основе с «лексемами» назвать «лексикулами». Используя существующие термины «семема» и «семантема», первый из них отдадим семантическому содержанию лексиколы, то есть лексикольному набору сем, а второй, соответственно, совокупному семантическому содержанию лексемы, то есть полному набору ее семем (этот набор в существующей терминологической практике называется совсем неподходящим именем «семантическая структура слова»).

В семном составе слова следует различать базовые семы, внутренне присущие слову как таковому, и производные семы, появляющиеся в конкретных условиях контекста и ситуации. Семный анализ слов, применяемый в лексикологии, обычно ставит себе целью выявить и определить лексиколы слова посредством установления их семем, складывающихся из комбинаций «интегральных» и «дифференциальных» сем в пределах больших или меньших включающих лексических групп. Необходимо, однако, учитывать, что ко всем этим семам добавляется и индивидуальный семантический признак в виде неповторимой семы, соединяющейся однозначной связью со звуковым образом слова.

Интегральные семы подразделяются на категориальные и вещественные, а среди категориальных выделяются верхние, или

«классные», и нижние, или «формные» (воплощающие значения грамматических форм, выражаемых данной лексемой). Так, в лексеме (to) look классовой семой будет «процессность», а формными, соответственно, «неопределенность» в соотнесении с «длительностью», «имперфектность» в соотнесении с «перфектностью» и т.д. Индивидуальная сема отдельно от слова неопределима и должна быть представлена самим образом слова в определении каждой лексикулы. Именно так лексикулы и заносятся в словари, где они снабжаются номерами, представляющими их в перечислении, идеальное упорядочивание которого располагает их от первичной (главной) базовой лексикулы через вторичные базовые к производным – сначала близким, а затем далеким. Так, для лексемы eye (субстантив) первичная базовая лексикула eye 1 обозначает «глаз»; вторичные базовые лексикулы eye 2 – «ушко» иголки, eye 3 – «глазок» в дверях; близкие производные лексикулы eye 4 – «глазок» – цветок, eye 5 (во множественном числе) – «взор, взгляд», eye 6 – «взгляды, суждения» и др.; более далекие производные лексикулы eye 7 (жаргон) – «сыщик», eye 8 (жаргон) – «экран телевизора» и др. Семема первичной базовой лексикулы представляет собой то, что принято называть «основным значением слова». Границу семантемы (совокупного значения слова), а вместе с ней и границу слова (лексемы), то есть переход полисемии в омонимию, с грамматической точки зрения, отличает такая семема, которая переводит свою лексикулу в подкласс иной, существенно отличной грамматической характеристики. Такие «запредельные» лексикулы (по соотношению с производными базовыми в этимологическом смысле) мы видим в связочном употреблении глаголов be, get, grow, go, run, в знаменательном употреблении глаголов will, need, в местоименном употреблении прилагательных certain, definite, в неопределенноличном употреблении местоимений you, we, they и т.д. При этом едва ли целесообразно требовать от лексикографов непременно выделения таких лексикул в отдельные словарные статьи. Гораздо важнее снабжать соответствующие подстатьи (толкования лексикул) грамматическими пометами и пояснениями и безусловно стремиться к расположению подстатей в вышеназванном порядке удаления их от толкования первичной базовой лексикулы.

§ 4

Говоря о семантике знаменательного слова, нужно провести принципиальное различие между значениями обычного, обыденного использования и значениями профессионального, особенно же научного использования. Обычные значения отвечают «наглядным представлениям» концептов, лежащих за словами-названиями. Эти значения сами по себе не являются и не могут являться сколько-нибудь полными отражениями соответствующих понятий: понятия отражаются лишь в суждениях о предметах мысли, а значения слов, воплощенные в их семемах и семантемах, служат языковым средством построения суждений и, следовательно, образования понятий. Обычные значения знаменательных слов соответствуют концептам, которые некоторые исследователи называют «формальными понятиями» в отличие от «содержательных» понятий рационального осмысления действительности. О соотношении обычного значения – «формального понятия» и «содержательного» понятия в собственном смысле С.Д. Кацнельсон пишет: «...формальное понятие может быть выражено двояким путем: с помощью единого слова и посредством «внутреннего перевода» (то есть синонимического толкования – М.Б.). Содержательное понятие не может быть выражено подобным образом. Если под «выражением» понимать воспроизведение содержания, то слово в данном случае не выражает понятия, а н а з ы в а е т его. Слова так же относятся к содержательным понятиям, как библиотечная картотека – к содержанию зарегистрированных в ней книг» [Кацнельсон, 1965, с. 25].

Исходя из сказанного, мы можем провести строгое разграничение между двумя отмеченными типами значений, которое состоит в том, что значение одного типа получает развернутое определение в какой-либо области профессиональной деятельности (научной или практической) и отражает, следовательно, научное или практическое понятие, а значение другого типа не получает такого определения, оставаясь в пределах обычного, обыденного использования. Слово, значение которого образует понятие в указанном смысле, то есть является профессионально дефинированным, составляет термин.

Профессионально дефинированное значение слова настолько отличается от недефинированного, что дефинированные лексикомы безусловно выходят за рамки лексического тождества слова, образуя самостоятельные лексемно-термины. Совокупность терминов той или иной области деятельности (знания) составляет ее терминологию – «терминосистему», или «терминологический язык». Указывая на лингвистическое своеобразие терминологии по сравнению с прочим, недефинированным знаменательным словарным составом, следует одновременно подчеркнуть тот факт, что никакая терминология не формирует отдельного языка в полном смысле этого слова: термины включаются в речь профессионала по законам общенародного языка, вне которого полноценная познавательная деятельность невозможна. Данная истина разрешает парадокс так называемого «метаязыка» лингвистики, то есть использования средств языка для познания «самого себя». В самом деле, язык познается не языком, а исследователем, и не посредством изолированно взятой терминологии, а посредством терминологической речи, то есть речи на общенародном языке, но использующей дефинированные знаменательные слова своей отрасли науки. В этой-то речи и строятся соответствующие умозаключения и формулируются необходимые теории. Следовательно, в принципиально-философском плане речь о языке, в рамках своей гносеологической специфики, целиком соотносительна с речью о других предметах теоретического знания.

§ 5

Формальный критерий классового распределения слов предполагает выделение таких элементов их строения, которые, повторяясь в достаточно обширных совокупностях, являются их типическими приметам в разграничении друг с другом и тем самым индексами классового опознавания любого наугад выбранного слова. Последнее обстоятельство особенно важно для понимания самого принципа формального разбиения слов по частям речи. В самом деле, данный принцип утверждает свою жизненность именно для категориального распознавания неограниченного множества слов разнообразного, но отличающегося

групповыми признаками строения. Если же перед нами находится узко ограниченный набор слов типологически тождественной категориальной семантики, то формальный критерий его классовой идентификации становится излишним: такой набор задается списком. И действительно, формальные признаки частей речи являются релевантными для разнесения по их разрядам знаменательных слов, образующих в языке открытые системы с характерными категориально-грамматическими формами словоизменения и лексическими, но грамматически существенными формами словообразования. Что же касается служебных слов, то их «форма» определяется простыми перечислениями под соответствующими рубриками малых классов и подклассов. Ведь строевые слова входят в грамматический костяк языка прямо и непосредственно. Их число ограничено; они, «как носители грамматических функций, подлежат компетенции грамматики» [Кацнельсон, 1965, с. 4].

§ 6

Функциональный критерий разнесения слов по частям речи предполагает раскрытие их синтаксических свойств в предложении. Для знаменательных слов – это прежде всего позиционно-членные характеристики, то есть способность выполнять роль самостоятельных членов предложения: подлежащего, глагола-сказуемого, предикатива, дополнения, определения, обстоятельства. В определении подклассовой принадлежности слов (второй этап классификации) важное место занимает выявление их сочетательных характеристик (ср., например, разделение глаголов по валентностным подклассам). На этом уровне анализа разрешается возможное противоречие между вещественно-лексической и категориально-грамматической семантикой слова. Так, по своей базовой вещественной семантике слово *stone* является существительным, однако в предложении *Aunt Emma was stoning cherries for preserves* данная субстантивная основа выступает как производящая в глаголе. При этом ситуативная семантика предложения отражает неизменную субстантивную ориентированность лексемы, сохраняющуюся в каузативном характере ее со-

держания (здесь – «вынимать косточки»). Категориальную характеристику таких лексем можно назвать «смешанной предметно-процессной». В отличие от этого, категориальная характеристика лексемы *go* в высказывании *That's a go* будет определена как «смешанная процессно-предметная». Но смешанный характер семантики на деривационном и ситуативно-смысловом уровне не лишает лексему ее однозначной функционально-семантической охарактеризованности по классовой принадлежности.

Служебные слова, рассмотренные с функционально-синтаксической точки зрения, особенно явно обнаруживают свою близость к грамматическим аффиксам – показателям различных категориальных значений слов (ср., например, предлоги и падежные формы, модальные глаголы и вспомогательные глаголы). Более того, синтаксическая характеристика для многих служебных слов, как мы отмечали выше, фактически исчерпывает их содержательную сторону: функционально-синтаксическое содержание заполняет весь объем их семантемы. Недаром В.В. Виноградов, противопоставляя классы служебных слов классам знаменательных слов, называл их не «частями речи», а «частицами речи».

§ 7

Итак, в результате совокупного применения трех критериев классовой идентификации слов – семантического, формального и функционального – все слова языка разносятся по рубрикам знаменательных и служебных частей речи с необходимыми подклассовыми характеристиками. Основными знаменательными частями речи в английском языке обычно признаются, в традиционном перечислении, существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол и наречие; основными служебными частями речи, соответственно, артикль, предлог, союз, частица, модальное слово, междометие.

За счет перераспределения классов и подклассов к знаменательным частям речи иногда добавляется статив (категория состояния), междометие переводится из служебных частей речи в знаменательные, а к служебным добавляются глаголы-связки и слова утверждения и отрицания. Возможны и другие перерас-

пределения, которые, как мы указывали выше, большей частью укладываются в компенсирующие соотношения над- и подразбиений и рационально дополняются данными о полевых свойствах лексики.

В ходе критики полидифференциальной рубрикации словарного состава, сопровождавшейся разработкой альтернативных систем и, в конечном счете, содействовавшей и продолжающей содействовать ее совершенствованию и развитию, был выдвинут и другой, модифицированный принцип разбиения лексикона, основанный на учете лишь синтаксических свойств слова. Выдвижение данного принципа было обусловлено тем, что при полидифференциальной классификации слов возникает специфическая сложность в установлении грамматического статуса таких лексем, которые обладают морфологическими характеристиками знаменательных слов (морфолого-категориальные, словообразовательные признаки), но резко отличаются от знаменательных слов по функции, выполняя роль служебных и вспомогательных элементов разной степени лексической опустошенности. Таковы модальные глаголы вместе с их эквивалентами – супплетивными восполнителями, вспомогательные глаголы, аспектные и фазисные глаголы, наречия-интенсификаторы, указательные определители; гетерогенными свойствами отличается весь класс местоимений.

Отмеченная сложность грамматической идентификации лексем, связанная с пересечением неоднородных свойств в классах лексикона, очевидно, должна быть преодолена при принятии лишь одного критерия из трех возможных в качестве определяющего.

Как известно, в древнегреческой грамматике, наметившей контуры лингвистического учения о частях речи, в качестве основы деления словарного состава тоже принимался один определяющий признак, а именно, признак формально-морфологический. Иначе говоря, опознаваемое слово переводилось в классифицированную лексему на основании его отношения к грамматической изменямости. Эта характеристика была достаточно действенной в условиях первичного накопления лингвистических знаний и в приложении к языку, богатому флективными

ми формами. Однако постепенно она утратила действенность в связи со все более глубоким проникновением в грамматическую природу языка.

Синтаксическая характеристика слова, устанавливаемая уже после раскрытия его морфологических свойств (во всяком случае таких свойств, которые определяются грамматической изменяемостью), является на настоящем этапе развития лингвистики одновременно и актуальной и универсальной с точки зрения нужд общей классификации лексикона. Эта характеристика актуальна, так как разносит слова по функциям, то есть группирует их в соответствии с тем назначением, которое они имеют в строе языка. При этом яснее выступает и роль морфологии как системы средств выведения слова в семантико-синтаксическую сферу предложения. Эта характеристика универсальна, так как не ориентирована специально на флективную сторону языка, и, следовательно, одинаково подходит языкам различных морфологических типов. Кроме того, она органически связана с семантическими свойствами слов, поскольку синтаксические функции формируются на основе обобщения семантических.

На материале русского языка основы синтаксического подхода к классовому расчленению словарного состава были намечены в исследованиях А.М. Пешковского. На материале английского языка принципы синтаксической классификации слов в позиционно-дистрибутивном преломлении намечались Л. Блумфилдом и его последователями и получили развернутую разработку в системе Ч. Фриза [Fries, 1952].

В основу позиционно-дистрибутивной классификации слов кладется оценка их сочетаемости, выводимая посредством системы тестов в подстановочно-диагностирующих моделях словосочетаний и предложений. Материалом для исследования служит звукозапись живых диалогов.

Знаменательным словам в моделях приписывается роль заполнителей «позиций» (позиция деятеля, позиция действия, позиция объекта действия и т.д.). Эти слова распределяются по четырем «формальным» классам, получающим условные обозначения в виде номеров по порядку следования позиций в диагностирующей модели. Номера соответствуют ставшим обычными буквен-

ным символам: N – субстантивные слова, V – глагольные слова, A – адъективные слова, D – адвербиальные слова. Местоимения включаются в позиционные именные классы на правах слов-заемствителей. Повторная подстановка предварительно отождествленных слов в разных семантических сочетаниях раскрывает их формально-морфологические характеристики (в силу чего они и называются «формальными словами» или, точнее, «формословами» – “form-words”).

Служебные слова вычлняются строго очерченными наборами в процессе подстановочного исследования, как не способные без разрушения строя предложения занимать его позиции.

Отождествленные указанным способом служебные слова в наборах одного типа выявляют свою специфику как стоящие при соответствующих позициях в качестве уточнителей и дополнителей значений знаменательных слов. Таковы, например, определители при существительных, модальные глаголы при знаменательных глаголах, уточняющие и интенсифицирующие слова при прилагательных и наречиях. Служебные слова в наборах другого типа раскрываются как межпозиционные элементы, указывающие на отношение позиционных слов друг к другу. Таковы предлоги и союзы. Наконец, служебные слова в наборах третьего типа оказываются стоящими вне непосредственного соотношения позиций и, следовательно, отображающими свое значение на предложении в целом. Таковы слова вопроса, побуждения, просьбы, запроса внимания, утверждения и отрицания, конструкционного введения (интродукторные частицы) и др.

При сопоставлении позиционно-дистрибутивной классификации слов с более традиционным делением слов по частям речи не может не броситься в глаза сходство общих контуров двух типов классификации, хотя вся прежняя «школьная грамматика» вместе с ее учением о частях речи, в соответствии с канонами дескриптивизма, была отвергнута Ч. Фризом как «донаучная». Однако за чертами сходства обеих классификаций, служащими косвенным подтверждением объективного характера общего осмысления структуры лексикона (поскольку рассматриваемые классификации базируются на разных принципах, причем по-

зиционно-дистрибутивное распределение слов проведено в виде экспериментального исследования), обнаруживаются и их существенные различия. Оценка этих различий под углом зрения функционально-парадигматических соотношений элементов языка на разных уровнях его иерархии позволяет сделать ряд принципиальных обобщений относительно грамматической организации словарного состава, чему мы посвящаем следующую главу.

Глава 3

ЧАСТИ РЕЧИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО- ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

§ 1

Позиционно-дистрибутивное наблюдение, проведенное над словами с классификационной целью, никоим образом не может заместить собой полидифференциальную характеристику ни отдельных слов, ни словарного состава языка в его совокупности. Слово представляет собой сложнейший организм, многосоставный знаковый сплав категориальной, вещественной и оттеночной семантики, каждый компонент которой находит выражение в собственных системных соотношениях форм и функций. Раскрыть природу этого сплава в раскладке лексикона по узкой, одноаспектной группе признаков заведомо невозможно; сама постановка такой задачи была бы очевидной логической нелепостью, не заслуживающей обсуждения. Однако позиционная разбивка лексикона, применяемая с опознавательной целью и не отрывающая позицию от функции, может привлечь внимание исследователя к таким существенным сторонам обрабатываемого лексического материала, которые при более подробном полидифференциальном опознавании классов, осуществляемом без предварительной подготовки на первом же этапе анализа, оказываются либо недостаточно выделенными и осмысленными, либо и вовсе находящимися в тени.

§ 2

Итак, сопоставляя данные полидифференциального и монодифференциального (в данном случае, позиционного) классового расчленения словаря под углом зрения функционального назначения слов, то есть их роли в высказывании, мы прежде всего отмечаем резкую противопоставленность в языке двух полярных типов лексем – знаменательного и служебного. Оцененное с информативно-функциональной точки зрения, полярное распределение слов по полнозначной и неполнозначной сферам выступает во всей четкости и фундаментальности: открытость знаменательной лексической системы и закрытость служебной лексической системы (при наличии поля перехода от первой ко второй) получает статус важнейшего общего признака формы.

Знаменательная, открытая область лексики членится на четыре обобщающих класса, ни на один больше и ни на один меньше. Это устанавливается с такой же степенью безусловности, как обобщающее выделение в лексиконе полярных знаменательной и служебной областей.

Четыре знаменательные части речи, определяемые как слова с самостоятельной денотативно-назывной функцией, обозначают, соответственно, существительное – предметно представляемые денотаты, глагол – процессно представляемые денотаты, прилагательное – признаково представляемые денотаты предметной принадлежности, наречие – признаково представляемые денотаты непредметной принадлежности. Из количественной (открытость класса) и качественно-категориальной (обобщенная назывная функция) характеристики знаменательных частей речи автоматически вытекает, что требование выделить какую-либо малую закрытую группу знаменательных слов, как, например, стивы (категория состояния), в отдельную часть речи должно быть отвергнуто как смешивающее видовые признаки слов с родовыми признаками по самой сути организации лексики: малый, жестко ограниченный набор знаменательных лексем не может иметь обобщающих категориальных свойств, возводимых в ранг классово-образующих, по определению; принятый классификационный принцип (объективированный экспериментальным ис-

следованием) запрещает подобному набору соседствовать с четырьмя несопоставимо обширными, но, главное, открытыми собраниями слов на одном и том же уровне разбиения.

Учет существа критериев, на основании которых выделяются четыре знаменательных класса слов, не позволяет ввести в их число и местоимение. Этот своеобразный и диалектически-противоречивый лексический слой должен быть выведен из знаменательной части словаря и присоединен к его служебной части, хотя он и связан со знаменательной лексикой прямой соотносительностью функций.

В самом деле, уже в первоначальных вариантах распределения слов по частям речи в истории лингвистики местоимения рассматривались как неполностью знаменательные слова, что было ясно отражено в их названии. Семантическая оценка местоимений в современных исследованиях раскрывает глубинную природу их несамостоятельности, противопоставляющую их как слова «синсемантические» полностью самостоятельным, «автосемантическим» элементам лексики [Гулыга, 1967]. Существо данного смыслового различия четко выражается, например, в следующем суждении семасиолога: «В основе противоположения назывных и местоименных слов лежит... различие называния и указания» [Кацнельсон, 1965, с. 4].

При всем том не только существующие грамматические описания, но и труды, посвященные семасиологии, в противоречии со своими собственными определениями оставляют традиционно признаваемый знаменательный статус местоименных разрядов слов в неприкосновенности.

В этой связи может показаться парадоксальным, что требование изменить разрядовые рубрики местоимений со знаменательных на служебные формулируются в рамках теоретического исследования, основанного на сопоставлении трехстороннего семантико-категориально-функционального и одностороннего позиционно-дистрибутивного принципов классового деления словаря: ведь в контексте последнего класс местоимений просто-напросто ликвидируется, распределяясь по четырем позиционным классам в виде заместительных подклассов-приложений. Перевод этого класса в подклассы на позиционном основании неизбежен: собственной позиции в

модели предложения, отличной от позиций других знаменательных классов, местоимение иметь не может в силу своей заместительной природы. Но именно снижение классификационного ранга местоимения в указанном типе описания помогает снова собрать местоименные слова воедино уже в другой, служебной области грамматической раскладки лексики, поскольку их объединяет заместительно-указательное функциональное назначение.

§ 3

Единство знаменательной лексики находит выражение в динамической межклассовой системе словообразования, пронизывающей лексикон и отображающейся на значительном числе слов языка в виде формального четырехступенчатого ряда, который прозрачно выступает в регулярных корреляциях синтаксических конструкций. Ср.: a hearty cheer – a cheerful heart – to cheer heartily – to hearten cheerfully; final rejection – rejectionist finality – to reject finally – to finalize rejectingly; to err is human – erroneous humanism – to humanize erroneously – humanely in error и т.д.

Этот ряд можно символически обозначить поддающейся удобной модификации формулой St (n.v.a.d.), в которой St представляет общую морфемную основу ряда, а строчные символы в скобках – словообразовательные (деривационные) признаки классов. Ступени ряда заполняются либо одной, либо несколькими единокорневыми лексемами с возможными деривационно-иерархическими отношениями между ними. Для простоты иллюстрации берем по одному слову на ступень. Ср.:

pleasure	– to please	– pleasant	– pleasantly
wonder	– to wonder	– wonderful	– wonderfully
possession	– to possess	– possessive	– possessively
desire	– to desire	– desirable	– desirably
nature	– to naturalize	– natural	– naturally
width	– to widen	– wide	– widely
peace	– to appease	– peaceful	– peacefully
certainty	– to ascertain	– certain	– certainly
thank	– to thank	– thankful	– thankfully

radiance	– to radiate	– radiant	– radiantly
fancy	– to fancy	– fanciful	– fancifully
laud	– to laud	– laudable	– laudably
father	– to father	– fatherly	– fatherly
endurance	– to endure	– endurable	– enduringly
digressidn	– to digress	– digressive	– digressively и т.д.

Парадигматический ряд, объединяющий знаменательные лексические классы, может быть назван «лексической парадигмой именования (номинации)».

Порядок следования классов в перечислении «существительное – глагол – прилагательное – наречие», очевидно, соответствует логике рационального упорядочивания элементов воспринимаемой действительности, в которой познающий субъект выделяет сначала предметы и действия, а затем признаки тех и других. Предметная категориальная семантика существительного превращает его в наиболее вещественное, наиболее полнозначительное слово, так что первое место в каноническом представлении парадигмы номинации слово иной части речи, нежели существительное, занять не может. Второе место глагола в этой схеме оправдывается, в числе прочего, тем, что у глагола обнаруживается переходная ступенька к существительному в виде зачинной назывной формы – инфинитива [Блох, 1983, с. 89; 105]. Вместе с тем фактической исходной формой деривации в рамках различных выявлений общей парадигматической схемы именования может служить слово любого класса, что дает основание говорить, соответственно, о субстантивной ($N \rightarrow$), глагольной ($V \rightarrow$), адъективной ($A \rightarrow$) и адвербиальной ($D \rightarrow$) деривационной перспективе того или иного конкретного парадигматического ряда именования. Ср.:

<u>N</u> →	nation	– to nationalize	– national	– nationally
	man	– to man	– manful	– manfully
	time	– to time	– timely	– timely
<u>V</u> →	to defy	– defiance	– defiant	– defiantly
	to decide	– decision	– decisive	– decisively
	to appear	– appearance	– apparent	– apparently

<u>A</u> →	simple	– simplicity	– to simplify	– simply
	sweet	– sweetness	– to sweeten	– sweetly
	bold	– boldness	– to embolden	– boldly

<u>D</u> →	near	– nearness	– to near	– near
	off	– offing	– to off	– off
	down	– down	– to down	– down

Поскольку рассматриваемая лексико-парадигматическая схема в своем единокорневом выражении представлена лишь на части (хотя и значительной) слов лексикона, мы говорим в этом смысле о словах с полной и неполной парадигмой именования. Наиболее ущербны в этом отношении непроизводные наречия, многие из которых стоят в парадигматической системе особняком.

С другой стороны, отображение лексической парадигмы именования на лексиконе в целом широко опосредуется супплетивным восполнением, как лексематическим, так и фразематическим. Для схематической фиксации данных характеристик конкретных лексико-номинативных рядов можно модифицировать общую формулу ряда, введя в нее необходимые дополнительные символы: St_1 , St_2 и т.д. – разные лексические основы в ряду; p – фразовый образовательный признак; np , vp , ap , dp – фразовые признаки: субстантивный, глагольный, адъективный, адвербиальный; $V + St$ – соединение основного слова с глаголом в восполняющей фразе и т.д. Ср.: *an end, to end – final, finally*: St_1 (n. v.) / St_2 (a. d.); *a bell – to ring, ringing, ringingly*: St_1 (n.) / St_2 (v. a. d.); *good, goodness – well – to better*: St_1 (a. n.) / St_2 (d.) / St_3 (v.); *to seem, seeming, seemingly – appearance*: St_1 (n. a. d.) / St_2 (n.); *gratitude, grateful, gratefully – to express gratitude*: St (n. a. d.) / $V + St$ (v. p.); *a place, to place – of the place – to (off, etc.) the place*: St (n. v.) / St (a. p.) / St (d. p.) и т.д.

Роль супплетивизма в рамках лексической парадигмы именования чрезвычайно важна, поскольку этот тип супплетивизма является одним из существенных факторов открытости знаменательной части лексикона. Явление номинативного супплетивизма, смыкаясь с синонимическими и антонимическими корреляциями слов, обеспечивает универсальность и подвижность

именных функций языка на вышележащих уровнях его сегментной иерархии.

Специфическим и в то же время чрезвычайно важным средством восполнения лексической парадигмы именованя служит парадигма неличных форм глагола – собственная глагольная парадигма именованя, являющаяся постоянным спутником общей лексической парадигмы. Ср.: talk – to talk – talkative – talkatively; talking – to talk – talking – talking. Потенции глагольной парадигмы именованя реализуются в полном объеме на пропозематическом уровне языка в системе осложненного предложения.

В сложном и интересном взаимодействии с обобщенными значениями ступеней парадигмы именованя (варианты предметных значений – варианты процессных значений – варианты значений предметного свойства – варианты значений непредметного свойства) находится собственная семантика основы слов, входящих в непосредственные ряды парадигмы. При этом в рамках данной основной семантики может выявляться некое ядерное значение, которое, в свою очередь, тоже раскладывается (в виде константного признака) по четырем семантическим рубрикам знаменательных именований с разнообразными вариациями смысла. В результате формируются номинативные парадигмы общего предметного, процессного или признакового плана, который может совпадать, а может и не совпадать с характером деривационной перспективы ряда. Ср., соответственно: stone – to stone – stony – stonily (ряд с предметным семантическим ядром); movement – to move – movable – movably (ряд с процессным семантическим ядром); warmth – to warm – warm – warmly (ряд с семантическим ядром предметного, первичного свойства); haste – to haste – hasty – hastily (ряд с семантическим ядром непредметного, вторичного свойства).

Взаимодействие основно-семантического ядра лексических рядов именованя со значениями четырех ступеней парадигмы реализует богатую и тонкую гамму смыслов, необходимую для отражения предметов и явлений действительности в реальной сложности их качественной определенности и бесконечном разнообразии отношений.

Выше мы отметили семантическую отчлененность терминов от обычных элементов лексики. Отношение терминов к парадиг-

ме номинации тоже совершенно иное, нежели у обычных слов: как правило, они занимают здесь изолированное положение. Ущербность парадигмы номинации для терминологических лексем и лексикул служит, со своей стороны, показателем периферийного статуса терминологии в словарном составе.

Все изложенное о парадигме номинации свидетельствует о принципиальном отличии этого понятия от понятия лексического гнезда. Гнездо объединяет единокорневые слова, раскрывая их соотносительные места в конкретной деривационной иерархии. Парадигма номинации отображает органическую связь четырех ступеней знаменательного именованя (субстантивную, глагольную, адъективную, адвербиальную) для каждого члена гнезда, взятого на своем деривационном расстоянии от родоначального корня (или сочетания корней). Иначе говоря, парадигма номинации грамматически организует гнездо и выводит его из формально-лексического плана отношений, очерченного лишь материальным родством лексем по производящему корню, в широкий план семантико-номинативных функций языка.

§ 4

Следующей стороной лексикона, подлежащей осмыслению в рамках рассматриваемых критериев, является функционально-парадигматический статус служебных слов, выступающих в качестве уточнителей назывных функций знаменательных слов и их объединений.

Сущность этого статуса состоит в том, что списки служебных слов, вычлняемые по функциональному признаку, сами выступают в виде определенных грамматических парадигм, которые, в свою очередь, оказываются конституентами более высоких парадигматических рядов на уровне словосочетания и особенно предложения.

Действительно, служебные слова, оцененные по их роли в строе предложения, последовательно раскрываются как выразители синтаксических категорий, то есть реализаторы синтаксических значений словосочетаний и предложений в соответствующих формах-конструкциях, подобно деривационным и

реляционным морфемам в составе отдельных слов. Именно в этом и состоит их «приименная» уточнительная функция. Ср.: The mission reached its destination, **and** all was explained in due course. – The mission hadn't reached its destination, **but** all was explained in due course. – **How could** all be explained in due course, **if** the mission **never** reached its destination?...

Эта роль служебных слов, совокупность которых выделяется не по типу их морфемного строения, а по указанным синтаксическим функциям в конструкциях, отчетливо выявляется в рамках теории парадигматического синтаксиса, разрабатываемой современной лингвистикой (см. ниже).

Известно, что одни и те же служебные слова, выполняя различные функции в соответствующих условиях употребления, могут включаться одновременно в несколько классификационных рубрик, что нарушает единство классификационных систем. Неоднозначность разнесения служебных слов по классификационным подразделениям служит поводом для дискуссий и критики. Между тем, если учесть строевую природу семантики служебного слова, о которой мы говорили выше, то совмещение классово-различных функций в одной лексеме становится здесь легко объяснимым. В самом деле, каждое служебное слово – это отдельная индивидуальная ценность во всей своей конкретности; широта диапазона его функций прямо пропорциональна степени его лексической десемантизации. Поэтому, разнося служебные слова по установленным для них классам, мы фактически имеем дело не с лексемами в целом, а с их лексикулами.

§ 5

Синтаксико-классификационное рассмотрение местоимений с их специфическими служебными функциями приводит к уточнению понимания природы и места в языке и данного лексического слоя. Естественно, местоимения в целом стоят ближе к знаменательным словам, чем приименные уточняющие слова. Они получают особый системный статус, накладывающий характерный отпечаток на общее представление строя лексикона.

Класс местоимений выделяется в системе традиционных частей речи по признакам указательной и заместительной семантики [Майтинская, 1969]. Оба типа семантики находятся в тесном единстве, причем значение указательности выступает в качестве первичного. Действительно, указательность – семантическая основа замещения, в силу чего всякое синтаксическое замещение реализуется как опосредование указания.

Функционально-парадигматический принцип членения словарного состава, напротив, на первое место в специфике местоимений выдвигает заместительную функцию, не снимая положения о ее семантически производном характере. Дело в том, что функция языкового элемента в синтаксическом смысле всегда определяется его обобщенной семантикой, и задача грамматиста состоит как раз в том, чтобы выявить специфику этой семантической обобщенности, характер ее отображения на строе предложения.

Обобщающая заместительная функция местоимений видна из того, что любой член предложения, выраженный местоимением, в том числе и личным местоимением первого и второго лица, проецирует свое значение на некоторый класс или подкласс знаменательных слов и, обратно, сам служит проекцией общей функции данного класса или подкласса. Для личных местоимений первого и второго лица это свойство, в частности, четко выявляется на примерах конструкций с приложениями и обращениями. Ср.: *I, your commander, remain wholly ignorant about all these doings! But it's a real pleasure to see you among us, Miss Clara.*

По заместительной функции в систему местоимений вводятся местоименные наречия и местоименные (заместительные) глаголы. Кроме того, устанавливается важный слой широкозначных знаменательных слов, служащий промежуточным между знаменательными частями речи и собственно местоимениями [Блох, Лотова, 1980; Селиверстова, 1975]. Ядерную часть этого слоя, вплотную подходящую к местоимениям, составляют такие слова, как *thing, way, matter, fact*, характеризующиеся наибольшей степенью обобщенности семантики. Широкозначные слова различной классовой принадлежности образуют градационные переходы и к служебным словам – приименным уточнителям. Ср.:

But **things** aren't what they were when I was your age. **The way** you interpret the document can't be called convincing. But surely there must be someone who knows how to handle **the affair**. **Business** was running smoothly. The note doesn't seem to be **making** sense и т.д.

В результате местоименного обобщения вышеописанная лексическая парадигма номинации получает заместительную репрезентацию. Ср.: one / it / they ... (N-pro) – do / make / act ... (V-pro) – such / similar / same ... (A-pro) – thus / so / there ... (D-pro).

§ 6

Итак, проведенный анализ грамматически существенных свойств словарного состава дает нам основание для его расчленения на три неравные части.

Первую часть лексикона, открытую, составляет огромное количество знаменательных слов или слов полной номинативной силы. В соответствии со своей функциональной природой эти слова являются «именованиями» или просто «именами»: существительные – предметные имена, глаголы – процессные имена, прилагательные – имена предметного признака, наречия – имена непредметного признака. Знаменательная система лексикона объединяется четырехступенчатой лексической парадигмой номинации.

Вторую часть лексикона, закрытую, составляют заместители имен (собственно местоимения и примыкающие к ним широкозначные слова).

Третью часть лексикона, тоже закрытую, составляют уточнители имен (служебные приименные модификаторы).

Заместители и уточнители имен, находясь с последними в номинативной корреляции, как элементы лексикона, одновременно служат связующими звеньями между лексиконом в статике и лексиконом в динамике, опосредуя функции имен в составе высказываний связной речи.

Глава 4

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СЛОВА

§ 1

Грамматическая форма слова определяется его формальным признаком, передающим некоторое грамматическое значение. Формальный признак (флексия, вспомогательное слово и др.) есть «экспонент» формы, или грамматический «формант», а грамматическая форма как таковая реализуется объединением основы с формантом в составе определенной парадигмы (парадигматического ряда). Следует подчеркнуть, что не только грамматическая форма, но также и экспонент грамматической формы, или формант, являются величинами двусторонними: это сигнемы грамматического строя, различающие свою материальную форму и свое грамматико-семантическое содержание.

Поскольку грамматические значения относятся к наиболее абстрактным, наиболее обобщенным значениям, выражаемым языком, постольку грамматическая форма не замыкается в индивидуальном слове, а объединяет целый класс слов, каждое из которых, в рамках своего конкретного значения, выражает соответствующее общее значение.

Так, значение множественного числа существительных передается посредством присоединения к основе существительного суффикса множественного числа $-(e)s$, а также, в отдельных случаях, морфофонемным чередованием и другими суффиксами в

нескольких исконных и некотором количестве заимствованных слов (books – dogs – cases – men – oxen – data – radii и т.д.). Мы говорим, что, выражая значение множественного числа, разные группы существительных «принимают» эту форму с соответствующими более системными и менее системными вариациями выражения. Но вариации выражения, отображаемые на словарных группах и подгруппах, образуют тесное единство в силу своей функционально-семантической тождественной отнесенности (здесь – значение грамматического числа). Таким образом, грамматическая форма слова выступает как его расчленение по признаку выражения определенного грамматического значения.

§ 2

Как известно, наиболее отвлеченные понятия, отражающие самые общие черты явлений действительности, относятся к логическому классу «категориальных». Наиболее общие значения, передаваемые языком и находящие выражение в системной, регулярной соотносительности форм, осмысливаются как категориальные грамматические значения. При этом формы, передающие такие значения, как мы отметили выше, коррелируют друг с другом в рамках определенных парадигматических рядов.

Категориальное значение объединяет собственные значения противопоставленных парадигматических форм и раскрывается через них; следовательно, соотношение двух типов значений (общего и частного) соответствует логическому соотношению категориальных и родовых понятий.

Если категориальное грамматическое значение объединяет собственные (родовые) значения грамматических форм, соотношенных в парадигматических рядах, то грамматическая категория как таковая, аналогично грамматической форме, выступает в виде единства материальных форм и значений, то есть в виде определенной микросистемы двустороннего, сигнемного характера.

Иначе, грамматическая категория является системой выражения обобщенного грамматического значения, осуществляемого через парадигматическое соотношение форм.

Упорядоченная совокупность грамматических форм, выражающих определенную категориальную функцию (значение), составляет грамматическую парадигму. Значит, грамматическая категория строится как объединение соответствующих парадигм.

Непосредственные парадигматические соотнесения грамматических форм, на которых основана передача категориальных значений, выявляются в виде категориальных грамматических противопоставлений, или оппозиций.

§ 3

Элементы, объединенные друг с другом в языковой оппозиции, должны обладать двумя типами признаков: с одной стороны, «общими» признаками; с другой стороны, «различительными» или «дифференциальными» признаками (сокращенное обозначение – ДП). Общие признаки служат основанием для объединения элементов в оппозицию, то есть для рассмотрения их в качестве «членов» оппозиции, а дифференциальные признаки непосредственно различают выражаемую оппозицией функцию.

Теория оппозиций была первоначально сформулирована в лингвистике как фонологическая теория, объясняющая различие и статус фонем в фонетическом строе языка (труды Н.С. Трубецкого). В этой теории были выделены три главных типа оппозиций, разграничивающихся по характеру соотношения дифференциальных признаков фонем: «привативная» оппозиция, «градуальная» оппозиция и «эквиполентная» оппозиция. В зависимости от количества противопоставленных членов, оппозиции были подразделены на бинарные (два члена) и более чем бинарные (тернарные, кватернарные и т.д.).

Наиболее важным типом оппозиции является «привативная» оппозиция, которая может быть только бинарной. Другие типы оппозиций в принципе могут быть сведены к этому типу.

Бинарная привативная оппозиция образуется двумя противопоставленными членами, один из которых отличается наличием определенного дифференциального признака (называемого также «маркой»), а другой – отсутствием этого признака. Член оп-

позиции, выделяемый по наличию признака, называется «маркированным», «сильным», «положительным»; член оппозиции, выделяемый по отсутствию признака, называется «немаркированным», «слабым», «отрицательным». Для схематической характеристики того и другого члена используются знаки + и –.

Например, звонкие и глухие согласные формируют привативную оппозицию. Признаком оппозиции служит «звонкость». Этот признак присутствует в звонких согласных, являющихся сильным членом оппозиции, и отсутствует в глухих согласных, являющихся слабым членом оппозиции. Для того чтобы подчеркнуть роль «звонкости» как оппозиционного фактора привативности, глухие согласные могут рассматриваться под рубрикой «не-звонких».

Градуальная оппозиция образуется группой противопоставленных фонем, которые различаются не по наличию или отсутствию признака, а по степени выраженности признака. Например, гласные переднего ряда [i: – i – e – æ] формируют кватернарную градуальную оппозицию, различаясь степенью открытости (фактор длительности, как дополнительный признак различия, в данной оппозиции не учитывается).

Эквиполентная оппозиция образуется такими фонемами, которые отличаются друг от друга собственными положительными признаками. Так, билабиальные фонемы [m] и [b] составляют эквиполентную оппозицию, в которой признаками первой фонемы являются сонорность и назализация, а признаками второй – смычность (взрывность) и глухость.

Выше мы указали, что любые оппозиции могут быть сведены к бинарным привативным, точнее, они могут быть переформулированы в привативных терминах. В самом деле, любой положительный признак, различающий члены непривативной оппозиции, присутствует в одном из них и отсутствует в другом, так что с точки зрения именно этого признака, при отвлечении от других, оппозиция становится привативной по определению. Такое переформулирование представления оппозиционных отношений оказывается весьма полезным на продвинутом этапе оппозиционного изучения микросистемы, поскольку оно дает возможность охарактеризовать каждый из ее элементов посредством набора положительных и отрицательных значений при-

знаков (+ и –), соотносящих этот элемент со всеми другими элементами системы («пучок дифференциальных признаков»).

Например, фонема [p] отличается от [b] как глухая (звонкость –), от [t] как лабиальная (лабиализация +), от [m] как неназализованная (назализация –) и т.д. Как видим, описание в данных терминах отличается большой обобщающей силой и компактностью.

В отличие от фонем, односторонне-материальных элементов языка, слова и морфемы как элементы морфологии являются двусторонними единицами. Соответственно этому, морфологическая оппозиция должна отражать как план выражения, так и план содержания своих элементов.

Главным типом оппозиции в морфологии, как и в фонологии, служит бинарная привативная оппозиция. Она базируется на морфологическом дифференциальном признаке, который наличествует в сильном (маркированном) члене и отсутствует в слабом (немаркированном) члене. В другой, более обобщенной формулировке, можно сказать, что дифференциальный признак маркирует один из членов оппозиции (сильный) положительно, а другой член (слабый) отрицательно, вследствие чего оппозиция и превращается в средство выражения грамматического значения.

Например, настоящее и прошедшее время глагола различаются друг с другом как члены привативной оппозиции по дифференциальному признаку *-(e)d* (дентальный суффикс), который маркирует форму прошедшего времени положительно, а форму настоящего времени отрицательно. Единственное и множественное число существительного различаются между собой как члены привативной оппозиции по дифференциальному признаку *-(e)s*, который маркирует форму множественного числа положительно, а форму единственного числа отрицательно.

Отрицательный характер выделения слабого члена привативной оппозиции в морфологии, как и в фонологии, может быть подчеркнут соответствующими терминами с отрицательным приставочным элементом «не»: настоящее время глагола в оппозиционном плане оказывается «не-прошедшим», единственное число существительного – «не-множественным» и т.д. Эти термины,

указывая на контрадикторность (взаимоисключающий характер соотношения) членов оппозиции, одновременно отражают и более глубинное содержательное соотношение между ними, состоящее в том, что значение слабого члена является более общим и абстрактным по сравнению со значением сильного члена: сильный член в рамках своей оппозиции всегда более конкретен как носитель выражаемой функции. В силу данного функционального различия слабый член оппозиции употребляется в более широком диапазоне контекстов, чем сильный член. Например, настоящее время глагола, в отличие от прошедшего времени, может выражать «вневременные» или «всевременные» отношения общих истин, постоянных характеристик явлений и т.д. Ср.: “One of the most difficult things that an author **has** to deal with when he wants to gather together a quantity of stories into a volume is to decide in what order to place them” (W.S. Maugham).

Эквиполентные оппозиции в морфологии английского языка, составляя второстепенный тип оппозиции, выявляются на отдельных участках категориальных систем и преимущественно отражают отношения элементов материальной формы грамматических элементов. Примером таких «малых» оппозиций может служить соотношение личных форм глагола *be* (*am – are – is*) или соотношение численных форм личных местоимений (*I – we, he – they*).

Градуальные оппозиции в морфологии обычно не выделяются. Вообще говоря, их можно выделить здесь лишь в плане содержания. Так, градуальный характер обнаруживает семантическая корреляция форм степеней сравнения прилагательных и наречий (*high – higher – highest*).

Любая словоформа категориально насыщенного слова, как, например, глагола, может, подобно фонеме, быть репрезентирована набором значений дифференциальных признаков по выделяемым для нее категориям. Например, словоформа *is taken* маркируется положительно как третье лицо (лицо +), отрицательно как настоящее время (время –), отрицательно как неопределенный вид (вид –), положительно как страдательный залог (залог +), отрицательно как изъявительное наклонение (наклонение –) и т.д. Такая характеристика словоформы, четко отражая ее категори-

альную структуру, помогает лучше понять грамматическое устройство и специфику функционирования класса слов, взятого в своей целостности.

§ 4

Средства, или «грамматические способы», при помощи которых строятся формы слов, функционирующие как члены категориальных оппозиций, принято делить на синтетические и аналитические.

Синтетические грамматические способы определяются как реализующие грамматическое значение «внутри слова», то есть средствами внутреннего морфемного состава слова. Аналитические грамматические способы, в противоположность синтетическим, определяются как реализующие грамматическое значение путем сочетания «вещественного» слова с «вспомогательно-грамматическим» словом.

Соответственно этому и грамматические формы слова, то есть формы, взятые в их отношении к выражению определенной грамматической категории (формы падежа, числа, лица, времени и т. д.), разнятся по рубрикам «синтетических» и «аналитических».

В качестве типичного синтетического способа выражения грамматического значения в лингвистике указывается внутренняя флексия, или грамматическое чередование корневых (основных) фонем. Именно по этому признаку морфологическая типология языков, выдвинутая сравнительно-историческим языкознанием XIX века и прозрачно выступающая в основе большинства современных типологических исследований, выделила «флективный» тип языка, к которому, в частности, относятся все индоевропейские языки (хотя внутренняя флексия в исторический период их существования не обнаруживает продуктивного характера).

Способ внутренней флексии или корневого морфофонемного замещения («грамматическая инфиксация») используется в английском языке в претеритных и претерито-причастных формах нерегулярных глаголов (большая часть которых представляет собой остатки сильных германских глаголов) и, кроме того, в

численных формах нескольких существительных. Так как в рассматриваемых формах имеет место чередование, исходные парадигматические формы соответствующих слов тоже должны рассматриваться как флективные. Ср.: take – took – taken, drink – drank – drunk, teach – taught – taught, etc.; man – men, brother – brethren, etc.

Другой синтетический способ, не являющийся продуктивным в узкой морфологической системе языка (изменятельная морфемика), представлен супплетивизмом – выражением грамматического значения посредством противопоставления разных корней в единой парадигме [Конецкая, 1973]. Иначе говоря, супплетивизм основан на грамматическом чередовании корней (основ), что, как мы отмечали выше, сближает его со способом внутренней флексии. Данный грамматический способ используется в формах глаголов be и go и нестандартных степеней сравнения прилагательных и наречий, а также в отдельных парадигматических формах личных местоимений, неопределенных местоимений, модальных глаголов, существительных (некоторые из перечисленных форм являются пограничными между словоизменятельными и словообразовательными – см. ниже). Ср.: be – am – are – is – was – were; go – went; can – be able; must – have (to); may – be allowed (to); good – better; bad, evil, ill – worse; much – more; little – less; I – me, we – us, she – her; one – some, several, a few; man – people; news – items of news; information – pieces of information и т.д.

Будучи непродуктивным в изменятельной морфологии, супплетивизм обнаруживает жизненность в лексико-деривационных системах языка. В синтаксисе он принимает специфическую форму «квазитрансформаций» [Иртеньева, 1970]. Квазитрансформация – это деривационная корреляция предложений (точнее, конструкционных моделей предложений) единой вещественной семантики, в которой наблюдается чередование разных знаменательных слов, дополняющих друг друга по выражаемой номинативной и синтаксической функции. Так, для выражения пассивного признака моделью предложения, в активном корреляте которой употреблен глагол типа «квазипереходного» (например, have в значении обладания), используется соотнесенный с ним

непереходный глагол. Ср.: Our library **has** the original manuscript of the chronicle. – The original manuscript of the chronicle **belongs** to our library.

Супплетивные связи в морфологии, вместе с синтаксически релевантными соотношениями разнокорневых слов и разнословных сочетаний, входят в отмеченные корреляции конструкций, устраняя возникающую в языке асимметрию выражения на сигнемных уровнях, лежащих выше лексематического. Этот вопрос получает разъяснение в связи с выделением лексической парадигмы именованя, о чем см. выше.

Описанным непродуктивным синтетическим способам в морфологии английского языка противостоит аффиксация, выступающая в виде внешней флексии (грамматического суффикса).

В разделе о классификации морфем мы перечислили скудный состав продуктивных грамматических суффиксов английского языка, образующих численные и падежные формы существительного, личностно-численные, временные, причастные и герундиальные формы глагола, синтетические формы степеней сравнения прилагательных и наречий. В парадигматических соотношениях всех перечисленных форм, включая и степени сравнения, исходная форма характеризуется нулевым суффиксом. Если принять это во внимание, а также учесть тот факт, что всякая грамматическая форма находится в парадигматической соотношенности по выражаемой категории по крайней мере с одной другой грамматической формой (например, форма единственного числа с формой множественного числа), то мы увидим, что количество синтетических грамматических форм в английском языке хотя и невелико, но не так уж и мало, как принято представлять. В английском языке мало не синтетических форм как таковых, а аффиксальных сегментов, участвующих в синтетико-морфологических корреляциях. Именно это и накладывает характерный отпечаток на весь язык как язык со «скудной» морфологией.

Что касается аналитических грамматических форм, то прежде чем рассмотреть их реализацию в строе языка, следует проанализировать принципиальное синтагматическое соотношение составляющих их элементов.

В соответствии с используемым способом аналитической формой должна быть признана всякая форма, основанная на категориально-грамматическом сочетании вспомогательного слова со знаменательным. Между тем, в лингвистике имеется тенденция относить к классу аналитических лишь такие сочетания, в которых общее грамматическое значение конструкции не вытекает (или не прямо вытекает) из собственного грамматического значения составляющих ее частей (требование «грамматического идиоматизма» сочетания). Таким образом, в качестве наиболее типичной английской аналитической формы исследователями рассматривается форма глагольного перфекта (в которой вспомогательный глагол полностью утратил значение обладания), а в качестве почти абсолютного эквивалента свободного сочетания аналитические степени сравнения, реализуемые соединением адverbиальных слов степени *more*, *most* с прилагательным или наречием.

Детальные сопоставительные исследования подобных «грамматических» и «неграмматических» сочетаний, осуществленные языковедами, привели к широкому раскрытию их системных свойств [Смирницкий, 1959, с. 68 и сл.; Москальская, 1961; Гухман, 1968, с. 143 и сл.; Бархударов, 1975, с. 67 и сл.]. См. также материалы в сб. [Аналитические конструкции в языках различных типов, 1965]. Вместе с тем, оценивая полученные данные, мы не можем не отметить, что выдвигаемое требование «грамматического идиоматизма» как основа общего понятия аналитической грамматической формы представляется неоправданно сильным. Собственную смысловую основу формально-грамматической аналитичности разумно непосредственно соотнести со смысловой основой аналитического способа, на использовании которого форма построена. Если подойти к оценке рассматриваемого понятия именно с этой точки зрения, становится ясным, что корень смысла аналитичности должен лежать в отражении составного характера, то есть раздельности, «дисклюзивности» выявления некоторого морфологического признака как признака, замыкающегося на едином вещественном слове (вещественном – по соотношению с вспомогательным элементом, поскольку само данное слово

может иметь грамматический характер. Ср. аналитические формы глагола *do* и др.).

Но, соглашаясь со справедливостью такого подхода, уже нельзя будет требовать неперемного исключения неидиоматичных сочетаний из области аналитических грамматических форм. Сохраняя за ними рубрику аналитичности, то есть признавая их соотносительными с прочими аналитическими формами языка, нужно будет просто указать их соответствующий статус в общей системе аналитических форм. При этом признаком объединения элементов системы будет признана фундаментальная дисклюзивность формы, а градационным признаком различия – соотносительная диффузность или, наоборот, расчлененность передачи грамматического значения.

В таком случае, наряду с аналитическими формами глагольного перфекта, континуума, футурума, пассива, субъюнктива и интенсивного индефинитума (формы с эмфатическим *do*), будут выделены также аналитическая форма инфинитива (с частицей *to*, то есть «маркированный» инфинитив), аналитические формы глагольного лица (специфическая «совместная» форма, выявляющаяся в сочетаниях глагола с личными местоимениями), аналитические формы восходящих и нисходящих степеней сравнения (*more important – most important :: less important – least important*), аналитические формы артиклевой детерминации существительного (*man – a man – the man*).

Наряду с перечисленными формами неравного статуса своих составляющих, в качестве маргинальных, стилистически окрашенных аналитических форм в современном английском языке можно выделить и формы специфического повтора, употребляющиеся для выражения интенсивной итеративности, длительности и процессности в системе глагола, неопределенно высокой степени качества в системе прилагательного и наречия и неопределенно большой множественности в системе существительного [Мальченко, 1973]. Ср.: *They talked, talked, talked, and there was no end to it. An infinite, infinite contempt was written across her face. But it will be years and years before I can see you again!*

Что касается «однословной» или «двусловной» трактовки аналитической формы, то этот вопрос подлежит решению в

рамках полярных и промежуточных явлений в языке. В этой связи должно быть ясно, что какой бы признак мы ни взяли за основу интерпретации грамматического аналитизма, а именно, асимметрию между раздельной формой и диффузной семантикой, или же просто раздельность формы, сопровождаемую определенным распределением лексико-семантической и грамматико-семантической функций между ее составляющими, морфологическая аналитическая форма всегда будет занимать промежуточное положение между формой отдельного слова и формой словосочетания.

§ 5

Грамматическая категория, выражаемая категориальными формами, соотношенными в оппозициях и объединенными в парадигмы, может либо замыкаться в определенном классе слов, либо, выявляясь в рамках некоторого класса в качестве его существенной (субстанциальной) основы, переходить на другие классы, отображаясь там, в частности, в виде согласованных признаков.

Примерами грамматических категорий первого типа, то есть категорий, замыкающихся в лексематическом классе, могут служить глагольные категории времени, наклонения, залога. Примерами грамматических категорий второго типа, то есть категорий, переходящих от одних лексематических классов на другие классы и отражающихся в них, могут служить категория рода у русского существительного и ее отражение в категориях рода прилагательного и глагола; категория числа у русского существительного и ее отражение в категориях числа прилагательного и глагола; категория числа у английского существительного и ее отражение в категории числа глагола.

Ясно, что системные статусы собственного категориального признака, имманентного для данного класса слов, и отраженно-категориального признака принципиально различны. Они различны уже потому, что один из этих признаков является прямым, а другой опосредованным. Таким образом, среди грамматических категорий важно выделить не только категории замк-

нутые (интрапозитные) и переходящие (трангрессивные), но также, и прежде всего, категории собственные, имманентные и категории отраженные, рефлексивные.

Замкнутые категории, по терминологическому содержанию, являются только имманентными. Что же касается категорий переходящих, то в рамках категориально-образующего, основного, «порождающего» класса они являются имманентными, а в рамках смежного, отражающего класса – рефлексивными.

Характерное соотношение имманентных и рефлексивных категорий наблюдается в грамматической структуре глагола, где категории лица и числа являются рефлексивными, выражая лишь свойства денотата подлежащего, а прочие категории (время, вид и др.) имманентными, за семантикой которых стоит процесс как таковой. Ср.: *I am accepting the offer. – We are accepting the offer. The protest was vain. – The protests were vain.*

Поскольку личный глагол обнаруживает обязательную отнесенность к лицу и числу подлежащего во всех случаях употребления, постольку, как мы указали выше, сочетание английского глагола с личным местоимением может рассматриваться как особая полуаналитическая «совместная» форма выражения категориального значения лица и числа безотносительно к наличию или отсутствию соответствующих грамматических форм согласования (*he went, they will be happy* и т.д.) [Блох, 1983, с. 134].

Другое существенное деление грамматических категорий связано с постоянством или непостоянством признака, выраженного в слове средствами его морфемки.

На этом основании деления вычленяются, с одной стороны, категории постоянного признака, или константные и, с другой стороны, категории переменного признака, или альтернантные.

Примером категории постоянного признака может служить категория рода, разбивающая класс английских существительных на подклассы существительных неличностных и личностных, а последние – на подклассы («подподклассы») существительных мужских и женских, а также «общих». Это грамматически релевантное разбиение репрезентируется системой местоимений третьего лица, находящихся в обязательной корреляции с существи-

тельными. Ср.: **it** (существительные неличностные): river, village, tree, lion, fly, etc.; **he** (существительные личностные мужские): man, gentleman, father, boy, etc.; **she** (существительные личностные женские): woman, lady, mother, girl, etc.; **he/she** (существительные личностные общие): person, parent, friend, child, etc.

Примером категории переменного признака может служить категория субстантивного числа, выявляющаяся в формах численного изменения существительного, или категория сравнения, выявляющаяся в формах изменения качественных (точнее, оценочных [Блох, 1983, с. 205–207]) прилагательных и наречий по степеням сравнения.

Одно и то же общее свойство предметов и явлений может отражаться как в постоянном, так и в переменном категориальном признаке, однако характер этого отражения в двух типах признаков будет существенно различным.

Так, отнесенность существительного к количественной определенности предмета реализуется в постоянном признаке, разбивающем все существительные на счисляемые и несчисляемые, и в переменном признаке, находящем выражение в изменении счисляемых существительных по формам единственного и множественного числа. Таким образом, постоянный признак существенно отражает классификацию предметов и явлений, а переменный признак отражает связи и отношения предметов и явлений, давая им характеристику «второй степени абстракции». Иначе, постоянный признак кладется в основу словообразования, или лексической деривации (деривация простая и композитная), переменный признак – в основу словоизменения, или лексической демутиации (склонение и спряжение).

С другой стороны, альтернантные формы (формы переменного признака) могут на некотором участке системы выступать в качестве константных (форм постоянного признака), а константные формы, наоборот, в качестве альтернантных. Но при подобном переходе признака его основное, исходное свойство не исчезает, оно совмещается с вторичным свойством, в результате чего возникают гибридные формы изменительного образования (или демутиационной деривации) и образовательного изменения (или деривационной демутиации).

Примером гибридных форм изменительного образования могут служить английские существительные групп *singularia tantum* и *pluralia tantum*, существительные со смещением значения при переходе от единственного числа к множественному и наоборот и др. Ср.: news, information, advice; mathematics, linguistics; innings; charity, kindness, friendship, etc. – people, police, gentry; vermin; scissors, bellows, spectacles; effects, proceeds; manners, morals, pains, grounds, colours, letters, etc.

Примером гибридных форм образовательного изменения могут служить мужско-женские субстантивные пары. Ср.: actor – actress, author – authoress, count – countess, host – hostess, etc.; tiger – tigress, lion – lioness, etc. В этот же набор органически входят и «нерегулярные» образования: master – mistress, duke – duchess, executor – executrix; hero – heroine, sultan – sultana, signor – signora; landlord – landlady, milkman – milkmaid; he-goat – she-goat; bull-calf – cow-calf, etc.

В свете указанного характера реализации категориальных признаков раскрываются свойства склонения и спряжения как конкретных проявлений словоизменения. При этом, как и в других случаях анализа языковых категорий, мы сосредоточиваем внимание прежде всего на явлениях как таковых и лишь затем обращаемся к терминам, их обозначающим.

Два кардинальных типа грамматических категорий различаются, соответственно, собственным (имманентным) и отраженным (рефлексивным) характером трактовки признака. Собственный признак передается в существенно независимых формах, отраженный признак – в существенно зависимых, особенно же в согласованных формах. Учитывая эту разницу, формы первого типа разумно отнести к формам «склонения», а формы второго типа – к формам «спряжения». Таким образом, существительное склоняется, прилагательное спрягается по родам, числам, падежам (в тех языках, где имеются соответствующие формы прилагательного); глагол спрягается по лицам и числам, отражая соответствующие категории субстантива-подлежащего (а в некоторых языках, как, например, в кавказских, также и субстантива-дополнения), но склоняется по собственным, имманентным глагольным категориям вре-

мени-вида (соответственно, английские формы прошедше-настоящие, будущее-небудущие, длительно-недлительные, перфектно-неперфектные), залога (формы пассивно-непассивные) и наклонения (формы сослагательно-изъявительные).

§ 6

Лексема существует в совокупности своих категориальных форм таким образом, что каждое конкретное словоупотребление, или «гlossa» (А.И. Смирницкий), являясь пересечением категориальных оппозиций и парадигм, отражает категориальную структуру лексемы в целом. Именно в этом смысле мы говорим, что гlossa является речевой актуализацией словоформы.

Так, словоформа глагола (he) stopped входит в парадигматические ряды лица, числа, времени, вида и т.д., соответствуя определенной «грамматической форме» или «парадигматической ступени» в каждом из этих рядов. Иными словами, с точки зрения выражения времени она является «формой прошедшего времени», с точки зрения выражения вида она является «формой неопределенного вида» и т.д.

Грамматическая категория, обязательно отражаясь в словоформе (будучи в ней репрезентирована либо сильным, либо слабым членом соответствующей оппозиции), не может быть в обычном употреблении выражена в ней дважды. На этом основании А.И. Смирницкий, как известно, исключил форму перфекта из категории вида, поскольку перфект может выражаться в глаголе одновременно с континуумом (формой длительности), образуя «форму» длительного перфекта. По А.И. Смирницкому, перфект вместе со своим противочленом строит особую категорию «временной отнесенности», не являющуюся ни видовой, ни временной [Смирницкий, 1959, с. 274 и сл.].

А.В. Бондарко, исходя из предположения, что перфект и длительная форма вместе противопоставлены неопределенной (недлительной) форме глагола, утверждает, что не все категориальные формы входят в строгие оппозиции; могут существовать и такие формы, которые стоят «на периферии» системы,

включаясь в корреляции неопозиционного характера [Бондарко, 1981].

Между тем, учитывая материалы по изучению структуры грамматических категорий, накопленные к настоящему времени, следует подойти к оценке соотношения между грамматической формой и грамматической категорией с другой стороны. Поскольку категория не может выражаться в словоформе дважды, постольку все оппозиционные формы, отраженные словоформой, необходимо осмыслить вместе с их оппозиционными противочленами как конституирующие разные категории. Отсюда следует, что если английский глагол в единой словоформе может одновременно выражать прошедшее время и будущее время (форма «будущее в прошедшем»: I should do, he would do), то в системе английского глагола выявляются две категории времени: во-первых, «первичное» время, различающее прошедшее (сильный член категориальной оппозиции) и настоящее (слабый член категориальной оппозиции), и, во-вторых, «вторичное», или «перспективное» время, различающее будущее, или футурум (сильный член категориальной оппозиции) и не-будущее, или инфурум (слабый член категориальной оппозиции). Далее, если в единой глагольной словоформе могут одновременно выражаться перфектность и длительность (форма «длительный перфект»: he has been doing), значит, в системе английского глагола выявляются две категории вида: во-первых, вид «развития» (континуум :: индекситив) и, во-вторых, вид «ретроспективной координации» (перфект :: имперфект).

Следовательно, такие общие грамматические понятия, как «время», «вид», «наклонение» и другие, взятые сами по себе, вовсе не предполагают единых категориальных систем для выражения определяемых ими значений. Грамматическая категория в каждом языке формируется конкретными соотношениями его грамматических форм. Если некоторые формы, выражая варианты единого базового значения (времени – прошедшее, настоящее, будущее и др.; вида – совершенный, несовершенный, длительный и т.д.), являются взаимоисключающими, отсюда следует, что они образуют единую грамматическую категорию. Таковы, скажем, все формы глагольного времени в русском языке.

ке. Если же они не исключают друг друга, а в определенных комбинациях могут сосуществовать в единой словоформе, отсюда следует лишь то, что они входят составными частями в разные категории, даже если значения, ими выражаемые, являются родственными.

На этом основании общая категориальная раскладка форм английского глагола выглядит следующим образом: лицо (первое, второе, третье), число (единственное, множественное), время первичное (прошедшее – претерит, настоящее – презенс), время вторичное, или проспектное (будущее – футурум, не-будущее – инфутурум), вид развития (длительный – континуум, неопределенный – индефинитум), вид ретроспекции (совершенный – перфект, несовершенный – имперфект), залог (страдательный – пассив, действительный – актив), наклонение (сослагательное – субъюнктив, изъявительное – индикатив). Английское наклонение, как и другие глагольные категории, выявляется существенно в бинарной привативной оппозиции, поскольку его «императив» не имеет форм выражения, отличных от форм сослагательного наклонения, и не может сосуществовать с ними в единой словоформе [Блох, 1983, с. 189].

§ 7

При контекстном функционировании грамматических форм в реальных условиях общения их оппозиционно-категориальные признаки вступают во взаимодействие таким образом, что один член категориальной оппозиции может быть употреблен в позиции, типичной для другого, противоположного члена. Как принято говорить, оппозиция в таких случаях «деформируется» или «стягивается в один член».

Контекстная деформация категориальной оппозиции была описана в литературе как «нейтрализация» оппозиции, то есть потеря членами оппозиции их различительной силы на данный случай [Трубецкой, 1960, с. 256 и сл.; Хлебникова, 1964; 1969; Шендельс, 1970, с. 15 и сл.]. Наблюдение над функционированием оппозиционно-связанных форм, однако, показывает, что ослабление различительной силы у членов оппозиции далеко не

всегда приводит к фактической ликвидации оппозиции (ее «стяжению в один член») и в разных контекстно-ситуативных условиях может быть различным по степени проявления. Общим фактором, лежащим в основе разных конкретных видов деформации категориальных оппозиций, является оппозиционное замещение или оппозиционная редукция, состоящая в употреблении одного члена оппозиции с таким синтагматическим назначением, которое составляет принадлежность другого члена по его регулярному оппозиционному статусу [Блох, 1973а; 1977; Блох, Данчеева, 1983]. При этом возможны два принципиально различных случая оппозиционной редукции с собственно функциональной точки зрения.

Первый случай – замещающий член полностью теряет свое содержательное качество, максимально уподобляясь по функции замещаемому члену. Иными словами, в этом случае наблюдается действительная функциональная нейтрализация замещающего члена. Подобная функциональная нейтрализация сама по себе не имеет какого-либо четко выраженного экспрессивного предназначения, хотя, вообще говоря, она может быть связана с вариациями в выражении частных значений соответствующих категорий.

Так, характерным видом нейтрализации по категории числа существительного является употребление единственного числа в родовом значении. Ср.: **A man can die but once** (*посл.*). **The lion is not so fierce as he is painted** (*посл.*).

Нейтрализующее употребление настоящего времени в функции будущего связано с выражением запланированности действия, а также его необходимости в разных вариантах. Ср.: **It is going to be rough and I am a bad sailor. We meet at Lady Metroland's on the twelfth, if not, as I hope, before** (E. Waugh).

Характерна нейтрализация видовой оппозиции развития (неопределенный вид – длительный вид) при употреблении неопределенной видовой формы в описательном тексте. Ср.: **Opposite him in the carriage the two detectives slept, their bowler-hats jammed forwards on their foreheads, their mouths open, their huge hands lying limply in their laps. Rain beat on the windows; the carriage was intensely cold and smelt of stale tobacco** (E. Waugh).

Второй случай – замещающий член не полностью теряет свое функциональное качество, то есть становится, по существу, носителем двух функций одновременно: и функции своего противочлена по условию замещения, и собственной функции, которая обычно отодвигается на роль особого фонового признака. Данный тип оппозиционной редукции соответствует нарочитому, экспрессивно насыщенному переносу замещающего члена в необычные для него условия употребления и поэтому может быть осмыслен как «транспозиция» замещающего члена (ср.: [Шендельс, 1964; Бондарко, 1963; Křížková, 1966]).

Выразительную транспозицию по категории числа существительного мы видим, например, в употреблении множественного числа «уникального» объекта. Уникальность, то есть существенная единичность денотата, является здесь тем фоном, на котором ярко выделяется категориальное значение множественности существительного, его обозначающего. Ср.: ... *that skin so prized by Southern women and so carefully guarded with bonnets, veils and mittens against hot Georgia suns* (M. Mitchell).

Длительный вид глагола, замещая в транспонирующем употреблении неопределенный вид, перенимает его семы привычности, повторяемости действия, но при этом сохраняет собственное значение действия в развитии в качестве семантического фона, что и приводит к требуемому стилистическому эффекту. Ср.: *Jake had that same desperate look his father had, and he was always getting sore at himself and wanting other people to be happy. Jake was always asking him to smile* (W. Saroyan).

Направление замещения в обоих типах оппозиционной редукции нефиксировано, то есть в позиции замещения может оказаться как сильный, так и слабый член оппозиции. Тем не менее для сильного члена более характерно транспонирующее употребление в замещении, а для слабого, наоборот, нейтрализующее, что находится в соответствии с их функциональной природой.

Замещение сильного члена слабым мы называем «восходящим» замещением; замещение слабого члена сильным, соответственно, «нисходящим» замещением [Блох, 1973а, с. 40].

Процессы транспозиции, как и процессы нейтрализации, являются постоянными спутниками регулярного функционирования категориальных оппозиций, реализуя на своих участках действующей грамматической системы языка разного рода экспрессивно-стилистические задания – «эффекты транспозиций». Именно транспозиция составляет стержень того яркого и своеобразного явления в текстообразовании, которое можно назвать грамматической образностью.

Транспонирующее замещение в обоих направлениях хорошо прослеживается в функционировании форм времени английского глагола.

Как мы выяснили выше, грамматическое время в английском языке выражается двумя категориальными оппозициями, репрезентированными либо сильным, либо слабым членом в каждой личной форме глагола. Первая оппозиция (первичное время) противопоставляет прошедшее время настоящему времени. Вторая оппозиция (вторичное время) противопоставляет будущее время, соответственно, настоящему для временного плана настоящего и прошедшему для временного плана прошедшего.

Наиболее известный случай транспозиции по категории первичного времени представляет перевод формы настоящего времени в план прошедшего времени (восходящее замещение). Это – «настоящее историческое» или, в латинизированном переложении, «претеритный презенс». Претеритный презенс представляет прошедшее действие как бы происходящим в данный момент, то есть образно переносит его в настоящее. Например: *There was a garage just round the corner behind Belgrave Square where he used to go every morning to watch them messing about with cars. Crazy about cars the Kid was. Jimmy comes in one day with his motor bike and sidecar and asks for some petrol. He comes up and looks at it in the way he had* (E. Waugh).

При обратном (нисходящем) направлении замещения по категории первичного времени форма прошедшего времени приобретает дифференциальное значение «включенность момента речи», сохраняя в качестве фонового собственное значение прошедшего. Такой «презентный претерит» отличается тем, что несет дополнительные оттенки вежливости, предупреди-

тельности. Это отмечает, в частности, Е. Крейзинга, называющий данное употребление прошедшего времени «прошедшим скромности» – “the preterite of Modesty” [Е. Kruisnga, 1931, с. 21]. Ср.: “Basil, **I wanted** to ask you something – are you going to the State Fair tonight?” – “Why, yes, I **am**” (F. S. Fitzgerald). Презентный претерит обычно употребляется в разговорной диалогической речи, по преимуществу в контактоустанавливающих частях высказываний.

Восходящее замещение по категории вторичного времени, то есть употребление настоящего времени вместо будущего («футуральный презент»), в большинстве случаев является нейтрализующим. Но эта форма может появиться и в результате транспозиции, экспрессивно перенося описание будущих действий в план настоящего. Например: I’ve been daydreaming (not for the first time) about living with G.P. He **deceives** me, he **leaves** me, he **is brutal and cynical** with me, I **am** in despair... We **are** together, very close in spirit. All silly magazine stuff, really, in the details (J. Fowles).

Другой важной коннотацией такого употребления настоящего времени является категоричность установки говорящего относительно выполнения некоторого действия в будущем. Например: Harm or no harm, he **leaves** here in t’ morning. We’ll get on better without him. And I’m going to tell him so (J.B. Priestley).

Наконец, восходящее транспонирующее употребление будущего времени в функции настоящего времени («презентный футурум») связано с выражением модальных значений – таких, как предположительность и снятие категоричности заявления. Например: S a l l y (*She is silent a moment, and then is heard the siren of a very large car*): It’ll be Mr and Mrs Ormund. Here, I must nip upstairs and see if their rooms look all right. (J.B. Priestley). Well, at any rate you **will admit** that all my friends are either Englishmen or men of the big world that belongs to the big Powers (G.B. Shaw).

Оппозиционное замещение осуществляется посредством тонкого языкового механизма, в функционирование которого вовлечены собственные свойства лексем (внутренние контекстуальные факторы), компоненты лексического и грамматического

окружения форм (внешние контекстуальные факторы), а также ситуативные условия текстообразования. Сложное взаимодействие этих факторов в конкретных случаях оппозиционного замещения и вызывает к жизни экспрессивные коннотации, способные резко повысить впечатляющую силу речи – как литературно-художественной, так и обиходной.

Часть III

ГРАММАТИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ
О ПРЕДЛОЖЕНИИ

Глава 1

ПРЕДЛОЖЕНИЕ – ЕДИНИЦА СООБЩЕНИЯ

§ 1

Предложение представляет собой цельнооформленную единицу сообщения, то есть такую единицу, посредством которой осуществляется непосредственная передача информации от говорящего к слушающему в процессе речевого общения.

Состав предложения как целостной единицы сообщения формируется грамматическим объединением слов, причем это объединение имеет собственный знаковый характер, отнюдь не являясь механическим соположением лексем по формальным правилам их сочетания (ср. формы согласования, управления, порядка слов, интонации). В частных случаях речеобразования предложение может строиться и одним, отдельно взятым словом, но и в этих случаях сохраняется коренное различие между словом как именем некоторого предмета, явления, свойства, отношения и предложением как носителем сообщения.

Слово, как правило, входит в язык всей своей лексической конкретностью, а предложение создается в речи, служа звеном в цепи ситуативно-связанных сообщений (см. ч. I, гл. 2). С другой стороны, в речи на основе продуктивных моделей словообразования, упорядоченных лексической парадигмой номинации, могут создаваться и новые, не зафиксированные в языке лексемы. Можно даже придумать немоделированное слово с не отмеченным в языке корнем, что изредка имеет место, например, при звукоподражании. Но продуктивно-моделированные и не-

моделированные новые слова используются, вместе с зафиксированными в языке словами, как назывные элементы лексикона (в том числе и лексикона, создаваемого «на данный случай»), на базе которых строится предложение – сигнемная единица совершенно иного качества.

В отличие от слова, предложение является единицей коммуникативно-предикативной. Это значит, что в предложении не только что-то называется посредством составляющих его слов, но также и устанавливается отношение названной субстанции к окружающей действительности; устанавливается таким образом, как оно представляется говорящему или как говорящий хочет его представить, то есть в виде соответствующей суммы отнесений: коммуникативно-целевого, временного, вероятностного и других. Указанная сумма отнесений, распределяясь по разным менее частным и более частным областям парадигматики, формирует общую категорию предикативности, которая связывает воедино две диалектически-противоположные стороны предложения – речевую и языковую – и включает предложение на уровне типизированной модели в знаковую систему языка.

Семантику отношения денотатов к действительности принято называть «модальностью». Известно, что модальность, вообще говоря, не является специфической категорией предложения; это более широкая категория, которая может выявляться как в области грамматико-строевых элементов языка, так и в области его лексико-номинативных элементов. В этом смысле любое слово, выражающее некоторую оценку соотношения называемой субстанции с окружающей реальностью, должно быть признано модальным. Сюда относятся знаменательные слова модально-оценочной семантики, полуслужебные слова вероятности и необходимости, модальные глаголы с их многочисленными вариантами оценочных значений. Что же касается предикативности, то она представляет собой синтаксическую модальность как особое языковое свойство предложения, реализующее его качественную определенность именно как предложения и, следовательно, не присущее ни одной другой единице языка.

Центром предикации в предложении глагольного строя является глагол в личной форме, и существенные предикативные зна-

чения передаются через его грамматические категории, прежде всего категории времени и наклонения (категории глагольного лица и числа, как отмечалось выше, опосредуют соответствующие значения подлежащего). Вместе с тем, отправляясь от принципов учения о предложении, разработанных в русской синтаксической школе (особенно в классических трудах В.В. Виноградова по грамматике русского языка), мы утверждаем, что предикация выявляется не только в словесных формах личного глагола, связывающих его с подлежащим, но и во всех других формах и элементах предложения, устанавливающих отношение называемых предметов и явлений к действительности. В частности, предикация (предикативная семантика) выражается и интонацией, и порядком слов, и различными служебными словами, а к ее значениям относятся, наряду с глагольно-категориальными, также и все другие значения указанного семантико-синтаксического характера (подробнее см. гл. 3 ч. III).

Из сказанного о категории предикативности вытекает, что общее смысловое содержание, передаваемое предложением, далеко не ограничивается выражением предикативных значений. В самом деле, для того чтобы установить в речи (то есть отобразить сигнемами языка) отношение некоторой субстанции к окружающей действительности, нужно сначала назвать данную субстанцию как таковую, что и осуществляется в предложении при помощи номинативных средств, которыми оно располагает. Следовательно, предложение как единица языка выполняет не одну, а две существенные знаковые функции: во-первых, предметно-назывную, номинативную (т.е. номинативно-денотативную); во-вторых, оценочно-установочную, предикативную.

Терминологическое определение предложения как предикативной единицы подчеркивает главную черту, отличающую предложение от слова и словосочетания среди знаковых единиц языка (сигнем). Но так как любая предикация строится на некоторой номинации как на своей вещественной семантической базе, более полное представление об отличии предложения от слова мы получаем, указав на существенную двуаспектность знаковой природы предложения. Семантика предложения вы-

является в единстве номинативного и предикативного аспектов, семантика слова в этом смысле одноаспектна.

При данном понимании соотношения предикации и номинации со всей ясностью выступает неоправданность критики некоторыми лингвистами того определения предложения, которое выдвигает предикативность на ведущую роль в установлении его качественной специфики (подобную неконструктивную критику мы встречаем, например, у М.И. Стеблина-Каменского [1974, с. 34 и сл.]). В самом деле, отмеченная критика обвиняет предикативное определение предложения, формулируемое В.В. Виноградовым и другими исследователями-синтаксистами, в тавтологичности («предложение – предикация, а предикация – предложение»), в то время как действительное содержание этого определения не имеет ничего общего с тавтологиями «порочного круга». Ведь предикативные значения, как следует из раскрываемого через понятие предикации статуса предложения, не только не исчерпывают собой семантику предложения, но, как раз наоборот, предполагают наличие в предложении семантики принципиально иного характера, являющейся для них не чем другим, как полем приложения их специальных функций.

С другой стороны, следует учитывать принципиальное отличие также и номинативной функции предложения от номинативной функции слова. Оптимальное номинативное значение предложения (пропозитивная номинация) отображает процессную ситуацию, компонентами которой являются некоторое действие (процесс), его агент, его объект, условия и обстоятельства его реализации. Отмеченные компоненты типичной пропозитивной ситуации, существенно охарактеризованные через свое отношение друг к другу, могут быть дополнительно охарактеризованы своими собственными признаками, отображаемыми соответствующими номинативными средствами предложения. Указанное содержание ситуативных компонентов, как хорошо известно из школьного курса грамматики, кладется в основу понимания традиционных членов предложения; иначе говоря, само подобное выделение «функциональных» членов в предложении есть не что иное, как его номинативное членение. Ср.: *The hunter was leading the men to the hut in the forest.* → *The silent hunter was confidently*

leading the tired men along the secret paths to the lonely hut lost in the wild forest.

Легко видеть, что никакое отдельное слово, пусть даже составленное из нескольких основ, по самой своей сути не в состоянии выразить описываемое ситуативно-номинативное значение пропозиции. Иное дело – знаменательное словосочетание как составная номинативно-знаковая единица, называющая сложный объект или некоторое соединение объектов. Сопоставительные наблюдения над разнофункциональными конструкциями языка, проведенные в многочисленных синтаксических трудах современного, а также и предшествовавших ему периодов развития лингвистики, показали, что среди словосочетаний имеются вполне определенные, весьма специфические конструкции, которые действительно способны осуществить именование пропозитивной ситуации. Это – словосочетания полной номинативной силы, представленные развернутыми субстантивными фразами. Именно такие словосочетания по своему номинативному потенциалу прямо и непосредственно соответствуют предложениям оптимального состава. Ср.: → The hunter's leading of the men to the hut in the forest. → The silent hunter's confident leading of the tired men along the secret paths to the lonely hut lost in the wild forest.

Иначе говоря, между предложением и именным словосочетанием указанного полного номинативного типа устанавливаются прямые преобразовательные отношения: предложение, рассматриваемое как элемент парадигматики языка, преобразуется в субстантивное словосочетание или «номинализуется», теряя свой процессно-предикативный характер. Таким образом, при синтаксической номинализации, лишаящей предложение его предикативного аспекта (и, разумеется, тем самым разрушающей предложение как коммуникативную единицу языка – единицу пропозиции), номинативный аспект предложения предстает в своем чистом, так сказать, анатомически изолированном виде.

Выявление в предложении номинативного аспекта, осуществленное в последние годы в рамках раскрытия парадигматических связей в синтаксисе и подготовленное длительной исследовательской работой отечественных и зарубежных синтаксистов

(см. ниже), позволяет уточнить и само понятие предикации, выражаемой в предложении.

Функциональная сущность предикации до сих пор формулировалась обычно как выражение отношения высказывания к действительности или, в более расчлененном представлении, как выражение отношения содержания предложения (высказывания) к действительности. Подобное представление предикации мы видим, например, в известной академической «Грамматике русского языка», указывающей, что «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности» [Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, 1960, с. 79–80]. Сравните с этим определение А.И. Смирницкого, в соответствии с которым предикацией признается «отнесение высказывания к действительности» [Смирницкий, 1957, с. 102]. Нетрудно заметить, что в подобных представлениях предикации не различаются две вышеописанные кардинальные стороны содержания предложения – номинативная и предикативная. Не подлежит сомнению, что именно эта нерасчлененность и явилась причиной указанного выше отрицательного отношения некоторых ученых к понятию предикации как фундаментального фактора построения предложения.

Учитывая двуаспектный характер предложения как знаковой единицы, предикацию следует теперь осмыслить не просто как отнесение содержания предложения к действительности, а как отнесение номинативного содержания предложения к действительности. Именно такое понимание семантико-функциональной природы предикации раскрывает в одном обобщенном представлении и единство отмеченных аспектов предложения как двух фундаментальных сторон его качественной определенности, и их различную, но взаимодополнительную знаковую роль.

§ 2

Предложение организуется в виде последовательности знаменательных членов, занимающих в нем свои системно-определенные позиции. Такими «позиционными» членами простого пред-

ложения являются подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство, определение, вводный член, член-обращение. Особую полузнаменательную позицию занимает междометие. Все эти члены иерархически соотношены таким образом, что каждый из них выполняет некоторую модификационную, или определительную роль. Конечным объектом модификации служит предложение в целом, а через предложение – отражение ситуационного события.

Таким образом, подлежащее определяет сказуемое в том смысле, что выражает лицо предикации (то есть является «личностным определителем» сказуемого). Сказуемое определяет подлежащее в том смысле, что выражает процессное ядро события предикации (то есть является «процессно-событийным определителем» подлежащего – акционным или стативным). Дополнение служит предметным определителем глагола-сказуемого. Обстоятельство служит, в широком смысле, непредметным определителем сказуемого или предложения в целом (как выражающего некоторый обобщенный процесс, внутренне присутствующий ситуативному событию). Определение-атрибут служит определителем предметного члена предложения. Вводный элемент служит ориентированным на говорящего обобщенным определителем предложения в целом или любого из его знаменательных членов. Обращение служит определителем адресованности предложения, то есть со своей стороны определяет предложение в целом. Междометие служит ориентированным на говорящего эмоциональным определителем предложения в целом или его части. Указанную подчинительно-определятельную иерархию предложения удобно отражает модель непосредственных составляющих (см. ч. I, гл. 3).

На данную иерархию предложения, составляющую его номинативное членение, накладывается актуальное членение предложения, в рамках которого различается тема сообщения (состав его «отправного пункта») и рема сообщения (состав его «информативного ядра»). Рема выделяется рематическим (логическим) ударением.

Знаменательные словосочетания как сложные единицы номинации ассимилируются структурой предложения таким образом,

что распределяются в ней по членным позициям соответственно общей пропозитивной семантике. Иначе говоря, они, как и слова, превращаются в члены предложения, хотя, в зависимости от собственного строя, могут занимать здесь более чем одну позицию. При этом словосочетания сочинительного типа, являясь более простыми, чем словосочетания подчинительного типа, существенно не усложняют линейно-иерархическую структуру предложения в том смысле, что не добавляют к ней дополнительного слоя доминации. Подчинительные словосочетания, разносимые в зависимости от характера их главного или «ядерного» элемента по классам субстантивных, глагольных, адъективных и адverbиальных, напротив, усложняют пропозитивную иерархию по определению.

Поскольку главным звеном выявления предложения как цельной единицы сообщения является предикация, постольку количество предикативных центров или «предикативных линий», выраженных в предложении, служит определяющим фактором для разделения предложений по сложности. По этому признаку основными структурными типами предложения являются простое предложение, осложненное предложение и сложное предложение. Простое предложение будет определено как строго монопредикативное. В соответствии с этим требованием из области простых предложений исключаются предложения с комплексами вторичной предикации (инфинитивными, герундиальными, причастными, безглагольными), а также предложения с несколькими сочиненными сказуемыми при одном подлежащем. В самом деле, ведь сочинительное соединение сказуемых (в том числе и однородное), хотя и не добавляет нового уровня доминации в чисто синтагматическом представлении предложения, тем не менее усложняет предикацию как таковую. Сложное предложение будет определено как полипредикативное предложение с раздельным выражением предикативных линий (сочинительным или подчинительным). Осложненное предложение будет определено как полипредикативное предложение со слитным выражением предикативных линий (сочинительным или подчинительным).

Организирующим центром простого предложения глагольного строя является личный глагол, который связан с прочим членным

составом предложения через обязательные и факультативные валентности. Структура обязательных позиций предложения, отвечающих структуре обязательных глагольных валентностей, представляет «структурный минимум предложения», а реализация этого минимума дает «элементарное» простое (монопредикативное) предложение.

Понятие элементарного предложения развивает традиционные понятия нераспространенности и распространенности предложения: модель нераспространенного предложения объективно задается именно элементарным предложением, поскольку нереализованная обязательная валентность глагола (объектная или адвербиальная) даже при наличии обоих главных членов предложения приводит к позиционному зиянию. Ср.: *The newcomer introduced himself.* – *The newcomer introduced* – (?).

Отсюда, распространенное простое предложение определяется как предложение, которое содержит в своем составе, кроме обязательных членов, или членов-«комплементаторов», также и факультативные члены, или члены-«супплементаторы», причем ни комплементаторы, ни супплементаторы не должны усложнять предикативную линию предложения (то есть не должны быть носителями вторичной предикации).

Из приведенных определений видно, что модель элементарного предложения может служить действенным средством семантико-синтаксического анализа предложения вообще. В самом деле, каждое реальное предложение речи, каким бы сложным по строению оно ни было, может быть в своей семантической основе сведено к одному или нескольким элементарным предикативным моделям [Harris, 1962]. Что касается простого предложения, то оно строится лишь на одной элементарной предикативной модели как своем структурно-семантическом костяке.

Как видим, понятия «элементарное предложение» и «модель предложения» не исключают друг друга, а, наоборот, дополняют друг друга: модель предложения является абстракцией, в то время как элементарное предложение может рассматриваться и на уровне абстрактных категорий (в качестве «модели элементарного предложения»), и на уровне реальных высказываний живой речи.

Подлежащее со своими определителями («адьюнктами») и сказуемое с относящимися к нему членами образуют два основных «состава» предложения. В зависимости от того, оба состава или только один из них представлены в предложении, все предложения делятся на двусоставные и односоставные. Как известно, многие языковеды настаивают на том, что не следует смешивать односоставные предложения с эллиптическими: эллиптические предложения по их мнению следует рассматривать как двусоставные предложения с «опущенным» вторым составом (он «подразумевается» из контекста), а односоставные предложения никакого контекстного опущения второго состава не предполагают. Однако обзор материала показывает, что не существует строгой разграничительной линии между таким образом разделенными двусоставным и односоставным типами предложений. Более того, даже и наиболее ясные случаи «строго односоставного» предложения обнаруживают более скрытые и менее скрытые ассоциации с соответствующими двусоставными предложениями. Ср.: *Night. Silence. No leaf rustled, no branch moved, the world was asleep. – It was night. It was silence... Not a word! – Don't say a word! – Don't you say a word!*

В силу этого представляется более разумным отнести все предложения с одним выраженным составом, безотносительно к степени «подразумеваемости» второго состава, к общему типу односоставных, а внутри данного типа выделить подтипы «фиксированных» односоставных предложений и «свободных» (контекстно-эллиптических) односоставных предложений. Среди фиксированных односоставных предложений имеется целый ряд интересных разновидностей. Сюда относятся, в частности, назывные предложения, конструкции приветствий и представлений, конструкции побуждения и извинения, конструкции утверждения и отрицания и т.д. Но как бы разнообразна и интересна ни была внутренняя типология подобных конструкций, они образуют ограниченную область выражения в обширной системе английского предложения.

Что касается наиболее обобщенной грамматической семантики, выражаемой простым предложением, то ее следует оценивать по трем главным строевым основаниям: во-первых, по ка-

тегориальной семантике подлежащего; во-вторых, по категориальной семантике сказуемого; в-третьих, по семантике субъектно-объектного отношения.

По категориальной семантике подлежащего предложения делятся на личные и безличные. Личные предложения подразделяются далее на предложения личностные («гуманиальные») и неличностные («ингуманиальные»). Личностные предложения подразделяются на предложения определенно-личностные и неопределенно-личностные. Неличностные предложения, в свою очередь, подразделяются на одушевленно-неличностные («анимальные») и неодушевленно-неличностные («инанимальные»).

По категориальной семантике сказуемого предложения делятся, с одной стороны, на «глагольные» и «именные» (отражая тип характеристики подлежащего), а с другой стороны, на акциональные и статальные (отражая тип выражаемого процесса). Соотношение категориальной семантики подлежащего и сказуемого находит очевидное отражение в их лексической подклассовой сочетаемости.

По семантике субъектно-объектного отношения предложения делятся на «субъектные» (действие замыкается на подлежащем) и «объектные» (действие замыкается на дополнении). Данная семантика может быть нейтрализована в «медialных» предложениях, которые могут подразумевать и тот, и другой тип пропозиции в разных контекстах (ср., соответственно: *Mary lives in Jamaica.* – *Mary is meeting her friend.* – *Mary is reading.*)

Все выделенные типы и подтипы пропозитивной семантики подлежат дальнейшему детализирующему делению в рамках своих систем.

Ситуативная семантика, выражаемая предложением, все чаще описывается в терминах «актантов и циркумстантов» [Tesnière, 1959] или «глубинных падежей» [Fillmore, 1968] или «семантических ролей» [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981]. Все эти понятия, принципиальное содержание которых в основном совпадает, призваны, по замыслу, раскрыть «истинные» или «глубинные» значения, «скрытые» за членной «поверхностной» структурой предложения.

Конкретные списки таких ролей, цепочки которых составляют «семантическую структуру» предложения, как известно, сильно варьируют и по качеству и по количеству от автора к автору. Наиболее стабильными оказываются, соответственно, наименования личностного субъекта действия («агенс»), прямого объекта действия («пациенс»), лица, для которого совершается действие («бенефициант», или «бенефактив»), инструмента действия («инструмент»), более отдаленного средства, при помощи которого совершается действие («средство»), места действия («локутив»), времени действия («темпоратив») и некоторые другие. Плодотворность данной терминологии видна из того, что она удобно указывает на разные типы значений, которые могут выражаться одним и тем же членом предложения. Так, подлежащее в разных контекстах словесного наполнения предложения может выражать и личностного производителя действия, и неличностную «силу», производящую действие, и объект действия, и получателя действия, и характеризуемый предмет, и характеристику лица или предмета, и даже всевозможные обстоятельства, сопровождающие действие. Ср.: *The pilot changed his tactics. The lightning struck the high-tension line. The road will soon be reconstructed. The face seems petrified. The colour of her cheeks deepened. The morning saw them approaching the airport* и т.д.

На языке «семантической структуры предложения» указанные роли подлежащего будут обозначены, соответственно, как Агенс, Сила, Пациенс, Номинатив (в перцептивной характеристике), Номинатив (в акциональной объективной характеристике), Темпоратив. Однако уже беглое соотнесение этих терминов-толкований (см. Введение) с обозначаемой ими контекстно-обусловленной семантикой знаменательных членов предложения обнаруживает их понятийную недостаточность, если их брать в изоляции, то есть в отвлечении от номенклатуры членов. В самом деле, имеется существенное семантическое различие между подлежащим-агенсом и дополнением-агенсом, между подлежащим-локутивом и обстоятельством-локутивом и т.д. Отсюда следует, что понятия элементов «семантической структуры предложения», истоки которых восходят к древнегреческому учению о семантике падежей, сослужат добрую службу науке, если они

будут применяться для детализации семантического представления членов, а не для опровержения неопровержимого, а именно, того, что членная структура предложения сама по себе сигнемна, сама по себе насыщена абстрактной семантикой грамматического типа, которая и дает основание для ее иерархического представления в позиционной схеме предложения. Иными словами, в семантических ролях предложения следует видеть не раз навсегда зафиксированные денотаты реальных ситуаций, а элементы семантической структуры членов предложения; «семантические роли» – это не что иное, как обозначения семем членов. Поэтому мы предпочитаем называть их пропозитивными «номинантами» и включаем в их число не только предметы событийных ситуаций, но и действия (процессы) событийных ситуаций. Таким образом, используя унифицированную пропозитивно-семантическую номенклатуру, мы говорим не об агенте вообще, а о субъектном агентиве, объектном агентиве, обстоятельственном агентиве и т.д.; не о действии вообще, а о субъектном акциотиве, предикатном акциотиве, обстоятельственном акциотиве и т.д. Тем самым семантико-синтаксическая номенклатура выигрывает в гибкости и емкости.

§ 3

До сих пор мы рассматривали предложение как непосредственно данную восприятию синтагматическую цепь словесно выраженных членов, выполняющих соответствующие синтаксические функции. Именно так подходила к предложению традиционная грамматика, которая, хотя и подготавливала возможность будущего раскрытия нелинейных, то есть парадигматических, связей в синтаксисе, сама в явной форме никогда их не формулировала. Это было обусловлено прежде всего тем, что в ранних грамматических учениях не было четко выработано понятие модели предложения. Развивавшийся в начале века лингвистический структурализм стремился еще больше привязать синтаксис к «чистой» синтагматике, подчеркивая, что синтаксическая структура языка является естественной линейной сферой выхода парадигматических (ассоциативных) морфологических форм. Вот как об этом

говорил Ф. де Соссюр «...Все явления синтаксиса относятся к синтагматике... Надо научиться сводить, таким образом, каждое явление к его ряду, синтагматическому или асеоциативному, и согласовывать все содержание грамматики с ее двумя естественными осями...» [Соссюр, 1977, с. 169].

Дальнейший ход развития языкознания, однако, привел к коренной ломке этих положений, продемонстрировав универсальный характер парадигматических отношений в языке, захватывающих и сферу его синтаксиса. Как и другие принципиальные повороты в науке, выявление парадигматического аспекта синтаксиса, начатое в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов нашего века и продолжающееся поныне, было подготовлено предшествующими теориями, в рамках которых постепенно накапливался необходимый фактический материал, обрабатываемый преимущественно в форме классификаций.

Парадигматика, выявляемая в инвариантно-вариативных соотношениях системно связанных элементов языка, проходит в своем открытии два главных этапа. Эти этапы ясно видны в далекой истории морфологического раздела грамматики. Первый этап – ассоциативный, связанный с собиранием словоформ в списки, которые осмысливаются как ряды словоизменения. Именно на данном, предварительном, этапе парадигматизации морфологического материала создается учение о «прямых» и «склоненных» парадигматических формах слова. Второй этап – деривационный, связанный с расчленением словоформ на основную и флексивную части с вытекающим отсюда определением характера и типов семантического содержания, передаваемого обеими частями. На данном этапе парадигма раскрывается как динамический способ выражения языкового значения в контексте речи. Иначе говоря, осуществляется подлинное, лингвистическое открытие парадигмы, завершающееся уже в наше время построением теории категориальных оппозиций.

Открытие парадигматического аспекта синтаксиса также прошло два аналогичных этапа. Ассоциативный этап связан с наблюдениями над парафразовыми (эквивалентностными) соотношениями синтаксических конструкций, проводившимися первоначально в логике и риторике, а затем перешедшими в грам-

матику. Межконструкционные связи между сложными и простыми предложениями, сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями, словосочетаниями и соответствующими им предикативными единицами на основе семантической эквивалентности и обратимости широко отмечались в трудах отечественных и зарубежных лингвистов конца XIX – начала XX веков [Блох, 1976 в]. Но понятие парафразово-преобразовательных связей конструкций подвергается коренному переосмыслению в современном парадигматическом подходе к синтаксису как к деривационной системе на уровне конструкционных моделей. Открытие синтаксической парадигматики перешло ко второму, деривационному этапу, который отмечен прежде всего установлением синтаксической единицы, служащей деривационным началом, деривационной основой парадигматического производства предложений разного функционального назначения и разной степени сложности. Эта единица – «ядерное предложение», которое в структурном плане совпадает с элементарным предложением (см. выше), но переосмысливается теорией парадигматического синтаксиса как изначально-базовый конструкционный компонент синтаксической парадигмы [Блох, 1971 а; 1971 б].

Понятие синтаксической деривации не предполагает непосредственного преобразования (трансформации) одного предложения в другое, поскольку предложение – это завершенная единица речи. Синтаксическая деривация есть парадигматическое производство более сложных конструкционных моделей из ядерных моделей, служащих их деривационной базой, подобно тому (но со всеми необходимыми поправками на различие в уровнях), как строятся грамматико-парадигматические формы слов от их основ или формируются все более усложняющиеся слова в системе словообразования (ср. структуру лексической парадигмы номинации).

От ядерных предложений, составляющих в совокупности виртуальный ядерный уровень синтаксиса, расходятся две фундаментальные системы синтаксической деривации, вводящие предложение в развернутый текст. Одна система связана с отражением разных отнесений пропозитивной номинации (знаменательно-ситуативной семантики предложения) к действительности. Учитыв-

вая ее функциональное назначение, мы называем эту систему системой предикативных функций предложения. Другая система связана с усложнением самой пропозитивной номинации, в ее рамках ядерные предложения включаются в формирование более широких конструкций разной степени сложности. Данную систему мы называем системой конструкционных функций предложения. Рассмотрению обеих указанных синтаксических областей языка посвящены две заключительные главы настоящей книги.

§ 4

Среди предикативных функций предложения особое место занимает коммуникативно-установочная функция: как коммуникативная единица языка предложение должно выделяться прежде всего своей коммуникативной целью, то есть целевой установкой для слушающего. Обобщив коммуникативно-установочную семантику различных высказываний в реальных текстах, традиционная грамматика дала нам разделение предложений языка на три коммуникативных типа: повествовательный, побудительный и вопросительный. Кроме того был выделен восклицательный тип предложения без определенно обозначенного коммуникативного статуса.

В ходе современных исследований коммуникативные типы предложения получили последовательную характеристику по виду реакции слушающего. Необходимость строгого учета реакции слушающего была ясно показана Ч. Фризом [Fries, 1952]. Напомним основу его описания. В этом описании для начала традиционная классификация отбрасывается как «донаучная», в соответствии с общим резко отрицательным отношением дескриптивной лингвистики к традиционной европейской грамматике. Понятие «предложение» отвергается как «неопределенное», его заменяет понятие «минимальное свободное высказывание». Минимальные свободные высказывания, имеющие непосредственное коммуникативное назначение, подразделяются соответственно разным типам реакции слушающего на три группы. Первую группу составляют высказывания, вызывающие реакцию

ответной речью: это «приветствия», «зовы», «вопросы». Вторую группу составляют высказывания, вызывающие реакцию действием: это побуждения разного конкретного характера. Третью группу составляют высказывания, вызывающие реакцию принятыми данным коллективом сигналами внимания: это «заявления», то есть повествовательные высказывания.

Ч. Фриз вознамерился своим описанием «ниспровергнуть» традиционное разбиение предложений по коммуникативному принципу. Однако не нужно долго присматриваться к его классам высказываний, чтобы увидеть в них традиционные коммуникативные типы, подтвержденные и детализированные экспериментальным исследованием. Категории «повествования», «побуждения» и «вопроса» используются в описании Ч. Фриза прямо, а высказывания типов «приветствия» и «зова» должны быть включены на положении малых подклассов, соответственно, в классы «повествований» (приветствия) и «побуждений» (зовы).

Но характеристика предложения по признаку речевой реакции, хотя и абсолютно существенная на своем месте (ведь фактически она раскрывает именно ту понятийную базу классификации, которая находилась на положении подразумеваемой в традиционной грамматике), все-таки по необходимости является характеристикой лишь «симптоматики» предложения, его внешних особенностей. Возникает вопрос, в чем состоит «органика» коммуникативной природы предложения; в чем заключается существо тех внутренних свойств предложения, которые распознаются слушающим как задающие непосредственную программу его реакции?

Ответ на этот вопрос должен дать парадигматический анализ предложения, включающий рассмотрение характера его актуального членения.

На первом и главном этапе исследования мы рассматриваем коммуникативные типы предложения в рамках системы из двух бинарных оппозиций (повествовательное предложение – побудительное предложение, повествовательное предложение – вопросительное предложение) и устанавливаем, что различительные признаки коммуникативных типов определяются различиями

актуального членения предложения, в частности различным характером их рематических компонентов, выражающих логический предикат высказывания. Рема повествовательного предложения выражает информацию непосредственного сообщения или заявления о некотором факте, свойстве, отношении, событии. Рема побудительного предложения, в отличие от этого, выражает содержание требуемого или желаемого говорящим действия, то есть программирует действие адресата побуждения. Рема вопросительного предложения выражает запрос информации, то есть является в содержательном плане открытой, зияющей: она программирует ответную рему.

Нетрудно видеть, что из трех указанных видов ремы – повествовательной, побудительной и вопросительной – особым своеобразием отличается вопросительная рема, связанная по признаку синсемантии с ремой ответного предложения. Ее открытость может быть либо категорической, безальтернативной (например: *Where is he?*), либо альтернативной (например: *Is he here (or not)? Is he here or there?*), и в зависимости от этого все вопросы должны быть подразделены на вопросы замещения, местоименные (цельные) и вопросы выбора, альтернативные (разделительные). Альтернативные вопросы, в свою очередь, распадутся на скрыто-альтернативные, как в предпоследнем примере, и открыто-альтернативные, как в последнем примере. Как видим, традиционная классификация вопросительных предложений, в отличие от общей классификации коммуникативных типов предложения, подлежит в свете настоящего анализа преобразованию.

На последующих этапах анализа выводятся следствия из выдвинутых положений.

§ 5

Первое следствие – методологическое, оно касается связи предложения и суждения. Известно, что в оценке соотношенности суждения с коммуникативным типом предложения мнения логиков расходятся: одни считают, что суждение выражается лишь повествовательным предложением, другие возражают против этой традиционной точки зрения, представляющейся им «узкой», и

утверждают, что любое предложение прямо и непосредственно выражает суждение (см.: [Таванец, 1953; 1955; Копнин, 1957; Колшанский, 1965, с. 95–101]).

Конечно, можно задать суждение посредством такого определения, которое должно подвести под эту категорию план содержания любого предложения безотносительно к его коммуникативно-типовой принадлежности. Фактически именно так и поступают те, кто распространяет понятие суждения на все коммуникативные типы высказываний, выделяя, наряду с «повествовательными», также и «вопросительные» и «побудительные» суждения. Проблема с точки зрения лингвиста, однако, заключается не просто в том, чтобы расширить старое понятие суждения или же принять его в традиционном, «узком» чтении, а прежде всего в том, чтобы выявить, в чем состоит различие между семантикой высказываний, принадлежащих к разным коммуникативным типам. Различие же это раскрывается в свете теории актуального членения, указывающей на существенные собственные свойства тематико-рематического (а в логическом чтении, субъектно-предикатного) строя соответствующих типов высказываний (см. выше).

Следовательно, если не задавать новое определение суждения по вышеотмеченной модели, а подойти к суждению как «форме мысли, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину, либо ложь» [Кондаков, 1975, с. 574], то учет характера актуального членения в предложениях разных коммуникативных типов ясно покажет, что строго побудительные и строго вопросительные предложения по самой своей коммуникативно-содержательной природе не могут прямо выражать суждения в вышеописанном «традиционном» понимании. Из трех кардинальных коммуникативных типов предложения лишь повествовательное предложение непосредственно выражает суждение, потому что соединение его актуальных компонентов (тематико-рематический строй) прямо отражает отношение его номинативного содержания к действительности по фактору истинности – ложности, а отражение этого отношения, опосредованное формой утверждения и отрицания, – необходи-

мое свойство суждения как такового. Известно, что еще Аристотель стремился оградить суждение от отождествления с содержанием любого высказывания. Он говорил: «Но не всякое предложение (досл.: «не всякая речь» – *М.Б.*) есть суждение, а лишь то, в котором заключается истинность или ложность чего-либо; так, например, пожелание есть предложение («речь» – *М.Б.*), но не истинное или ложное» [Античные теории языка и стиля, 1936, с. 61–62. Ср.: Кондаков, 1975, с. 575].

С другой стороны, каждое предложение, хотя и не обязательно прямо и непосредственно выражает суждение по своему коммуникативному назначению, тем не менее обязательно соотносено с некоторым суждением, при этом соотносено с ним таким образом, что предполагает его в своей деривационной основе. Такая обязательная внутренняя (а не только внешняя, пресуппозиционная) соотношенность предложения с суждением отчетливо видна в парадигматической трактовке побудительного и вопросительного предложений как сильных членов бинарных оппозиций, слабыми членами которых служат соответствующие повествовательные предложения (см. ниже). Иначе говоря, именно обращение к категориям парадигматического синтаксиса позволяет по-новому увидеть соотношение предложения и традиционно определяемого суждения, преодолевая односторонность двух указанных выше взаимно противоположных тезисов (первый – не всякое предложение выражает суждение, второй – всякое предложение выражает суждение); позволяет потому, что выявляет деривационную сужденческую основу в любом полноценном, коммуникативно-охарактеризованном предложении. Из этого, между прочим, вытекает, что не-повествовательные предложения отнюдь не должны исключаться из логического анализа. Как раз наоборот, они по праву должны занять надлежащее место в логической проблематике и внимательно изучаться как со стороны внутренней субъектно-предикатной структуры, так и с точки зрения важнейших функций в построении реальных умозаключений. Таким образом, логическое учение о суждении в этом свете следует понять как составную часть (при этом, безусловно, главную составную часть) логического учения о высказывании.

§ 6

В качестве второго следствия из выдвинутых положений нужно указать на раскрытие места восклицательных предложений в коммуникативной парадигматике.

Восклицательные предложения не обладают собственным коммуникативно-установочным статусом, отображенным на содержании их рематического компонента. Это значит, что восклицательность оказывается сопутствующей чертой, и по данному признаку каждый из выделенных коммуникативных типов предложения – повествовательный, побудительный и вопросительный – может выступить в двух вариантах – восклицательном (интенсивном) и невосклицательном (неинтенсивном). Это легко показать на простых литературных примерах, проведя над ними обратную трансформацию де-интенсификации. Ср., соответственно: *You look pretty.* ← *Scarlett, how pretty you look!* (M. Mitchell). *Don't bother me.* ← *But for Christ's sake don't bother me* (E. Waugh). *Did you love me?* ← *Virginia, did you ever love me at all?* (E. Waugh).

Что же касается так называемых «чисто восклицательных» предложений типа “*Oh my God!*”, “*By Jingo!*” и т.п., выделяемых в качестве таковых, например, Б.А. Ильишом [Ильиш, 1971, с. 186–187], то они не только не могут быть включены в рубрики строгих коммуникативных типов, но должны быть выведены из системы предложений вообще: это не предложения, а междометные выкрики, спорадически попадающие в изолированное положение в речи (позиция реплики). Это не предложения, потому что они не обладают ни эксплицитной, ни имплицитной структурой актуального членения.

Значит, голосовое коммуникативно-значимое действие, вообще говоря, необязательно оформляется в виде предложения. Коммуникативное голосовое действие, которое в общем смысле можно назвать «изглашением», может быть как предложением, так и не-предложением. Более того, оно может и вовсе не включаться в рамки языка, выявляясь в виде нечленораздельного звука. Подобные нечленораздельные изглашения, сопровождающие членораздельную речь, передаются буквенной графикой (литеремами) лишь приблизительно.

§ 7

Третье следствие из основного результата актуально-парадигматического анализа коммуникативных типов предложения состоит в том, что наряду с кардинальными коммуникативными типами предложения выявляются промежуточные коммуникативные типы, совмещающие в себе черты различных кардинальных коммуникативных типов. При этом наблюдения показывают, что промежуточные коммуникативные типы предложения в современных литературных языках формируются четко сложившимися, устойчивыми предикативными моделями, и их необходимо ввести в развернутую коммуникативную классификацию предложений. Всего можно установить шесть таких промежуточных, смешанных коммуникативных типов предложения, поскольку между каждой парой кардинальных коммуникативных типов выявляется еще по два промежуточных [Блох, 1976 б, с. 20]

Между повествовательным и вопросительным предложениями выделяются, соответственно, повествовательно-вопросительное и вопросительно-повествовательное предложения (признак формы предложения отражается первым компонентом составных терминов). Например: He looked at her intently, his curiosity reviving. "You're planning something in that convoluted pixie mind of yours." – "I admit nothing." (A. Hailey). В этом примере мы видим полувопрос (предположение-подозрение с явным заданием для собеседника либо подтвердить, либо опровергнуть его) и ответ на полувопрос. "How can you even insinuate such things?" – "Oh, I do beg your pardon, Mrs. Kennedy!" (M. Mitchell). Вопросительное предложение выражает упрек, а реплика – не ответ на вопрос, а надлежащее извинение.

Между повествовательным и побудительным предложениями выделяются повествовательно-побудительное и побудительно-повествовательное предложения. Например: "You might as well stay here a while," Paravicini said. "You can take a nap if you like..." (E. Hemingway). Повествовательное высказывание с модальным глаголом в сослагательном наклонении передает побуждение-приглашение, последующее высказывание – конкре-

тизирующий стимул для принятия приглашения: *Do what you want, darling.* (J. Heller). В этом побудительном (по форме) предложении содержится разрешение слушающему делать все, что ему вздумается.

Между вопросительным и побудительным предложениями выделяются вопросительно-побудительное и побудительно-вопросительное предложения. Например: *Will you leave your aunt and come and look after me?* (D. du Maurier). Это просьба, выраженная в форме вопроса. “Now, tell me,” she said, “just what do you mean?” (W. Saroyan). Побуждение содержит косвенный вопрос.

В результате мы получаем систему из девяти коммуникативных типов предложения, достаточно последовательно отграниченных друг от друга по совокупности своих синтаксико-парадигматических признаков.

§ 8

Наконец, четвертое следствие из выдвинутых положений является продолжением первого, методологического. Оно дает более детализированный ответ на вопрос о связи предложения и суждения, показывая, что с точки зрения способности к выражению суждения предложения языка, охарактеризованные по коммуникативному типу, должны быть разбиты на три класса.

Первый класс – предложения, выражающие суждение прямо и непосредственно. Это предложения повествовательные, вопросительно-повествовательные и побудительно-повествовательные.

Второй класс – предложения, выражающие суждение в качестве дополнительного плана содержания, в качестве семантического фона для основной коммуникативно-установочной части содержания. Это предложения повествовательно-вопросительные и повествовательно-побудительные.

Третий класс – предложения, не выражающие суждения ни по основному, ни по дополнительному коммуникативно-установочному заданию (хотя, как мы указывали, и обнаруживающие структуру суждения в своей парадигматической деривации). Это предложения вопросительные, побудительные, вопросительно-побудительные и побудительно-вопросительные.

Учитывая, что лишь первый из показанных классов выражает суждение по прямому и единственному назначению в процессе общения, всю систему коммуникативно-охарактеризованных предложений можно разделить на две укрупненные семантико-грамматические подсистемы, из которых первая строится предложениями «декларативными» («заявительными»), а вторая предложениями «апеллятивными» («вызывающими»). Обе подсистемы представляют широкое поле для актуальных лингвистических исследований, особенно в своих периферийных областях, формируемых смешанными коммуникативными типами предложения.

Глава 2

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ТЕКСТ

§ 1

Предложение – единица сообщения – не существует в речи изолированно, а соединяется с другими предложениями, образуя развернутый текст, в котором отражаются и закрепляются результаты работы человеческой мысли.

Текстовая связанность предложения не оставалась незамеченной синтаксистами предшествующих поколений; напротив, они принимали ее как нечто само собою разумеющееся. Без учета этой стороны предложения невозможно было бы ни разделить предложения по коммуникативным типам, ни вообще прочесть смысл предложения-высказывания в контексте речи. Однако текст брался грамматистами прошлых времен лишь как фон для раскрытия внутреннего строя предложения. Предложение представлялось высшим грамматически организованным сегментом языка. Такое представление предложения в грамматике сохранилось до раннего этапа современной лингвистики. Оно нашло четкое отражение в известном положении Л. Блумфилда о том, что «предложения в любом высказывании разграничиваются уже в силу того простого обстоятельства, что каждое предложение – это независимая языковая форма, не включенная посредством той или иной грамматической конструкции в какую-либо более сложную языковую форму» [Блумфилд, 1968, с. 178–179].

Следовательно, до недавнего времени текст в его отношении к предложению сводился для грамматиста к понятию диагностирующего контекста, то есть того текстового минимума, который

является необходимым для раскрытия функционального назначения различных сторон, форм и элементов предложения.

Однако в объективной действительности языка текст существует не только как контекстный минимум диагностики смысла. Он существует и как законченное целое, будь то письменное монологическое сочинение или устный диалог, – ведь и последний имеет свое начало и свой конец, позволяющий подвести итог реализованному обмену мыслями.

Возникает вопрос: должна ли наука грамматика распространить область своих интересов и на текст как целое, на текст как конечный результат речетворческой деятельности?

По-видимому, ответ на этот вопрос дает сама действительность развития языкознания. Текст, ставший объектом исследования специального раздела языкознания, назвавшего себя «лингвистикой текста», уже включился в область грамматического описания наиболее обобщенными сторонами своей формы и семантики. Но, занимаясь текстом, наука грамматика и здесь не может отрываться от того, что составляет самую сущность языка как системы средств выражения: она изучает текст лишь с точки зрения языковых средств его образования, вылушивая их из текста-продукта, текста – развертывающегося или готового произведения речетворчества.

§ 2

Получив ответ на вопрос о грамматической релевантности понятия «целый текст», мы немедленно оказываемся перед вторым не менее важным вопросом: какое место в грамматическом изучении текста должно занять предложение? Следует ли его отставить как «нижележащую» категорию, уже изученную в предшествующих разделах грамматики? А может быть, его нужно отбросить вообще, исключив из грамматики и языкознания как «устаревшее» синтаксическое понятие? Или его стоит оставить на правах виртуального элемента языка, выявляющегося лишь во внутреннем строении «истинных», «реальных» единиц текста? Или же его нужно утвердить в качестве непосредственного, действительного компонента текста во всей реальности и конкретности структуры и семантики?

В современных трудах, связанных с изучением текста, обнаруживается тенденция сместить предложение на позицию «языковой модели», выявляющейся лишь во внутреннем строении текста. Что же касается непосредственной текстообразующей единицы, обнаруживающейся в такой сегментации текста, которая «действительно», «реально» дана получателю сообщения, то для устной речи на указанную роль выдвигается синтагма, или смысловой сегмент, выделяемый фонетическим расчленением речи (межсегментные паузы вместе со смысловым ударением), а для письменной речи – сверхфразовое единство (СФЕ).

Однако наблюдения над речью разных форм и назначений (устная, письменная, обиходная, профессиональная, спокойная, эмоциональная и т.д.) с учетом неперемного парадигматического фактора, выявляющегося во всех грамматических явлениях языка, показывают, что предложение в своем конкретном словесном (глоссовом) воплощении является кардинально существенным элементом выражения именно точки зрения строя текста. Это становится ясным, как только мы примем во внимание тот факт, что предложение является выразителем предикации, то есть отнесения номинативного содержания речи к действительности. Ни одна из «истинных» единиц текста, указываемых в качестве альтернатив предложению, не располагает собственными средствами предикации. Это значит, что вне предложения текст не может выражать суждений и умозаключений, то есть лишается способности служить полноценным средством осмысленного отражения окружающего мира.

Фонетическая сегментация речи, особенно монологической [Лаптева, 1982], действительно может отличаться от ее пропозитивно-предикативного членения. Однако суть дела состоит в том, что разные непредикативные изглашения, выделяемые в самостоятельную позицию акцентно-паузационными средствами (словосочетания, отдельные знаменательные и незнаменательные слова, междометия и даже нечленораздельные возгласы), становятся носителями информативного смысла лишь в соединении с предикативными ядрами речи, лишь в составе предикативных объединений слов. Иначе говоря, устная речевая синтагматика со всеми особенностями ее сегментации превращается в осмыс-

ленную цепь информативных сообщений, лишь поступая в распоряжение предикативной и конструкционной парадигматики, которая выявляется только в предложении и через предложение; физиологическое и психологическое производство речи подчиняется законам функциональной синтаксической деривации, которые всевозможное «хеканье» и «мычание» реального говорящего отодвигают на роль информационных помех или «шумов» (такие шумы, вообще говоря, могут нести свою полезную функцию, служа, например, заполнителями молчания, сигналами настроя, запросами внимания и т.д.).

Само собою разумеется, что и шумы, и естественно-физическая сегментация речи в целом представляют собой поле актуальнейшей исследовательской работы; однако такой работы, которая в рамках языкознания и тем более его теоретико-синтаксического раздела не отрывает отмеченную сегментацию от функционально-знаковой системы языка, а, наоборот, соотносит ее с этой системой.

Что касается сверхфразового единства, то, рассмотренное как смысловое объединение самостоятельных предложений и, с другой стороны, утверждаемое его исследователями в качестве «микротекста» [Москальская, 1981], оно не только не отменяет, но, наоборот, должно по определению предполагать текстообразующую роль предложения.

Не что иное, как предложение, является предельной единицей текста – «наименьшей речью» (Платон), «минимальным речевым произведением» (А.И. Смирницкий), и это демонстрируется бесконечным множеством примеров речевой практики, в условиях которой предложение, будучи предикативно-оформленной единицей сообщения, то и дело попадает в положение изоляции (однопредложенческая реплика диалога).

§ 3

Но в связи с изложенным возникает третий вопрос: существует ли предельная и грамматически релевантная единица текста второго порядка, стоящая в сегментной иерархии языка выше предложения и служащая переходным звеном между предложением и целым текстом?

Для ответа на этот вопрос следует, очевидно, обратиться к самому тексту.

Обозревая текстовый материал, заключенный в последовательностях предложений, мы прежде всего отмечаем, что эти последовательности, вообще говоря, необязательно формируют связанное смысловое целое. Вот типичный пример несвязанной последовательности предложений из реплики героини романа Дж. Голсуорси: *Fleur shed her coat and dropped into a chair. "I'm tired. Your ears are sticking up so nicely to-night, Michael."* Не выявляя признаков какого бы то ни было объединения в единый синтаксико-смысловой сегмент, подобная последовательность может интересовать грамматику лишь с точки зрения форм и способов перехода от выражения одной мысли к другой. Но уже само отражение несвязанной последовательностью предметного (тематического) перехода в цепи сообщений показывает, что даже и такая последовательность не противоречит положению о непрерывном тексте как тематико-смысловом единстве, формируемом грамматически соотнесенными предложениями. Каждое из предложений несвязанной последовательности в потенции может служить зачином связанной последовательности, раскрывающей некоторую общую тему.

Что же касается связанных последовательностей, составляющих предмет нашего непосредственного интереса, то первым критерием их деления должна стать коммуникативная направленность составляющих их предложений. С этой точки зрения различаются последовательности монологические и диалогические. Монологическая последовательность однонаправленна, она исходит от одного говорящего к его слушателю или слушателям. Диалогическая последовательность двунаправленна, ее компоненты, состоящие из одного или нескольких предложений, произносятся собеседниками по очереди, как бы навстречу друг другу.

Известно, однако, что двунаправленные последовательности предложений могут встречаться и в монологе в виде «внутреннего диалога», то есть разговора говорящего с самим собой. Иногда такой внутренний разговор, отражающий размышления и сомнения говорящего (думающего), проходит с подстановкой местоимения второго лица вместо первого, знаменующей взгляд

на самого себя «со стороны» (ситуация общения *hic et nunc* диалектически раздваивается). Ср.: Then: what's the matter with you? he thought. Is that the way to talk? Does food make you that slap happy? What are you, drunk on onions? Is that all it means to you, now? It never meant much, he told himself truly. You tried to make it mean something, but it never did. There is no need to lie in the time that is left (E. Hemingway).

В свою очередь, однонаправленные последовательности могут встречаться и в диалоге, когда последующая реплика собеседника продолжает смысловую линию предшествующей (ведущей) реплики, и обе они тем самым «выстраиваются» в единую цепь сообщений, обращенных либо к третьей стороне (определенной или неопределенной), либо к обоим собеседникам вместе как коллективному «собеседнику с самим собой». Ср.: “They’re looking at us. What effrontery!” – “They’re approaching. That’s very forward of them” (O. Wilde).

Таким образом, направление общения с грамматической точки зрения оказывается не менее существенной характеристикой связанной последовательности предложений, чем внешняя форма ее представленности в виде монолога или диалога. Чтобы терминологически отразить эту глубинную разницу между двумя типами последовательностей, мы называем их по характеру связи между их компонентами. Однонаправленная последовательность самостоятельных предложений формируется при помощи присоединения, или «кумуляции», в отличие от синтаксического сложения предложений, превращающего их в части (клауземы) сложного предложения. Поэтому непосредственное объединение предложений присоединительного типа, соответствующее сверхфразовому единству, можно назвать «кумулямой». Формирование двунаправленной последовательности базируется прежде всего на самом факте их «встречной» обращенности. Поэтому данный тип связи предложений, в отличие от присоединительного, может быть назван «встречным» или «оккурсивным», а объединение предложений, реализованное этой связью (диалогическое единство), соответственно, «оккурсемой».

Сопоставляя кумулему и оккурсему, нетрудно видеть, что оккурсема занимает более высокое положение в сегментной иерар-

хии языка, чем кумулема, поскольку реплики диалога образуются не только изолированными предложениями, но и последовательностями предложений – кумулемами. Значит, с формальной точки зрения уровень сверхфразовых, надпредложенческих связей может быть разделен на два подуровня: нижний, кумулятивный, и верхний, оккурсивный. Но при этом не следует упускать из виду тот факт, что между двумя типами объединения предложений имеется коренное различие, находящееся вне уровневых соотношений между сегментами и состоящее в том, что оккурсема, в отличие от кумулемы, по существу представляет собой разговор или его часть. Это значит, что она, вообще говоря, производится не одной, а двумя или несколькими индивидуальными языковыми (подъязыковыми) системами, вошедшими в коммуникативный контакт. Таким образом, если кумулема представляет собой действительно сегментное единство, то оккурсема должна быть осмыслена как многосегментное (минимум двусегментное) единство.

Что же касается собственной функциональной характеристики этих двух верхних знаковых единиц языка, то она является репрезентативной с точки зрения текста как целого. Знаковая природа текста как целого отражается в его теме, представляющей собой обобщенный предмет его содержания (ср. [Москальская, 1981, с. 17 и сл.; Agricola, 1976]). Кумулема, как репрезентативный строевой компонент текста, или «микротекст», должна выделяться, следовательно, своей «микротемой». Оккурсема, как репрезентативный компонент диалогического текста, должна выделяться, соответственно, диалогической микротемой. Разница состоит в том, что в оккурсеме выражение темы раздваивается таким образом, что ведущая реплика задает ее содержание или «заголовок», а встречная реплика ее развивает.

В книжно-печатном монологическом тексте кумулема как некоторое правило очерчивается границами абзаца. Вот пример текстовой последовательности абзацев-кумулем с тематическими переходами между ними:

“Sometimes the man would drive off into that distance in his high cart. Then the clearing was full of the whine and yelping of the red dog, left chained to a veranda post. Till in time the silence grew, and his yellow eyes watched it. Or a parrot flurried the blue air. Or a mouse

glistened on the dirty floor of the house. The abandoned dog was at the service of silence at last. He was no longer attached, even by his chain, to the blunt house of the man's making.

The man always brought back things in his cart. He brought a scratched table and chairs, with mahogany lumps in the proper places. He brought an iron bed, big and noisy, of which the bars had been bent a bit by kids shoving their heads between. And he brought all those necessities, like flour, and a bottle of pain killer, and pickled meat, and kerosene, and seed potatoes, and a packet of needles, and oaten chaff for the shaggy horse, and the tea and sugar that trickled from their bags, so that you crunched across them, almost always, on the hardened floor.

The dog's collar almost carved off his neck when the man came, and there was always the joy and excitement and the smell of brought things.

Then, once, when the man had been gone some time, longer than normal perhaps, he brought with him a woman, who sat beside him in the cart, holding the board and her flat hat. When she had got down, the dog, loosed from his chain, craned forward, still uncertain of his freedom, on trembling toes, in silence, and smelled the hem of her skirt" (P. White).

Приведенный текст содержит четыре абзаца, три из которых построены кумулемами. Тема первого: «Отъезды Человека (в своей повозке) и одиночество Собаки во время его отсутствия». Тема второго: «Возвращения Человека с приобретенными вещами – мебелью и предметами потребления». Тема третьего: «Радость Собаки при возвращениях Человека». Тема четвертого: «Приезд Человека после более долгого отсутствия, чем обычно, вместе с Женщиной, и недоумение Собаки при виде ее». Три первых абзаца составляют более широкое тематическое единство – абзацную группу. Ее общая тема: «Отъезды и приезды Человека».

Следует различать собственное содержание кумулемных тем и их формулировки. Формулировки даются в более или менее произвольных и приблизительных терминах, однако это не лишает их объективного характера: любые варианты формулировок при адекватном прочтении текста должны однозначно выразить инварианты его микротематического содержания.

§ 4

Соотношение абзаца и кумулемы неоднозначно [Блох, 1973 б]. Абзац представляет собой строчное единство, выделяющееся красной строкой сверху (строчной отступ или выступ, а в абсолютном зачине сочинения иногда обычная, недеформированная строка) и, соответственно, неполной строкой в конце (сопутствующий признак). Абзац полифункционален, представляя собой композиционный компонент монологической речи, репрезентируя реплику письменно зафиксированной диалогической речи, а также отмечая пункты различных перечислений, независимо от пропозитивно-предикативного или непредикативного характера их строения. Выделяясь в устном изложении паузой (диеремой) протяженностью не менее чем две с половиной моры (мора – условная длительность краткого слога), он не может выйти за пределы устной кумулемы, имеющей тот же фонетический признак раздела. Однако абзац может включать в свой состав более чем одну кумулему. Вот пример многокумулемного абзаца, тематические единицы которого, однозначно отграничиваясь друг от друга, посвящены описательной характеристике разных персонажей (разделяем их штриховым знаком //):

“Larry, who was in his second year, had been working for a model agency out of season. Dickie had seen his face in hair-cream advertisements and illustrations to magazine articles about Love. He did not have to be especially comic or athletic. He just had to be around with his smile and his eyelashes, in and out of the pool all day long when it was warm enough, for he looked his best in swimming trunks. // Pete was the one for those who took their games seriously. Everyone wanted to be on his side at hockey, and each week a new tennis racket was presented to the camper who took most games off him in a single. // John was popularly known as Spring-heeled Jack. A whirl of colour with his red hair and bright blue jersey, he did acrobatics at the concerts, led flocks of bicyclists round the countryside, and organized romps in the gymnasium when it was wet. // Kenny, who was long and Latin, carried his accordion almost permanently strapped round him, like a part of his anatomy, and could be found striking up Old Favourites in any part of the camp. When the bars were full, he would

wander through with his teeth agleam, playing “Black Eyes” and “Sous les Toits”. It lent a Continental air” (M. Dickens).

С другой стороны, абзац может быть и меньше кумулемы, предоставляя весь свой объем одному-единственному предложению, тем самым поставленному в особо важную композиционно-смысловую позицию. Подобный абзац мы видим в вышеприведенном отрывке из П. Уайта (третий по порядку). Вот еще пример:

“Milly saw the Finance Minister’s eyebrows rise with mild surprise. Most policy meetings^o aside from the full Cabinet usually took place informally in the Prime Minister’s office. But obediently the group filed out into the corridor toward the Privy Council chamber a few yards away.

As Milly closed her office door behind Perrault, the last to leave, the Bourdon Bell of the Peace Tower carillon was chiming eleven” (A. Hailey).

Абзац-предложение приведенного примера, тематически выделяясь сменой событий, подчеркивает значительность момента, отраженного в восприятии героини, как бы остановившимся движением времени («точечное» время, указанное длительной формой глагола).

Во внутренней структуре абзаца кумулема также может коррелировать с отдельным предложением, тематически стоящим особняком. Ср.:

“He ran across the soft Moorish carpets, and opened the door. // No! She was not here either. The room was quite empty” (O. Wilde).

Собственный тематический характер первого предложения раскрыт с полной однозначностью: в нем выражается повествование, которое сменяется перцептивно-описательной кумулемой (представление места, отраженного в восприятии героя).

И здесь мы находим искомую предельную, элементарную единицу текста второго порядка (см. выше), – единицу, не отменяющую текстообразующий статус предложения, но стоящую, тем не менее, выше предложения в иерархии знаковых сегментов. Это – тематизирующая единица текста, которая может быть выражена союзом предложений – кумулемой, а может быть выражена и одним-единственным предложением. Мы называем ее «дикте-

мой», пользуясь единообразной эмической терминологией (см. ч. I, гл. 4). Для менее формального обозначения данной единицы можно использовать и термин «высказывание», взятый в широком смысле (но одновременно не забывая его узкий смысл, однозначно соотносящий «высказывание» с «предложением» как в трудах по лингвистике, так и в трудах по логике: высказывание – речевая реализация предложения).

Итак, диктема есть элементарная тематическая (тематизирующая, топикальная) единица связной речи. В равномерно разворачивающемся письменном монологическом тексте диктема, как правило, представлена абзацем, в диалогической речи, как правило, – целой репликой. Диктема по объему может совпадать с предложением в соответствии с общим законом соотношения знаковых единиц в иерархии языковых сегментов. Диктема-предложение – это такая же языковая реальность (но со всеми необходимыми изменениями), как слово-предложение на своем уровне языковой иерархии.

Тематический аспект текста тоже, и весьма сложно, структурирован по уровням. Тема целого текста («пленотекста») реализуется через иерархию частных тем, выделяющих все более дробные композиционно-текстовые отрезки («партитексты»), верхний набор которых снабжается своими заголовками или «титулами» («титулованные партитексты», над которыми стоит главный титул – заглавие пленотекста или «опуса»), а нижний остается «нетитулованным». Самым нижним подразделением этой иерархии (том – книга – часть – глава – раздел – параграф – пункт...) и служит диктема, составляющая, вместе с непосредственно стоящей над ней диктемной группой («гипердиктемой» или «диктемемой»), первейший интерес для синтаксического раздела лингвистики текста.

§ 5

Итак, диктема – элементарная единица тематизации текста, формируемая предложениями. Именно через это подразделение текстовых единиц и в рамках аспекта тематизации реализуются близкие и далекие связи частей текста, отражающие его «когезию», – проспективные, ретроспективные, двунаправленные. Именно

через это подразделение знаковых сегментов осуществляется действие текстовой пресуппозиции (фонд предварительных сведений, необходимых для адекватного восприятия высказывания), обеспечивающей необходимое раскрытие всех имплицитивно передаваемых смыслов тем участком текста, который развертывается перед сознанием получателя сообщения.

Но тематизирующей функцией не исчерпывается сигнемно-уровневая характеристика диктемы. Другой и не менее важный аспект диктемы заключен в ее стилистической охарактеризованности, – той охарактеризованности, которая, как и тематическая, собирается от диктемы к диктеме и отображается на целом тексте. В самом деле, вне стилистической характеристики, раскрывающей различные стороны выразительности речи, существование текста невозможно. Но стилистическая характеристика задается любому высказыванию лишь в коммуникативно-определенном контексте; цельной же единицей реализации такого контекста служит диктема.

Выявление в диктеме, а через нее и в целом тексте необходимой суммы стилистических показателей мы называем «стилизацией» – соответственно, стилизацией диктемы и стилизацией текста. Это понятие следует отличать от литературоведческого понятия стилизации, под которым имеется в виду подражание внешним атрибутам чужой авторской манеры, обусловленное различными идейно-художественными целями и иными обстоятельствами. Для терминологического разграничения двух смежных понятий введем разделение стилизации на первичную и вторичную. Первичная стилизация – это естественная, витальная стилизация, без которой никакая речь существовать не может, и мимо которой, следовательно, не может пройти синтаксическое учение о тексте. Вторичная стилизация – это искусственная, отраженная стилизация, относящаяся главным образом к области художественной литературы. Элементы ее представлены и в обиходной речи как подражание чужим речевым привычкам (особенностям чужого идиолекта), в частности при пересказе чужой речи «в лицах», при «передразнивании» и т.д.

Изучение стилизации, реализующейся в диктеме и через диктему, составляет обширную проблему лингвистической стилис-

тики, и в настоящем исследовании, находясь в рамках своего предмета, мы можем лишь бегло и схематически указать некоторые из ее существенных типологических разграничений.

На начальной ступени рассмотрения стилизации следует разделить тексты с точки зрения их обработанности или необработанности, то есть с точки зрения степени предварительной подготовки к окончательному выражению, или «оглашению». На этом основании деления мы различаем, с одной стороны, обработанную речь, а с другой стороны, необработанную, или спонтанную речь. Важно учитывать, что и тот, и другой типы речи могут существовать как в письменной, так и в устной форме. При этом в современном обществе с развитием разных видов массового общения (выступление перед большими аудиториями с использованием усилительной звукотехники, радиообщение, телевизионное общение и др.) получает все большее распространение особая разновидность обработанной речи – устная подготовленная речь, произносимая по предварительно составленному конспекту или тезисам («скриптная» речь [Блох, 1983, с. 293]). И обработанная, и спонтанная речь отражают стилизации самых разнообразных видов.

По характеру отражения в тексте языковых норм различаем стилизацию литературную (книжную), стилизацию разговорную и стилизацию медиальную, стоящую между той и другой с их многочисленными разновидностями.

По отражению сферы общения различаем стилизацию общую (обиходную) и стилизацию специальную. Последняя вводит речь в условия общения разных социальных и профессиональных групп людей.

По характеру семантических средств выражения различаем стилизацию фактивную, или фактуальную (речь фактов) и стилизацию образную (речь образов). Последняя, естественно, входит в самые основы художественно-литературной речи, но вместе с тем она весьма широко представлена и в обиходной разговорной речи. Образный аспект обиходной речи еще ждет своего исследования.

По соотносительной силе функционального воздействия различаем стилизацию экспрессивную (сильную) и стилизацию неэкспрессивную (слабую). При этом нужно провести строгое раз-

границение между экспрессивностью и эмоциональностью, поскольку данные характеристики речи лежат в разных плоскостях: эмоциональность отражает самовыражение говорящего, экспрессивность – силу воздействия на слушающего.

Следовательно, по уровню эмоциональной насыщенности речи различаем стилизацию эмоциональную и стилизацию неэмоциональную.

Наконец, особые градационные деления стилизации следует ввести по признаку соотношения экспликативного и имплицативного содержания речи. Этот признак, чрезвычайно важный с собственно грамматической точки зрения, в синтаксико-парадигматических терминах формулируется как степень открытости конструкционного объема высказывания. На этом основании деления различаем стилизацию экспликативную (оптимально-объемная речь), стилизацию имплицативную (лаконичная речь) и стилизацию гипер-экпликативную (многословная речь). В рамках отмеченных стилизаций выделяются, кроме синтаксических конструкций ordinarily полных, синтаксические конструкции неполные (эллиптические) и, с другой стороны, синтаксические конструкции вторично-полные (полные, вводимые в текст на обычном месте неполных [Блох, 1970; Юдина, 1973]). И эллиптические, и вторично-полные конструкции связаны с особым характером выявления актуального членения предложения. Сравните эллиптические предложения разговорной речи, ставящие рему и ее центральную часть – пик информативной перспективы – в позицию значимой изоляции: “I make appointments. For you.” – “For me? Who with?” – “Clients.” – “What for?” – “Twenty-five guineas each time” (G. Cooper). Сравните с этим вторично-полные предложения, насыщенные эмоциональными и этическими коннотациями: “My dear, you don’t have to be on the defensive you know.” – “I’m not on the defensive” (J. Osborne). “No, Dad, you can’t sell the horses, you’d be lost.” – “But I must sell the horses, Dinny” (J. Galsworthy).

В нашем перечне стилизаций не нашло отражение понятие так называемого «стиля художественной литературы». Дело в том, что, выделяя единый стиль художественной литературы в общей раскладке «функциональных стилей» языка, исследователи, очевид-

но, смешивают деление разновидностей языка по сфере использования (вычленение «подъязыков» или «стилей») с делением самих сфер использования языка (вычленение типов деятельности говорящих). Художественная литература как тип деятельности имеет целью, эстетически воздействуя на читателя, дать художественное отражение места человека в объективной действительности. Язык же художественной литературы, употребляемый писателем и воплощенный в речи его произведения, отражает общенародный язык с его различными функциональными подъязыками («стилями») и текстовыми стилизациями. Именно это качество языка художественной литературы делает возможным проведение над ним лингвистических наблюдений как над объективным источником данных о строе общенародного языка.

§ 6

Подводя итоги изложенному, укажем важнейшие функционально-языковые аспекты речи, выявляющиеся в диктете как непосредственном и синтаксически релевантном звене перехода от слова через предложение к целому тексту. Эти аспекты суть, во-первых, номинация; во-вторых, предикация; в-третьих, тематизация; в-четвертых, стилизация. Номинация осуществляет именование, или называние пропозитивных событий-ситуаций. Предикация относит названные события (точнее, пропозитивные имена событий) к действительности. Тематизация скрепляет пропозитивные значения в осмысленное целое, вводя их в более широкую сферу целенаправленного содержания развертывающегося текста. Стилизация регулирует выбор языковых средств, снабжающих текст коннотациями, необходимыми для адекватной передачи содержания в конкретных условиях общения. Лишь совместное выявление компонентов выражения, относящихся к каждому из отмеченных функционально-языковых аспектов речи, реализует полноценный текст как продукт отражательно-мыслительной деятельности человека в различных формах языкового общения.

Глава 3

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1

Анализ парадигматических свойств предложения, как мы выяснили выше, позволяет выделить в нем два рода функций, имеющих различное синтаксическое содержание. Функции первого рода, конструкционные, связаны с развертыванием предложения в знаменательную синтагматическую последовательность, реализующую предметное название отражаемой в предложении ситуации. Функции второго рода, предикативные, связаны с установлением отношения отраженной в предложении предметной ситуации к действительности. Соответственно двум родам функций предложения в синтаксической парадигматике языка следует различать две взаимно противопоставленные системы парадигматических рядов: с одной стороны, систему рядов конструкционных функций предложения, с другой – систему рядов предикативных функций предложения.

Конструкционные ряды соответствуют формированию предложений различной линейной сложности: простых нераспространенных, простых распространенных, слитных, сложных, контекстно-изолированных и контекстно-связанных в речевой цепи. По существу содержания конструкционных синтаксических категорий лишь некоторая часть их общей совокупности выражается в каждом отдельно взятом предложении. В самом деле, если предложе-

ние является простым, оно не выражает специфических функциональных значений сложного предложения (ср. сочинение и подчинение предикативных единиц разного семантико-синтаксического характера). Если предложение относится к глагольным, оно не может выражать собственных значений именного предложения (ср. различные квалификации субъекта именным предикатом). Если предложение принадлежит к классу личных, в нем не выражаются собственные категории безличного предложения (ср. соответствующие действия и состояния, передаваемые безличными предикативными конструкциями). Следует подчеркнуть, что указанные различия конструкций ясно выступают и в тех случаях (а точнее, именно в тех случаях), когда между ними имеется знаменательная общность. Это нетрудно продемонстрировать на самых обычных высказываниях, выбранных наудачу.

Так, между двумя нижеследующими английскими предложениями, соответственно простым и сложным, существует строгое лексическое и семантико-синтаксическое родство: *He came to the appointed place. – The place where he came had been appointed beforehand.* Легко видеть, что родство этих предложений может быть представлено в каких-то частных условиях исследования как отношение эквивалентности. Если же сопоставить данные высказывания по существу их конструкционно-семантического различия, то первое (простое) будет прочтено как описывающее прибытие некоторого лица в назначенное место, а второе (сложное) – как определяющее, в качестве заранее назначенного, некоторое место, куда прибыло лицо. Разница глубокая и недвусмысленная.

Возьмем родственные предложения, глагольное и именное: *He glanced at them suspiciously. – His glance (at them) was suspicious.* Знаменательный состав обоих предложений идентичен, однако существенное семантическое различие между предложениями состоит в том, что глагольная конструкция выражает два предиката (действие субъекта и квалификацию этого действия), а именная конструкция только один предикат (квалификацию определенного действия субъекта).

Для полноты иллюстрации сопоставим также родственные предложения, личное и безличное: *I'm cold. – It is cold here.* Конструкционное значение личного предложения – передача чувства

холода, испытываемого субъектом; конструкционное значение безличного предложения – передача объективного (точнее, объективированного) состояния среды.

В силу отмеченного свойства конструкционных синтаксических категорий, одна из наиболее важных задач их парадигматического описания состоит в том, чтобы выявить среди всего их множества такие, которые оказываются общими для всех предложений языка. Выявление ограниченного набора данных категорий приводит к построению элементарной деривационной основы предложения, называемой «ядерным предложением» (см. выше).

По-иному выявляются в предложениях языка их предикативные функции. Их отличие от конструкционных функций состоит в том, что отображение категориальной совокупности предикативных значений во всей полноте является обязательным для любого предложения вне зависимости от степени его сложности и других конструкционных свойств. Это обусловлено самой коммуникативной природой предложения, которое выражает обязательную предикативную оценку отражаемой ситуации действительности.

В силу обязательного характера полного категориального отображения предикативных функций в каждом полноценном предложении особый интерес представляет их изучение в предложениях элементарного знаменательного состава, то есть в таких предложениях, которые по составу своих знаменательных членов не выходят за пределы ядерных предложений. Чрезвычайная актуальность изучения данной области синтаксиса обусловлена именно тем, что, будучи элементарными в конструкционном смысле, эти предложения могут служить целостными единицами реального общения. В то же время предикативные функции более сложных предложений выявляются в результате соединения и комбинации предикативных функций некоторой суммы элементарных предложений на более высоких уровнях синтаксиса.

Эту систему предложений элементарного состава с выраженными значениями предикативных функций мы называем «примарной синтаксической системой языка» [Блох, 1971 б].

§ 2

Предварительным этапом описания предикативных функций в рамках примарной синтаксической системы должно явиться выделение примарных предложений из общего множества предикативных единиц языка. Для распознавания этих предложений в тексте используются критерии соотносительной простоты, эксплицитности и однозначности. Основываясь на них, мы отчленяем примарные предложения от синкретичных предложений со связочным двойным сказуемым, от синкретичных предложений с глагольным многокомпонентным сказуемым, от осложненных предложений с различными комплексами вторичной предикации.

Особенно важно выделить примарные предложения среди таких предложений, сказуемые которых строятся цепочечными соединениями нескольких глаголов (о глаголах, вступающих в цепочечную сочетаемость, см.: [Palmer, 1965, p. 150 и сл.]). Это обусловлено тем, что непосредственно наблюдаемые линейные приметы таких многоглагольных предложений оказываются, как правило, недостаточными для раскрытия их синтаксических свойств. Проводя анализ этих предложений, мы получаем одновременно два результата: во-первых, отграничиваем строго монопредикативные (то есть примарные) предложения от нестрого монопредикативных предложений, выходящих за пределы примарной синтаксической системы; во-вторых, выявляем совокупность глаголов, которые, не образуя с подлежащим самостоятельной предикативной линии, тем самым оказываются служебными элементами синтаксиса.

Покажем это на сопоставлении следующих литературных примеров: (1) Ramsden wanted to ring up to report. (J. Tey). (2) But you seemed to want to come at the time, didn't you? (K. Amis). (3) Old Jim seemed to manage to give his attention to the usual dull round of work (A.F. Webb). Все три приведенных предложения содержат по три глагола в составе сказуемого (один личный и два инфинитива), однако первое предложение построено на трехъядерной деривационной основе (Ramsden wanted + Ramsden rang up + Ramsden reported), второе – на двухъядерной деривационной основе (you want + you come) и лишь последнее – на одноядерной

деривационной основе (Old Jim gave his attention to work). Опустив факультативные члены этого предложения согласно принципу аналитической редукции, мы получаем примарное предложение Old Jim seemed to manage to give his attention to work. Глаголы seem и manage раскрываются как служебно-модификационные, модальные по существу.

§ 3

Парадигматизация множества полученных примарных предложений по категориям предикативных функций осуществляется посредством превращения этого множества в оппозиционное пространство с дифференциальными признаками, отражающими обобщенные предикативные значения предложения. Функциональные значения предикативных отношений, кладущиеся в основу устанавливаемых категорий, выявляются в текстовом анализе, который проводится с учетом современных положений об аспектизации предложения. Каждая из предикативных категорий характеризуется некоторым набором экспонентов, соответственно варьирующих общую семантику признака и образующих свою подпарадигму в рамках полной парадигмы предикативных функций.

Таковы категории: «коммуникативная установка», расчленяемая на категориальные признаки вопроса и побуждения в раздельном соотнесении с повествованием (то есть на категории «вопросительная установка» и «побудительная установка»); «бытийное качество» (отрицание – утверждение); «реализация» (нереальность – реальность); «вероятность» (предположение – констатация); «оценка тождества» (кажущееся, случайное, неожиданное тождество – констатация); «модальное отношение субъекта к действию»; «актуальное отношение субъекта к действию» (попытка, удача, неудача относительно производства некоторого действия – констатация); «фазис» (начало, конец, продолжение действия – констатация); «субъектно-объектное отношение»; «информативная перспектива»; «интенсивность». Итого 12 категорий-признаков.

В перечень выделяемых предикативных категорий на рассматриваемом уровне синтаксиса мы не включаем категории предикативных функций.

кативного лица, числа, времени, вида. Действительно, эти категории, как мы отмечали выше, в строгом смысле не входят в план оценки ситуации, называемой в предложении, а сами непосредственно участвуют в данном назывании, то есть выявляются на переходе от предикативных функций к конструкционным функциям. Поэтому мы относим их к области внутреннего предикативного строя ядерного предложения.

На следующем этапе исследования изучается комбинаторика предикативных значений примарного предложения. Наиболее существенные предикативные свойства предложения с точки зрения последующего выделения синтаксико-парадигматических рядов раскрываются в связи с введением понятия предикативной нагрузки предложения (синтаксической). Синтаксическая предикативная нагрузка предложения определяется суммой положительных значений выраженных в предложении синтаксико-категориальных предикативных признаков.

Минимальная предикативная нагрузка, равная нулю (то есть отрицательные значения по всему набору предикативных синтаксических категорий), характеризует простейшее, или первичное, примарное предложение. Это предложение служит прямым речевым аналогом соответствующего ядерного предложения. Например: *This is true. The children are getting peevish. The tide is turning. Two arms crossed. Alan held his breath. You disappoint me. A boy looked up to us* и т.д.

Максимальная синтаксико-предикативная нагрузка реального предложения, входящего в примарную синтаксическую систему, как показывают наблюдения, составляет половину теоретически возможной на принятом уровне обобщения (6 из 12 категориальных признаков, установленных на обследованном материале современного английского языка). Вот пример предложения с синтаксико-предикативной нагрузкой, близкой к максимальной: *Clare wouldn't try to take you in (J. Galsworthy)*. Синтаксическая предикативная нагрузка этого предложения в численной оценке равна 5. В нее входит, во-первых, выражение отрицания (показатель *not* по категории «бытийное качество»); во-вторых, выражение нереальности (показатель *would* по категории «реализация»); в-третьих, выражение попытки совершить

действие (показатель *try* по категории «актуальное отношение субъекта к действию»); в-четвертых, выражение поляризованного актуального членения (показатель – усиленное логическое ударение на дополнении *you*, отмеченное в оригинале авторским курсивом, по категории «информативная перспектива»); в-пятых, выражение эмоциональности (показатель – напряженный семантический контекст, которому соответствует эмоциональный интонационный контур по категории «интенсивность»). Остальные 7 предикативных признаков положительными значениями не представлены (иначе, предложение определяется по данным категориям как не-вопросительное, не-побудительное, не-вероятное и т.д.).

Такая же численная отметка синтаксической предикативной нагрузки отличает следующие примарные предложения, которые мы приводим без комментария: *How could I possibly be spared?* (B. Shaw). *I couldn't have done anything else, could I?* (K. Amis). *What should he have to mind?* (Ch. Dickens).

Исходя из фактической насыщенности примарных предложений предикативно-синтаксическим содержанием, мы разбиваем их на обобщенные классы «легких» и «тяжелых». Предикативная нагрузка «легких» предложений – от нулевой до двузначной; предикативная нагрузка «тяжелых» предложений – от трехзначной и выше.

Переход от «легкой» нагрузки к «тяжелой» ясно виден на примере ряда предложений, построенных на единой ядерной основе по принципу последовательного наращивания общего предикативного содержания конструкции. Ср.: *You disappoint me* («ядерное» предложение, то есть примарное предложение с нулевой синтаксической предикативной нагрузкой). – *You can disappoint me.* – *You can't disappoint me.* – (Далее – переход от легких предикативных конструкций к тяжелым) *I can't be disappointed by you.* – *Can't I be disappointed by you?* – *But can't I ever be disappointed by you?* Предикативная нагрузка предложения дошла до отметки 5–6 (с учетом признака «интенсивность»). Дальнейшее увеличение нагрузки будет приводить к неестественным конструкциям.

На единой деривационной основе могут формироваться предложения с двойным выражением одного и того же предикативного

признака. Все они стилистически ярко окрашены. Из этих конструкций наиболее известной является отрицание отрицания. Ср.: *She is not unattractive* (S. Maugham). *Let us not misunderstand each other* (A. Christie). *She wouldn't be unattended* (B. Copplestone). Однако имеются и другие, менее известные случаи двойного (повторного) выражения предикативного признака. Таковы, например, конструкции с двойным выражением вопроса, вероятности, модального отношения субъекта к действию, интенсивности и другие. Ср., соответственно: *Who wouldn't believe what?* (J.K. Jerome). *Possibly she mayn't have to give evidence* (A. Christie). *You can't be going to leave us*, Major (B. Shaw). *What a very extraordinary thing* (A. Huxley).

Указанные предложения мы относим к классам «перегруженных» по соответствующему предикативному признаку. Предикативно-перегруженные предложения, детально расписанные по характеру выражения рассматриваемых категорий, представляют огромный интерес для современных синтаксико-стилистических исследований.

§ 4

Введение понятия предикативной нагрузки предложения позволяет на заключительном этапе анализа сформулировать некоторые общие принципы построения синтаксических парадигм предикативных функций, проведя различие между синтаксическими парадигмами «нормального» типа и «актуального» типа. При этом, разумеется, все разновидности выделяемых синтаксических парадигм должны отвечать специфике парадигмы вообще, которая существует в виде упорядоченной совокупности языковых форм, взятых на одном и том же уровне обобщения и объединенных на основе системного вариативно-инвариантного выражения некоторой функции.

«Нормальную» парадигму естественно строить от повествовательной формы предложения как непосредственно и наиболее полно выражающей пропозитивную номинацию, выявляющуюся во всех элементах выделяемого парадигматического ряда. Предикативная семантика первичного примарного предложения собирается по отрицательным значениям предикативных призна-

ков, различаемых в примарной синтаксической системе. Поэтому первичный парадигматический ряд в данной области синтаксиса должен строиться от первичного примарного предложения (с нулевой синтаксической предикативной нагрузкой) путем проведения его поочередно по всем положительным значениям отмеченных предикативных признаков.

Каждое из этих значений, как мы указывали, соответствует определенному набору вариантов, выявляющихся разными экспонентами признака (формы слов, служебные слова, порядок слов, интонация). Полная первичная парадигма любого предложения должна включать все формы его изменения, то есть представить его во всех возможных формах соответствующих частных рядов или микропарадигм – по числу категориальных признаков, различаемых в системе. Ср., например, изменение ядерного предложения по вариациям выражения общего вопроса: *This is true. – Is this true? This is true? This is true, isn't it? This is true, is it? True – isn't this? This true – is it not?*

С другой стороны, в составе каждой из отмеченных микропарадигм одну из парадигматических форм предложения (наименее стилистически окрашенную и индивидуализированную) можно выбрать в качестве представителя микропарадигмы в целом. В таком случае мы получим «представительную» («репрезентативную») парадигму предикативных функций, которая будет состоять из первичного примарного предложения с нулевой предикативной нагрузкой и соответствующих предложений-репрезентантов с однозначной предикативной нагрузкой (с нагрузкой, равной единице). Например: *Margaret held his hand. – Did Margaret hold his hand? – Let Margaret hold his hand. – Margaret didn't hold his hand. – Margaret wouldn't hold his hand. – Margaret must have held his hand. – Margaret seemed to hold his hand* и т.д.

Полученный парадигматический ряд представляет собой упорядоченный набор заголовков микропарадигм, составляющих в совокупности полную парадигму предикативных функций (макропарадигму). Хотя и очень ограниченный по составу форм, этот ряд заголовков имеет вполне очевидное парадигматическое содержание; он действительно отображается на фактических пред-

ложениях языка, производимых по продуктивным законам парадигматики. Чтобы оценить его статус в системе, данный ряд можно сопоставить (со всеми необходимыми изменениями) с парадигмой инфинитивов, задающих заголовки соответствующим рядам личных форм глагола.

Далее, следует учесть, что синтаксическая парадигма на уровне предложения формируется, строго говоря, не одним и тем же предложением, взятым в «разных формах», а заведомо разными предложениями, представляющими собой видоизменения одной и той же знаменательной пропозитивной модели. Поэтому такую парадигму можно считать парадигмой некоторого «сентенциала»: предложения – члены парадигмы разные, а сентенциал тот же самый, подобно лексеме, сохраняющей тождество в разных изменительных парадигматических формах. К термину «парадигма предложения» в этом свете нужно будет подходить как к рабочему, которым удобно и привычно пользоваться в исследовательской и учебной практике.

Первичная нормальная парадигма, безусловно, представляет собой наиболее важный тип синтаксической парадигмы предикативных функций: будучи построена непосредственно на ядерной основе сентенциала, она входит составной частью во все возможные его видоизменения как предикативного, так и конструкционного характера.

Нормальная парадигма более тяжелого сентенциала, чем первичный, то есть «вторичная» нормальная парадигма, строится от повествовательного предложения с синтаксической предикативной нагрузкой от одного и выше; это предложение проводится поочередно по дополняющим его значениям категориальных предикативных признаков. Это значит, что реальное независимое монопредикативное предложение текста примарного состава может рассматриваться как включающееся в несколько нормальных парадигм (по числу положительных значений предикативной нагрузки) на правах одной из их выходных форм. Например, предложение *She couldn't hear it* лежит на пересечении рядов с исходными парадигматическими формами *She didn't hear it* (за вычетом модального признака) и *She could hear it* (за вычетом отрицания).

Но нормальная схема построения парадигмы предикативных функций в выдвинутой системе представлений – не единственно возможная для предложений языка. Принимая во внимание творческий, конкретно-речевой характер предложения-высказывания, разумно разрешить строить предикативную парадигму также и от любого реального, то есть «актуального» предложения текста, в том числе вопросительного и побудительного, приняв это предложение за исходную форму и проводя его по дополняющим положительным значениям предикативных признаков. Например, предложение *She couldn't hear it* включается как исходное в актуальную парадигму с такими формами, как *Couldn't she hear it? She couldn't have heard it. It couldn't be heard by her* и т.д., по всем предикативно-парадигматическим ступеням, возможным для данного уровня предикативной нагрузки.

Таким образом, различие между нормальными и актуальными парадигмами предикативных функций зависит от того, рассматриваем ли мы предложение с точки зрения его конкретного места в тексте (актуальная парадигма) или с точки зрения его постоянного системно-языкового статуса (нормальная парадигма). Поэтому введение данного разграничения следует признать существенным именно для характеристики действительных речевых предложений языка – «актуальных» предложений, которые всегда отображаются на фактической или потенциальной реакции слушающего. В частности, актуальные парадигмы, для которых не выдвигается ограничения на тип исходной предикативной конструкции, демонстрируют тем самым фундаментальный характер всех категориально-функциональных признаков, установленных в системе, и со своей стороны указывают естественный выход парадигматического описания предикативных функций предложения в практику обучения языку и переводческой работы.

Глава 4

КОНСТРУКЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1

Конструкционные функции предложения выявляются в формировании предложений разной степени сложности, а также в объединении самостоятельных предложений в составе текста. Так как общий принцип конструкционного объединения языковых элементов является существенно бинарным (к одному элементу прибавляется другой), минимальная деривационная основа для построения препозитивно-конструкционного парадигматического ряда, демонстрирующего связь между разными уровнями и подуровнями синтаксиса, должна состоять из двух предикативных единиц. Таким образом, два ядерных предложения могут произвести синтаксико-парадигматический ряд, отображающийся в своих номинативных границах (определяемых знаменательными составляющими ядерных предложений) на всей пропозитивной иерархии языка.

Подобные конструкционные ряды предложений можно собирать на основе двух главных принципов упорядочивания. Первый из них – одностатусное упорядочивание; второй – разностатусное упорядочивание.

Одностатусное упорядочивание располагает производимые предложения на одном и том же уровне синтаксической иерархии.

В результате мы получаем разнофункциональный ряд предложений (в общих рамках которого возможно появление и однофункциональных подрядов в некоторых частных случаях). Например, базовые предложения (то есть предложения, строящие деривационную основу) *He slowed down the car* и *He turned round the corner* на уровне сложноподчиненного предложения будут соединяться так: *He slowed down the car when he turned round the corner.* – *As he slowed down the car, he turned round the corner.* – *While he turned round the corner he slowed down the car.* – *He had slowed down the car before he turned round the corner.* – *He didn't slow down the car though he was turning round the corner.* – *Although he slowed down the car he didn't turn round the corner.* – *Although he turned round the corner he didn't slow down the car.* – *He wouldn't have slowed down the car if he hadn't turned round the corner.* – *He slowed down the car so that he could turn round the corner* и т.д.

На уровне сложносочиненного предложения те же самые базовые конструкции дают следующие объединения: *He slowed down the car, for he had to turn round the corner.* – *He had to turn round the corner, so he slowed down the car.* – *He slowed down the car, but he didn't turn round the corner.* – *He slowed down the car, then he turned round the corner.* – *He had to turn round the corner, or he would not have slowed down the car* и т.д.

На уровне осложненно-подчиненного предложения соединение базовых конструкций дает следующий ряд: *Turning round the corner he slowed down the car.* – *He slowed down the car to turn round the corner.* – *Having slowed down the car, he turned round the corner.* – *Without slowing down the car he turned round the corner.* – *He slowed down the car not turning round the corner.* – *After slowing down the car he turned round the corner* и т.д.

На уровне осложненно-сочиненного предложения соединение тех же базовых конструкций приводит к следующим результатам: *He slowed down the car and turned round the corner.* – *He had slowed down the car and was turning round the corner.* – *He turned round the corner but didn't slow down the car.* – *He slowed down the car, turned round the corner.* – *He slowed down the car, and then – a turn round the corner.* – *A turn round the corner – but without slowing down the car!* и т.д.

Каждое объединение базовых конструкций на каждом уровне синтаксической деривации выявляет определенный тип функциональной семантики, обобщенный для уровня в целом. Сюда относятся такие реляционные значения, как соединение пропозиций и перечисление пропозиций, их сопоставление и противопоставление, их взаимная координация в пространстве и времени, причинная и следственная связь между ними и т.д., – все это с отображением степени связанности или совмещенности пропозитивных событий, задаваемым уровнем типом объединения базовых компонентов деривации.

Но перекрестные соотношения структурных и функциональных свойств конструкций, разнесенных по разным уровням рассматриваемой иерархии, подсказывают и другой принцип их парадигматического упорядочивания, который мы отметили выше, а именно – разностатусный, межуровневый принцип. В силу самого межуровневого характера соположения конструкций в одном ряду такое упорядочивание, в отличие от одностатусного, должно быть основано на существенной эквивалентности их функциональных значений. Таким образом, если парадигматическое упорядочивание первого типа является одностатусно-разнофункциональным, то парадигматическое упорядочивание второго типа, по самой логике системных соотношений, должно быть разностатусно-однофункциональным. Поскольку парадигматические формы (ступени, члены) рядов второго типа принадлежат разным синтаксическим уровням, а ряды в целом, следовательно, как бы пронизывают синтаксическую иерархию снизу доверху, их можно условно назвать «вертикальными», в отличие от «горизонтальных» рядов первого типа.

Упорядочивание членов вертикальной конструкционной парадигмы естественно вести в направлении «от конца к началу» (сверху вниз) – от соположения предложений в текстовой последовательности к возможному опрощению их связи в монопредикативной единице (ср.: They stopped + The gate was closed → They stopped before the closed gate). Таким образом, первой, зачинной ступенью соединения базовых предложений будет их текстовое соединение в качестве независимых предложений – элементов кумулемы. На второй ступени базовые предложения соединяют-

ся в сложносочиненное предложение. На третьей ступени, соответственно, в сложноподчиненное предложение. На четвертой ступени – в осложненно-сочиненное предложение. На пятой ступени – в осложненно-подчиненное предложение. На шестой ступени – в опрощенное предложение.

В том или другом частном случае объединения одна или несколько парадигматических форм могут отсутствовать из-за каких-то конкретных свойств структуры и семантики деривационной базы. С другой стороны, и это особенно важно, каждая уровневая ступень парадигмы может быть в принципе представлена некоторым набором конструкций, отражающих разные функциональные варианты того же самого функционального содержания. Полный (всеуровневый) фрагмент вертикальной конструкционной парадигмы эквивалентности, построенный на вышеприведенной деривационной основе, будет иметь следующий вид.

Первая ступень – объединение базовых предложений в кумулему: He slowed down the car. He had to turn round the corner. (Возможные варианты опускаем.) Вторая ступень – объединение базовых предложений в сложносочиненное предложение: He had to turn round the corner, and he slowed down the car. – He had to turn round the corner, so he slowed down the car. – He slowed down the car, for he had to turn round the corner. – He slowed down the car, he had to turn round the corner и т.д. Третья ступень – объединение базовых предложений в сложноподчиненное предложение: He slowed down the car because he had to turn round the corner. – As he had to turn round the corner, he slowed down the car и т.д. Четвертая ступень – объединение базовых предложений в осложненно-сочиненное предложение: He had to turn round the corner and slowed down the car. – He had to turn round the corner, so slowed down the car. – He slowed down the car, had to turn round the corner и т.д. Пятая ступень – объединение базовых предложений в осложненно-подчиненное предложение: Having to turn round the corner, he slowed down the car. – He slowed down the car having to turn round the corner и т.д. Шестая, опрощенная ступень в этом ряду отсутствует, так как рассматриваемую семантику соотношения базовых пропозиций

(причинно-следственная связь вместе с модальностью вынужденного действия) невозможно выразить средствами строго монопредикативной конструкции.

§ 2

Сопоставляя два рассмотренных принципа парадигматического упорядочивания предложений с точки зрения их конструкционных свойств, мы заключаем, что эти принципы по существу соответствуют двум последовательным этапам в изучении конструкционной системы синтаксиса. В самом деле, второй принцип вытекает из анализа совокупности парадигматических рядов, построенных по первому принципу парадигматизации. Таким образом, общее множество потенциальных парадигматических форм, произведенных на некоторой более сложной или менее сложной предикативной деривационной основе, может быть в конечном счете представлено как совокупность межуровневых конструкционных парадигм эквивалентности, организованных в определенном функциональном порядке в зависимости от выражаемых пропозитивных значений. Выявление этих значений, анализ структурных форм, их выражающих, и разработка конкретных способов их раскладки по парадигматическим рядам составляют предмет большой и актуальной исследовательской работы.

Вместе с тем, как легко видеть из изложенного, демонстрируемые пути парадигматизации синтаксиса не противоречат данным прежней, «традиционной» грамматики и никоим образом не ведут к дискредитированию ее общей познавательной ценности. Как раз наоборот, не требуется особых усилий мысли для того, чтобы узнать зачатки такой парадигматизации в любом более или менее полном (в пределах своих задач) грамматическом описании языка «традиционно школьного» типа. Более того, основные результаты, полученные грамматическими учениями, восходящими к тому периоду развития лингвистики, который некоторые современные исследователи называют «донаучным», фактически служат источником обширного и тонко обработанного материала для приложения новых принципов и

методов парадигматического структурирования и семантико-функционального объяснения.

§ 3

Предложение-высказывание реальной речи может быть конструкционно более сложным и менее сложным в зависимости от номинативно-ситуативного смысла, подлежащего выражению. Содержание сообщения обуславливает как физический объем предложения, так и выбор синтаксических моделей его построения.

Физический объем предложения может быть измерен в различных линейных единицах языка. В фонологическом аспекте анализа он будет определен общим числом фонем (и, соответственно, их буквенных репрезентаций на письме), использованных для производства предложения. Можно к этому числу добавить и число межсловных и межклауземных пауз (определив его, положим, в пределах от 2 до 4 условных единиц протяженности). В письменно-буквенном аспекте анализа этот объем будет определяться количеством букв и буквенных пробелов, использованных для написания или напечатания предложения. Оба вида анализа являются чрезвычайно важными на своем месте; особенно необходимы они для разработки и совершенствования различных систем коммуникации, таких, как радио, телефон, телетайп.

Например, следующие два английских предложения являются неравными по длине, требуя различных отрезков времени (и различных затрат физических усилий) как для производства, так и для восприятия: (1) *At that time Aunt Clementine was herself preparing a breakfast of scrambled eggs and hot milk for her dearest little nephew Johnny in the kitchen.* (2) *The Aunt returned to find Johnny at table, finishing his breakfast.*

В то время как первое из данных высказываний включает 101 английскую фонему (фонемоупотребления), во втором содержится лишь 45 фонем, то есть меньше половины. Подсчитанная в буквах (буквоупотреблениях), длина высказываний будет выражена числами, соответственно, первого – 120 единиц, второго –

только 54 единицы, то есть снова заметно меньше половины. В терминах строчной длины и количества клавишных ударов в машинописи объем первого высказывания выразится числом 145 (120 букв плюс 24 буквенных пробела плюс точка), а объем второго, соответственно, числом 66 (54 буквы плюс 10 буквенных пробелов плюс запятая плюс точка), то есть опять значительно меньше половины.

Однако на уровне денотативных значений, которые являются существенными с точки зрения живого общения между людьми, объем предложения должен рассчитываться уже не в фонемных и буквенных единицах, а в словесных единицах, поскольку именно словами говорящий обозначает предметы и явления окружающей действительности. Определим длину приведенных высказываний в единицах словоупотреблений, принимая каждое отдельное внесение значимой звуко-буквенной цепочки в письменный текст за отдельное слово. В таком случае длина первого высказывания будет оценена числом 25 слов, а длина второго, соответственно, – 11 слов; и в этом измерении второе высказывание не достигает половины объема первого.

Но лексическая семантика, оцененная в единицах словоупотреблений, как бы важна она ни была сама по себе, не выражает еще всю информацию, заключенную в высказывании. Наряду со словесной семантикой, недифференцированно пересчитанной на единицы-лексемы и в таком пересчете отражающей лишь чисто номинативный аспект предложения, последнее должно еще выразить предикацию, относя свое номинативно-ситуативное значение к действительности. Кардинальная роль предикативных значений в полноценном сообщении была рассмотрена нами выше. Предикативные значения передаются разными элементами сообщения; эти элементы могут представлять собой как предложения полного предикативного статуса, так и части предложений неполного предикативного статуса. Взаимоотношения предикативных единиц различного статуса демонстрируются, в частности, теорией парадигматического синтаксиса [Блох, 1977 б]. И, рассмотренное под углом зрения предикативного момента, объемное соотношение приведенных высказываний предстает совершенно в ином свете.

В этом плане, если мы учтем лишь тривиально-линейное (синтагматическое) строение высказываний, мы должны будем оценить их как равные по «предикативному» объему, поскольку каждое из них сформировано вокруг одного личного глагола, относя выражаемую предикативную семантику к единственному подлежащему конструкции (агенсу обобщенной пропозиции). Таким образом, с линейно-конструкционной точки зрения и в терминах выраженных предикативных единиц, отношение объема первого высказывания к объему второго будет определено как один к одному.

Однако объемное соотношение высказываний должно быть еще раз радикально переосмыслено, когда мы примем во внимание фактор парадигматической деривации предложений, отраженный в их категориальной структуре, передающей реляционную семантику. Основываясь на показаниях этих признаков, мы придем к заключению, что второе из сопоставляемых высказываний, в фонематическом и словесном представлении составляющее лишь половину объема первого, не только не отстает от первого по предикативному объему, но намного превосходит его. В самом деле, в то время как первое высказывание обнаруживает лишь одно базовое предложение в предикативной деривации (его атрибутивные составляющие являются полностью непредикативными), второе высказывание возводится к предикативной деривационной базе, включающей четыре предложения. Все четыре базовые предикативные единицы обнаруживают либо полно-предикативную, либо частично-предикативную репрезентацию в линейной (поверхностной) структуре предложения: одна представлена главной предикативной лично-глагольной клауземой, одна – инфинитивной фразой (адвербиальная полуклаузема), одна – именной фразой состояния с «нулевым» глаголом-предикатом (адвербиально-атрибутивная полуклаузема) и одна – причастной фразой (адвербиальная полуклаузема). Вот эти предложения: *The aunt returned. The aunt found Johnny. Johnny was at table. Johnny was finishing his breakfast.*

Таким образом, второе из сопоставляемых высказываний, представляя собой осложненную конструкцию, является в четыре раза более сложным в предикативно-парадигматическом смысле

ле, чем первое высказывание. Совершенно ясно, что последний тип оценки степени сложности предложения, то есть степени его синтаксико-парадигматической сложности, интересует теоретический синтаксис в самую первую очередь.

§ 4

В процессе языкового общения говорящий производит предложения значительной семантико-синтаксической сложности. Иногда эта сложность настолько велика, что приходится лишь поражаться легкости, с какой строятся и воспринимаются подобные конструкции. Устная монологическая речь (существенно нескриптной, спонтанной природы – см. выше) в этом смысле не так уж разительно отстает от письменной. Прочтем, например, второе предложение нижеследующего текста, взятого из импровизированной речи Бернарда Шоу – его выступления по радио, посвященного памяти Жанны д’Арк (1931 г.): “You know, of course, that Joan of Arc was a young girl who was burnt. But I want you to get that out of your head; it is not really a matter of very great consequence to us now, the particular way in which she died, and the fact that she was burnt does not distinguish her at all, and does not explain why we are talking about her here tonight, although hundreds of thousands of women have been burnt, just as she was burnt, and yet they are quite forgotten and nobody talks about them”.

Существенно устная и разговорная природа данного предложения не может вызвать сомнения: она выражается, в числе других признаков, пролептической структурой второй клауземы (...it is not really и т.д.), нарушенными логическими связями всей последней части предложения, начинающейся уступительной клаузмой (...although hundreds of thousands of women...), и особенно характером введения заключительной сложносочиненной конструкции (...and yet they are...) и ее общим строем с типичной разговорной тавтологией. Будучи разговорно-устным, предложение, однако, включает целых 12 клауз (как полной, так и частичной предикации), совместно образующих сложную структуру логического вывода из выдвинутых посылок.

Парадигматическая теория дает четкое объяснение коммуникативному феномену легкости (точнее, естественности) производства подобных сложных конструкций в устной разговорной речи в тех случаях, когда говорящий нуждается в них. Объяснение состоит в том, что за внешним, линейным представлением сложноструктурированных высказываний стоит простейший бинарный принцип соединения предикативных единиц их деривационной основы. Именно этот принцип соединения, применяемый многократно, дает в результате высказывание теоретически неограниченного предикативного объема и сложнейших, подчас лабиринтоподобных семантических соотношений между его клаузами.

Объясняя явление синтаксической сложности предложения, парадигматическая теория может помочь в выработке методов объективной оценки этого явления, то есть в установлении меры сложности, отличающей различные пропозитивные конструкции. Теоретическое и практическое значение подобной оценки самоочевидно: она сможет представить одну из важных объективных основ сопоставления разных стилей речи, содействовать совершенствованию правил авторской и редакторской обработки речи, обогатить критерии учебного градуирования и препарирования текстов и т.д.

Для того чтобы дать простейшую оценку сложности предложения в свете описанных парадигматических положений, следует определить и соотнести друг с другом две фундаментальные характеристики предложения, а именно, его линейно-предикативный (синтагматический, «поверхностный») строй и его деривационно-предикативный (парадигматический, «глубинный») строй, возводящий предложение, в конечном счете, к его ядерной деривационной основе. В рамках этого сопоставления необходимо учитывать как формальные, так и семантические признаки базовых конструкций и характер их модификации в ходе парадигматического производства рассматриваемого реального высказывания речи.

С другой стороны, подобная чисто качественная парадигматическая оценка конструкции может сочетаться с соответствующей количественной оценкой, взятой как ее сокращенная (и, разумеется, далеко не полная) репрезентация в числах (попытка такой

оценки была предпринята в терминах «коэффициента компрессии» в работе И.А. Гавриленко [1973]). В контексте количественно-парадигматической оценки сложности высказывания каждая предикативная единица синтагматического и деривационного строя предложения будет выражена тождественной численной мерой, равной единице, а отношение суммы таких единиц синтагматического строя к сумме соответствующих единиц деривационной основы наглядно, хотя и огрубленно, отобразит степень парадигматической сложности высказывания. Это отношение может быть названо «фактором предикативного объема» предложения (Predicative Volume Factor). Если обозначить каждую предикативную единицу синтагматического строя предложения символом S (от *англ.* sentence), а каждую предикативную единицу его деривационной основы символом В (от *англ.* base), то формула фактора предикативного объема (сокращенно FV) будет выглядеть так:

$$FV = \Sigma S / \Sigma B$$

Для примера определим фактор предикативного объема следующего предложения: *And there, before three o'clock in the afternoon, the clerks were turning on the lights, and as often as not there would be fog in the air, murky and dismal, and a slow chugging journey home, daily bread-ers like himself sitting five abreast in a carriage, some of them with colds in their heads* (D. Maurier).

На синтагматической поверхности данного высказывания мы видим две клауземы, соединенные сочинительной связью, с глагольно-личными элементами *were turning on* и *would be*, образующими их предикативные центры. В деривационной глубине высказывания, однако, мы легко различаем не две, а целых шесть предикативных единиц, четыре из которых представлены полуклауземами – объединениями слов, обнаруживающими признаки вторичной предикации. Вот эти дополнительные четыре базовые конструкции: (1) *The fog would be murky and dismal*; (2) *There would be a slow chugging journey home*; (3) *Daily bread-ers like himself would be sitting five abreast in a carriage*; (4) *Some of them would be sitting with colds in their heads*.

Переформулируя результаты анализа в цифрах, получаем числовой фактор объема: $FV_1 = 2/6$.

Ясно, что приведенное число не следует представлять как обычную дробь, подлежащую сведению к $1/3$ по общей кратности числителя и знаменателя. В самом деле, число предикативно полных клаузем в рассматриваемом высказывании составляет именно две, а не одну, а число базовых предложений, из которых парадигматически произведено высказывание, составляет именно шесть, а не три. Чтобы оградить наш фактор от тривиального сокращения, можно добавить к численным значениям его числителя и знаменателя соответствующие символы S и B: $FV_1 = 2S/6B$. Фактор предикативного объема вышеприведенного предложения Бернарда Шоу составит $FV_2 = 10S/12B$.

С другой стороны, с целью парадигматического сравнения предложений разного строения на основе усредненных количеств, может оказаться полезным, наряду с таким полным фактором объема, иметь его чтение в десятичной дроби. Эта дробь не будет его простой репрезентацией. Она будет показывать числовую характеристику относительного объема синтагматического строя предложения на единицу его деривационного строя (один предикативный элемент деривационной базы). Чем больше базовых конструкций представлено в виде полных предикативных единиц синтагматического строя высказывания, тем ближе это число будет к единице. Поскольку рассматриваемое десятичное отношение показывает степень открытой (поверхностной) репрезентации деривационной базы высказывания, оно может быть названо «фактором открытой предикации» (Overt Predication Factor) и обозначено символом FOP. По существу, этот фактор выявляет удельный предикативный объем предложения. Значения факторов открытой предикации для двух сопоставляемых высказываний будут равны, соответственно: $FOP_1 = 2/6 = 0,333$; $FOP_2 = 10/12 = 0,833$.

Оба типа факторов – предикативного объема и открытой предикации – полезны каждый в своем плане, они дополняют друг друга в общей парадигматической характеристике предложения. Вместе с тем ни тот, ни другой факторы не демонстрируют различия между конструкциями подчинения с сочинением и конст-

рукциями сочинения с подчинением в синтагматическом строе высказывания. Учет такого различия важен с точки зрения установления соотносительной меры подчинительного структурирования высказывания как одной из его существенных синтаксических и семантических характеристик. С этой целью следует выдвинуть другой оценочный фактор, который будет соотносить предикативные единицы синтаксически зависимого статуса с предикативными единицами синтаксически независимого статуса. При этом типе оценки осложненно-сочиненные конструкции должны рассматриваться как эквивалентные по статусу осложненно-подчиненным, поскольку координированные полуклауземы фактически сливаются с ведущими клауземами совершенно аналогично субординированным полуклауземам. В этом отношении полное сочинение (пленокоординация) радикально отличается от осложняющего, полусочинения (семикоординации): результатом полного сочинения является сложная конструкция с равносильной (эквипотентной) связью клаузем.

Таким образом, единицами синтагматического строя предложения, релевантными для рассматриваемой оценки, будут придаточные предложения (зависимые клауземы) вместе со всеми вторично-предикативными конструкциями (полуклауземами), отнесенные к единой главной (ведущей) конструкции (ведущей клауземе).

Зависимые конструкции можно обозначить условным символом D (от *англ.* dependent), а ведущую, соответственно, I (от *англ.* independent). Оценка будет представлять собой отношение числа зависимых конструкций к числу базовых предложений на одну независимую предикативную единицу синтагматического строя высказывания (либо отдельное предложение, либо сочиненная полнопредикативная клаузема). Это отношение, оставляя неотраженным полный предикативный объем предложения, раскрывает его синтаксико-зависимостный аспект; поэтому мы называем его «фактором зависимости» (Dependency Factor) и обозначаем символом FD/I. Формула фактора зависимости будет выглядеть так:

$$FD / I = \Sigma D / \Sigma B$$

Сумма базовых предложений будет равна сумме зависимых конструкций плюс единица (одна ведущая конструкция): $\Sigma B = \Sigma D + 1$.

Первое из вышепроанализированных предложений (текст Д. дю Морье), в котором содержатся два сочиненных предложения, дает два значения для рассматриваемой оценки: $FD / I_1 = 0 / 1 = 0,0$; $FD / I_2 = 4 / 5 = 0,8$.

Средний фактор зависимости (FD / I_{av} – от *англ.* average), существенный с точки зрения усредненной характеристики текстов в их широких сопоставлениях, будет получен посредством элементарной выкладки: $FD / I_{av_1} = 0,8 / 2 = 0,4$.

Соответствующий анализ предложения Бернарда Шоу, включающего 5 независимых клаузем, дает следующие результаты: $FD / I_1 = 1 / 2 = 0,5$; $FD / I_2 = 1 / 2 = 0,5$; $FD / I_3 = 3 / 4 = 0,75$; $FD / I_4 = 2 / 3 = 0,667$; $FD / I_5 = 0 / 1 = 0,0$.

Средний фактор зависимости $FD / I_{av_2} = (0,5 + 0,5 + 0,75 + 0,667 + 0,0) : 5 = 0,483$.

Наконец, представляется полезным ввести еще один фактор для усредненной синтаксико-парадигматической характеристики текста, а именно, фактор, отражающий отношение полуклаузем к ведущему предложению (которое может как содержать, так и не содержать полнопредикативные придаточные клауземы). Это отношение дает численную характеристику осложненности предложения, и мы называем его «фактором осложнения» (Semi-composition Factor). Обозначим полуклаузему символом Dh (индекс h берем от *англ.* half-, поскольку малое s от *лат.* semi- может вызывать нежелательную ассоциацию с S – «предикативная единица синтагматического строя»). Тогда фактор осложнения будет выглядеть так:

$$FDh / I = \Sigma Dh / \Sigma B$$

Факторы осложнения для первого из сопоставляемых предложений (Д. дю Морье): $FDh / I_1 = 0 / 1 = 0,0$; $FDh / I_2 = 4 / 5 = 0,8$.

$$FDh / I_{av_1} = (0,0 + 0,8) : 2 = 0,4.$$

Факторы осложнения для второго предложения (Б. Шоу): $FDh / I_1 = 1 / 2 = 0,5$; $FDh / I_2 = 0 / 2 = 0,0$; $FDh / I_3 = 1 / 4 = 0,25$; $FDh / I_4 = 0 / 3 = 0,0$; $FDh / I_5 = 0 / 1 = 0,0$.

$$FDh/Av_2 = (0,5 + 0,0 + 0,25 + 0,0 + 0,0) : 5 = 0,15.$$

Как видим, приведенные количественные данные свидетельствуют, что предложение из текста Бернарда Шоу, хотя его предикативный объем гораздо больше, чем предикативный объем предложения из текста Дафнии дю Морье, представляет собой существенно более простую синтаксическую конструкцию из двух сопоставляемых.

Показанные типы количественной оценки парадигматической сложности предложения следует рекомендовать для использования на широких текстовых массивах материала, допускающих обработку статистическими методами исследования. Именно такое их применение может оказаться особо полезным как часть общего изучения различных речевых стилей языка и различных видов стилизаций диктеты.

Заключение

Нами рассмотрена совокупность фундаментальных понятий, формирующих целостное представление грамматического строя языка. Обсуждаемые теоретические положения проиллюстрированы на английском языковом материале.

Отправным пунктом исследования послужила системная концепция языка, исходящая из его функционально-динамического понимания. Излагая ведущие принципы системной концепции, мы указали на коммуникативно-знаковую природу языка и его грамматического строя и попытались внести дальнейшие разъяснения в проблему «антиномий» синхронии – диахронии и синтагматики – парадигматики. Мы попытались также осветить с общеграмматических позиций разные стороны единства языка и речи как, соответственно, системы средств выражения и использования системы в процессе общения. Грамматический строй при этом осмысливается нами в качестве основы системности языка в целом.

В исследовании показано важное место, которое должно занять в теоретическом языкознании понятие «единица языка», и описана иерархия сегментных языковых уровней, каждый из которых отличается особой функцией образующих его единиц. Все эти уровни распределяются по двум обобщенным ярусам: нижнему, «кортематическому» (кортемы – единицы материальной формы языка, в их числе выделяется прежде всего фонема), и верхнему, «сигнематическому» (сигнемы – двусторонние знаковые единицы языка, в их числе выделяются морфема, лексема (слово), денотема (член предложения), пропозема (предложение), диктема).

В рамках системно-уровневого представления языка мы провели разграничение между понятиями семантики и информации, определив последнюю как семантику ситуативно-связанного текста (смысловая семантика речи). Такое разграничение, взятое в соотнесении с понятием дублирования (синтагматического и парадигматического), позволяет подойти с новой стороны к проблеме языковой экономии. В частности, экономность граммати-

ческих подсистем усматривается нами в тенденции к оптимальной парадигматической достаточности, отчетливо проявляющейся в их формировании.

Двумя главными разделами описания грамматического строя в соответствии с функциональным статусом изучаемых объектов – единиц языка признаются грамматическое учение о слове и грамматическое учение о предложении.

Излагая принципы грамматического учения о слове, мы сопоставили две грамматические классификации слов по частям речи: традиционную морфолого-синтаксическую, основанную на трех критериях частеречной характеристики слова (семантика – форма – функция), и более новую, чисто синтаксическую, основанную на одном критерии такой характеристики (функциональная позиция слова в предложении). Результатом сопоставления явилась демонстрация трехслойного грамматического деления словарного состава, в котором выделяется слой знаменательных слов, или «имен» (открытое множество слов прямого именуемого характера, распределенных по четырем главным классам), слой местоименных слов, или «заместителей имен» (закрытое множество слов указательно-заместительного характера), и слой служебных слов, или «уточнителей имен» (закрытое множество слов связующе-уточнительного характера). Местоименные и служебные слова опосредуют функции знаменательных слов в составе предложения.

Анализ соотношения слов одного корня, принадлежащих разным лексико-грамматическим разрядам, привел нас к выдвиганию понятия лексической парадигмы номинации, которая объединяет и упорядочивает все знаменательные слова языка и отражается также в местоименной части словарного состава. На фоне парадигматического упорядочения лексикона конкретизируются грамматически существенные стороны расчленения слова на лексико-семантические варианты, или «лексикулы». В связи с этим на более строгой основе определяется статус терминов как слов, выражающих профессионально-дефинированные понятия и занимающих обособленное положение в лексико-номинативной парадигматике языка.

Рассматривая основы теории грамматических категорий и определив понятия грамматической формы, грамматической па-

радигмы и грамматической оппозиции, мы указываем на глубокое различие между формами собственного, или имманентного признака (например, форма числа существительного) и формами отраженного, или рефлексивного признака (например, форма числа глагола). Два различных типа признака, обобщенных в значении форм, объективно разграничивают разные функциональные типы формоизменения слов (склонение, спряжение). С другой стороны, принятие оппозиционного принципа соотносительности элементов в качестве основы выделения категориальных систем раздвигает рамки морфологии за пределы узко понятого формоизменения, позволяя обнаружить грамматически существенные свойства и в таких типизированных отношениях знаковых единиц языка, которые строятся на чисто классификационных основаниях (например, лексико-грамматический род существительного). И изменительные (альтернантные), и неизменительные (константные) оппозиционно связанные формы подвержены действию оппозиционного замещения (редукции), которое может быть либо «нейтрализующим», т.е. нивелирующим функциональное различие форм, либо «транспонирующим», т.е. подчеркивающим функциональное различие форм.

Учет оппозиционного механизма выражения грамматического значения дает основание к уточнению различия между общепонятными категориальными признаками (такими, как время совершения процесса вообще или внутренне-видовой характер процесса вообще) и частными категориальными признаками, на базе которых формируются грамматические категории в конкретном языке. Выясняется, что распределение частных категориальных признаков в конкретном языке может быть таково, что категориальные системы, основанные на них, оказываются удвоенными (например, удвоенные категориальные системы английских глагольных времен и видов).

Синтаксический анализ предложения проводится нами в двух функциональных направлениях: ситуативно-номинативном и модально-предикативном. Предикация получает уточненное определение как отнесение номинативного содержания предложения к действительности. Словосочетание в этом свете выступает в качестве сложной номинативной составляющей предложения,

причем среди словосочетаний обнаруживается градация от чисто именных сочетаний слов к частично предикативным сочетаниям, формирующим предикативные осложнения предложений.

В качестве одной из определяющих характеристик предложения как единицы сообщения указывается его коммуникативно-установочное значение. Это значение, обобщенное в коммуникативном типе предложения, формируется на базе его актуального членения. Анализ различий в актуальном членении предложений разной коммуникативной установки приводит к симметричной детализации представления общей системы коммуникативных типов предложения, в рамках которой выделяются три кардинальных коммуникативных типа (повествовательный, вопросительный, побудительный) и шесть промежуточных (по два между каждой парой кардинальных).

На основе расширенной классификации коммуникативных типов предложения предлагается уточненная трактовка связи семантико-синтаксического строя предложения с понятийным строем суждения. Сущность этой трактовки состоит в том, что суждение, будучи заключенным в деривационной структуре любого предложения, находит тем более полное выражение в его непосредственном, «открытом» составе, чем более полно и открыто выражен в предложении повествовательный смысл.

Особое внимание уделяется нами учению о парадигматическом синтаксисе. Вводятся и раскрываются понятия деривационной основы предложения, развернутого предложения, примарного предложения, предложения-сентенциала (обобщенного на всем множестве пропозитивно-парадигматических форм) и двух систем парадигматики предложения – системы предикативных функций и системы конструкционных функций. Система предикативных функций ведает отражением связи номинативного содержания предложения с действительностью, система конструкционных функций – формированием предложений разной степени сложности. Описание данных систем завершается выдвиганием формальных критериев оценки парадигматической сложности предложения, состоящих в соотношении открытых (синтагматически выраженных) единиц предикации, формирующих предложение, с единицами предикации, заложенными в его деривационной основе.

Наряду с проблемами строя предложения в исследовании рассматриваются проблемы строя текста. Мы показываем органическую связь теории парадигматического синтаксиса с лингвистическим учением о тексте; эта связь является отражением того, что развернутый текст служит естественной сферой выхода всех парадигматических форм предложения. Парадигматическая семантика предложения превращается в тексте в ситуативно-связанную информацию, передаваемую отправителем сообщения его получателю.

В результате сопоставления предложения и сверхпредложенческих компонентов текста (сверхфразовое монологическое единство, сверхфразовое диалогическое единство, абзац, абзацная группа) обосновывается понятие элементарной тематической (топикальной) единицы текста, названной нами «диктема» (от латинского *dicere* «говорить»). Диктема, в зависимости от контекстных условий и намерения говорящего – пишущего, может быть выражена либо объединением предложений (сверхфразовое единство), либо одним-единственным предложением, поставленным в позицию особой информативной значимости.

В диктеме находят совокупное выражение четыре главных знаковых аспекта речи: название объектов и ситуаций (номинация), установление их связи с действительностью (предикация), смысловое упорядочивание их отражения, отвечающее информационной цели сообщения (тематизация), и выбор языковых форм, соответствующих условиям и требованиям коммуникации (стилизация). Лишь в объединенном выявлении этих знаковых аспектов реализуется подлинный текст как продукт мыслительно-речевой деятельности человека.

Summary

In the textbook a set of fundamental notions are considered underlying an integral presentation of the grammatical structure of language. The theoretical points under discussion are illustrated by the material of English.

The description is based on the systemic conception of language which emphasizes its functional-dynamic character. By way of elucidating the leading principles of the systemic conception, the communicative nature of language and its grammatical structure is demonstrated, and different aspects of the “antinomies” of language are discussed: “synchrony – diachrony”, “syntagmatics – paradigmatics”, “language – speech”.

The notion of the unit of language is analysed and the hierarchy of segmental levels of language is described, each level being distinguished by a specific function of its constituent units.

In setting forth the essentials of the grammatical teaching of the word, the two classifications of words into parts of speech are compared: the traditional, morpho-syntactic, and the more modern, purely syntactic. As a result of the comparison, the three-layer structure of the word stock is exposed wherein are identified the layer of notional words (“names”), the layer of pronominal words (“substitutes of names”), the layer of functional words (“specifiers of names”).

The notion of lexical paradigm of nomination is put forward, the paradigm being shown as one that unites, gives an ordered arrangement to all the notional words of language, and is also reflected in the pronominal part of the lexicon.

Within the framework of expounding the theory of grammatical categories, elucidation is given to the notions of grammatical form, grammatical paradigm, grammatical opposition, and the functional substitution of oppositionally related forms.

Syntactic analysis of the sentence is carried out on the two complementary lines: situation-nominative and modal-predicative. Considered in this light, the word combination (phrase) is identified as a complex nominative constituent of the sentence.

New considerations are presented regarding the theory of **communicative types of sentences**. Apart from the cardinal communicative types, the intermediary communicative types are identified, which leads to the relevant expansion of the classification of sentences on the communicative purpose principle.

Special prominence is given to the theory of paradigmatic syntax. Expounded at length are the notions of the derivation sentence base, the deployed sentence, the primary sentence, and the two systems of sentential paradigmatics: the system of predicative functions and the system of constructional functions. Formal criteria are put forward for evaluating the paradigmatic complexity of the sentence.

Alongside the problems of sentence structure, the problems of text structure are discussed. As a result of comparing the sentence with the supersentential constituents of the text, the notion of the elementary text unit called the “dicteme” is developed. In the dicteme the four main meaningful aspects of speech find an integral expression: nomination, predication, topicalization, and stylization. It is only by these aspects working in combination that the genuine text is realized as the product of speech-thinking activity of man.

Resümee

Im vorliegenden Buch ist die Gesamtheit von Grundbegriffen dargelegt, die einer einheitlichen Auffassung der grammatischen Sprachenstruktur zu Grunde liegen. Die zu behandelnden theoretischen Thesen werden durch die Beispiele aus dem englischen Sprachmaterial illustriert.

Als Ausgangspunkt der Untersuchung dient die systemhafte Sprachkonzeption, die den dynamischen Charakter der Sprache hervorhebt. Bei der Erläuterung von Hauptprinzipien der Systemkonzeption wird auf die kommunikative Natur der Sprache und ihre grammatische Struktur hingewiesen. Es werden auch verschiedene Aspekte der „Sprachantinomien“ erörtert: „Synchronie – Diachronie“, „Syntagmatik – Paradigmatik“, „Sprachsystem – Sprachgebrauch“.

Es wird der Begriff des Elementes der Sprache (unit of language) analysiert, und die Hierarchie von segmentalen Sprachebenen beschrieben; jede von diesen Sprachebenen unterscheidet sich durch eine besondere Funktion von den Elementen, die diese Ebenen bilden.

Die Darlegung, von Prinzipien der grammatischen Lehre über das Wort beinhaltet vor allem Vergleich der traditionellen morphologisch-syntaktischen Klassifikation der Wörter nach Redeteilen mit der gegenwärtigen, rein Syntaktischen. Als Ergebnis dieses Vergleiches kommt die dreischichtige Einteilung des Wortbestandes zum Vorschein: die Schicht von Nominalwörtern („Namen“), die Schicht von Pronominalwörtern („Substituten von Namen“) und die Schicht von Dienstwörtern („Modifikatoren von Namen“).

Es wird der Begriff des lexikalischen Paradigmas der Nomination vorgeschlagen, das alle Nominalwörter der Sprache vereinigt und ordnet und das sich auch im Pronominalanteil des Lexikons widerspiegelt.

Indem die Theorie der grammatischen Kategorien erläutert wird, werden die Begriffe der grammatischen Form, des grammatischen Paradigmas, der grammatischen Opposition und der funktionalen Substitution von den oppositionsverbundenen Formen dargelegt.

Die syntaktische Analyse des Satzes wird in zwei Richtungen durchgeführt, die einander ergänzen: situation-nominaler und modal-prädika-

tiver. In diesem Fall wird die Wortverbindung als ein komplexes nominatives Komponent des Satzes betrachtet.

Die Theorie der kommunikativen Satztypen wird durch neue Angaben ergänzt. Neben den fundamentalen kommunikativen Satztypen sind auch die Zwischentypen angezeigt, was zu einer Erweiterung der Satzklassifikation nach kommunikativen Prinzipien führt.

Der Lehre über die paradigmatische Syntax wird eine besondere Aufmerksamkeit geschenkt. Es werden entwickelt die Begriffe der Derivationsgrundlagen des Satzes, des entfalteten Satzes, des primären Satzes und zwei Systeme der Satzparadigmatik, zwar das System von prädikativen Funktionen und das System von konstruktiven Funktionen. Zum Schluß werden die formalen Einschätzungskriterien der paradigmatischen Satzkompliziertheit angeführt.

Neben den Problemen der Satzstruktur werden auch Probleme der Textstruktur betrachtet. Als Ergebnis des Vergleiches des Satzes mit den Komponenten des Textes, die mehr als einen Satz umfassen, wird der Begriff der elementaren Texteinheit, als „Diktem“ bezeichnet, eingeführt. Im Diktem kommen vier grundsätzliche bedeutungsvolle Sprachaspekte insgesamt zum Ausdruck: Nomination, Prädikation, Thematisierung, Stilisierung. Nur durch die Kombination dieser bedeutungsvollen Aspekte wird der wahre Text als Produkt der Rede- und Denktätigkeit eines Menschen realisiert.

Résumé

Ce livre considère l'ensemble des notions fondamentales présentant intégralement la structure grammaticale de la langue. Les problèmes théoriques discutés sont illustrés par des exemples, tirés du matériau de l'anglais.

La recherche est basée sur la conception de système de la langue provenant de son caractère dynamique. En élucidant les principes essentiels de la conception de système, on considère la nature communicative de la langue et de sa structure grammaticale, on discute aussi de divers aspects «des antinomies» de la langue : synchronie – diachronie, syntagmatique – paradigmatique, langue – discours (parole).

On analyse la notion de l'élément de la langue (unit of language) et on décrit la hiérarchie des niveaux linguaux segmentaux, chaque niveau se distinguant par une fonction spécifique des éléments qui le constituent.

L'exposé des principes de l'étude grammaticale du mot comprend tout d'abord la comparaison des deux classifications des mots: la première, classification traditionnelle morpho-syntaxique, et la deuxième, qui est plus moderne, purement syntaxique. A la suite de cette comparaison on a divisé le lexique sur trois niveaux: le niveau des mots significatifs («noms»); le niveau des mots pronominaux («substituts des noms»); le niveau des mots-outils («spécifiants des noms»).

On avance la notion du paradigme lexical de la nomination, qui unit et qui ordonne tous les mots significatifs de la langue et qui se reflète aussi dans la partie pronominale du lexique.

Par rapport à l'exposé de l'étude des catégories grammaticales on élucide des notions de la forme grammaticale, du paradigme grammatical, de l'opposition grammaticale et de la substitution fonctionnelle des formes, qui sont liées par des oppositions.

On fait l'analyse syntaxique de la proposition dans deux directions complémentaires: premièrement, la direction nominative et situationnelle, et deuxièmement, la direction modale prédicative. Un groupe de mots apparaît dans ce cas comme une constituante complexe nominative de la proposition.

Grace à des données nouvelles on complète la théorie des types communicatifs de la proposition. A côté des types communicatifs principaux de la proposition, on distingue aussi des types intermediaires. Cela permet d'élargir la classification commune des propositions d'après leur but communicatif.

On accorde une attention particulière à l'étude de la syntaxe paradigmaticque. On donne des notions de la base dérivationnelle de la proposition, de la proposition développée et de la proposition primaire, ainsi que de deux systèmes paradigmaticques de la proposition: le système des fonctions prédicatives et le système des fonctions constructives. On conclut la description de ces systèmes par l'élaboration des critères formels de l'évaluation de la complexité paradigmaticque de la proposition.

A côté des problèmes de la structure de la proposition, on discute des problèmes de la structure du texte. Comme le résultat de la comparaison de la proposition à des constituant du texte qui dépassent la proposition, on développe la notion de l'unité élémentaire du texte appelée "le dictème". Quatre aspects significatifs principaux du discours trouvent leur expression intégrale dans le dictème: nomination, prédication, thématization, stylisation. Ce n'est qu'en unifiant ces aspects significatifs qu'un texte véritable est réalisé comme le produit de l'activité de la pensée et de la parole de l'homme.

- Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М., 1963.
- Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.
- Бондарко А. В.* О структуре грамматических категорий//ВЯ. – 1981. – № 6. – С. 17–28.
- Будагов Р. А.* Категории значения в разных направлениях современного языкознания//ВЯ. – 1974. – № 4. – С. 3–20.
- Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. – 5-е изд., доп. и перераб. – Киев. – 1952. – Т. I.
- Булыгина Т. В.* Грамматические оппозиции//Исследования по общей теории грамматики: Сб./Отв. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1968. – С. 175–231.
- Бурлакова В. В.* Основы структуры словосочетания в современном английском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.
- Ветров А. А.* Семиотика и ее основные проблемы. – М., 1968.
- Виноградов В. В.* Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка)//Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975а. – С. 231–253.
- Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М. 1975 б. – С. 254–294.
- Виноградов В. В.* Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка (Критический обзор теорий и задач синтагматического изучения русского языка)//Вопросы синтаксиса современного русского языка: Сб./Под ред. В. В. Виноградова. – М., 1950. – С. 183–256.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М., 1972.
- Воронцова Г. Н.* Очерки по грамматике английского языка. – М., 1960.
- Гавриленко И. А.* Синтаксические особенности кратких газетных сообщений (На материале современной прессы Англии и США): Автореф. дис... канд. филол. наук/ МГИМО. – М., 1973.
- Гак В. Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения (На материале франц. яз. в сопоставлении с русским): Автореф. дис... д-ра филол. наук/Ин-т языкознания. – М., 1968.
- Гак В. Г.* Языковые преобразования. – М., 1998.
- Гальперин И. Р.* Стилистика английского языка [На англ. яз.]. 3-е изд. – М., 1981.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

- Грамматика русского языка: В 2-х т./Редкол.: акад. В.В. Виноградов и др. – М., 1952–1954.
- Грамматика современного русского литературного языка/Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М, 1970.
- Гулыга Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова. – Филол. науки. – М., 1967. – № 2. – С. 62–72.
- Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм//Исследования по общей теории грамматики: Сб./Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1968. – С. 117–174.
- Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи. – М., 1980.
- Единицы различных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969.
- Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
- Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 1976.
- Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. – М., 1968.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.
- Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981.
- Ильин Б.А. Строй современного английского языка. – Л., 1971.
- Иртеньева Н.Ф. Место квазинтрансформаций в парадигматическом синтаксисе//Некоторые проблемы трансформационного синтаксиса и методики преподавания языков: Сб./Редкол.: В.С. Бабкина (отв. ред.) и др. – Свердловск, 1970. – С. 3–10.
- Иртеньева Н.Ф., Барсова О.М., Блох М.Я., Шапкин А.П. Теоретическая грамматика английского языка. – М., 1969.
- Карри Х.Б. Основания математической логики. – М., 1969.
- Карцевский С.И. Повторительный курс русского языка. – М.-Л., 1928.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.-Л., 1965.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
- Ковалева Л.М. Проблемы структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке: Автореф. дис... д-ра филол. наук/Ин-т языкознания. – М., 1982.
- Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976.
- Кодухов В.И. Общее языкознание. – М., 1974.
- Козлова Л.А. Функциональное сближение частей речи в английском языке: сущность, формы, механизмы и последствия: Автореф. дис... д-ра филол. наук/Ин-т языкознания. – М., 1998.

- Колшанский Г.В.* Логика и структура языка. – М., 1965.
- Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1975.
- Конецкая В.П.* Супплетивизм в германских языках. – М., 1973.
- Копнин П.В.* Природа суждения и формы выражения его в языке//Мышление и язык: Сб./Под ред. Д.П. Горского. – М., 1957. – С. 276–351.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история: (Проблема языкового изменения)//Новое в лингвистике: Сб./Сост., ред. и вступ. ст. В.Я. Звегинцева. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 123–343.
- Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М., 1981.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. – М., 1978.
- Лаптева О.А.* Дискретность в устном монологическом тексте//Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения, 11-е: 1980–1981/ Редкол.: Н.Ю. Шведова (отв. ред.) и др. – М., 1982. – С. 77–105.
- Лескис Г.А.* О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста//ВЯ. – 1964. – № 3. – С. 99–123.
- Лосева Л.М.* Основные функциональные типы ССЦ//Русский язык в шк. – 1997. – № 1.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – М., 1970.
- Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. – М., 1969.
- Мальченко А.А.* К вопросу о категориальном повторе//Вопросы теории английского языка: Тр./МГПИИ им. В.И. Ленина. – М., 1973. – С. 204–211.
- Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения//Пражский лингвистический кружок: Сб. ст./Сост., ред. и предисл. М.А. Кондрашова. – М., 1967. – С. 239–245.
- Мильман В.Э.* Компоненты и уровни в функциональной структуре деятельности//ВЯ. – 1991. – № 1.
- Мороховская Э.Я.* Основные аспекты общей теории лингвистических моделей. – Киев, 1975.
- Москальская О.И.* Грамматика текста. – М., 1981.
- Москальская О.И.* Норма и варьирование в современном немецком литературном языке//ИЯШ. – 1967. – № 6. – С. 2–14.
- Москальская О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). – М., 1974.
- Москальская О.И.* Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью//ВЯ. – 1961. – № 5. – С. 87–93.

- Мухин А.М.* Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. – Л., 1980. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка/Отв. ред. Б.А.Серебренников. – М., 1970.
- Основные направления структурализма/Отв. ред. М.М. Гухман и В.Н. Ярцева. – М., 1964.
- О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков: Материалы дискуссии/Отв. ред. М.М. Гухман и Е.А. Бокарев. – М., 1960.
- Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. – М., 1977.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М., 1956.
- Пиотровский Р.Г. и Турыгина Л.А.* Антиномия «язык – речь» и статистическая интерпретация нормы языка//Статистика речи и автоматический анализ текста: Сб. ст./Отв. ред. Р.Г. Пиотровский. – Л., 1971. – Вып. 2. – С. 5–46.
- Плоткин В.Я.* Грамматические системы в английском языке. – М., 1989.
- Поспелов Н.С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры//Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. – М.-Л., 1948 – Вып. 2. – С. 43–68.
- Почепцов Г.Г.* Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев, 1971.
- Почепцов Г.Г.* Синтагматика английского слова. – Киев, 1976.
- Романс Д.Д.* Духовная эволюция человека. – М., 1905.
- Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов: На материале некоторых русских глаголов. – М., 1975.
- Семенюк Н.Н.* Некоторые вопросы изучения вариативности//ВЯ. – 1965. – № 1. – С. 48–55.
- Серкова Н.И.* Сверхфразовый уровень членения текста в основных функциональных стилях письменной речи: Автореф. дис... д-ра филол. наук/МГУ. – М., 1982.
- Сильман Т.И.* Проблемы синтаксической стилистики. – Л., 1967. Синтаксис текста/Отв. ред. Г.А. Золотова. – М., 1979.
- Скребнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Автореф. дис... д-ра филол. наук/МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1971.
- Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М., 1981.
- Слюсарева Н.А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М. 1975.

- Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»)// Вопросы теории и истории языка: Сб. ст./Редкол.: Г.Ф. Александров и др. – М., 1952. – С. 182–203.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. – М., 1956.
- Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. – М., 1959.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка: Материалы к курсам языкознания. – М., 1954.
- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. – М., 1957.
- Соболева П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. – М., 1980.
- Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое. – М., 1973.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. – 2-е изд., доп. – М., 1977.
- Сосюр Ф., де.* Труды по языкознанию. – М., 1977.
- Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в языкознании. – Л., 1974.
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. – М., 1975б.
- Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. – 2-е изд., перераб. – М., 1975а.
- Структурный синтаксис английского языка/Под ред. Л.Л.Иофик.* – Л., 1972.
- Сухотин В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке// Вопросы синтаксиса современного русского языка: Сб. ст./Под ред. В.В.Виноградова. – М 1950. – С. 127–182.
- Таванец П.В.* Вопросы теории суждения. – М., 1955.
- Таванец П.В.* Суждение и его виды. – М., 1953.
- Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. – М., 1986.
- Тер-Минасова С.Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. – М., 1981.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. – М., 1960.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста. – М., 1986.
- Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. – М., 1974.
- Уфимцева А.А.* Типы языковых значений. – М., 1986.
- Хельбиг Г.* Проблемы теории речевого акта//ИЯШ. – 1978. – № 5. – С. 11–21.
- Хлебникова И.Б.* О нейтрализации оппозиций в морфологии//ИЯВШ. – М., 1964. – Вып. 3. – С. 54–64.
- Хлебникова И.Б.* Оппозиции в морфологии. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1969.
- Хомский Н.* Синтаксические структуры//Новое в лингвистике: Сб. ст./Сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 412–527.

- Хэррис З.С.* Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. – Новое в лингвистике: Сб. ст./Сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 528–636.
- Царенко Е.И.* О принципах разграничения флексий и аффиксов. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1979. – Т. 38. – № 5. – С. 425–435.
- Чахоян Л.П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М., 1979.
- Чейф У.Л.* Значение и структура языка. – М., 1975.
- Черч А.* Введение в математическую логику. – М., 1960. – Т. I.
- Шевякова В.Е.* Актуальное членение предложения: Пособие по адекватности перевода на материале англ. яз. – М., 1976.
- Шендельс Е.И.* Многозначность и синонимия в грамматике: (На материале глагольных форм соврем. нем. яз.). – М., 1970.
- Шендельс Е.И.* Транспозиция морфологических форм//ИЯВШ. – М., 1964. – Вып. 3. – С. 104–110.
- Шеннон К.Э.* Работы по теории информации и кибернетике. – М., 1963.
- Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке//Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 63–84.
- Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. – М., 1974.
- Юдина Н.Е.* К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств: Автореф. дис... канд. филол. наук/МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1973.
- Язык и наука конца XX века. Сб./Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995.
- Ярцева В.Н.* Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка// Исследования по общей теории грамматики: [Сб.] /Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1968. – С. 5–57.
- Ярцева В.И.* О территориальной основе социальных диалектов//Норма и социальная дифференциация языка: [Докл. симпозиума]/Редкол.: М.М. Гухман (отв. ред.) и др. – М., 1969 б. – С. 26–46.
- Ярцева В.Н.* Предложение и словосочетание//Вопросы грамматического строя: Сб. ст./Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1955. – С. 436–451.
- Ярцева В.Н.* Развитие национального литературного английского языка. – М., 1969 а.
- Agricola E.* Vom Text zum Thema//Studia grammatica. – Berlin, 1976. – Bd. XI. – S. 13–27.
- Austin J.L.* How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. – Oxf.: Clarendon Press, 1962.
- Bach E.* An Introduction to Transformational Grammars. – N. Y. (a. o.): Holt, 1964.

- Baker C.L.* English Syntax. – Cambr. (Mass.) – Ldn., 1989.
- Barry A.K.* English Grammar. Language as Human Behavior. – Prentice Hall, New Jersey, 1998.
- Bloch B. and Trager G.* Outline of Linguistic Analysis. – Baltimore: Linguistic Soc. of America, 1942.
- Bolinger D.* Meaning and Form. – Ldn. and N. Y.: Longman, 1977.
- Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. – Cambr., Mass.: The M.I.T. Press, 1965.
- Daneš Fr.* A Three-level Approach to Syntax//Travaux linguistiques de Prague. – Prague, 1964. – Vol. 1. – P. 225–240.
- Daneš Fr.* Some Thoughts on the Semantic Structure of the Sentence//Lingua. – 1968. – № 21. – P. 55–69.
- Davis E.C.* On the Semantics of Syntax. – Ldn.: Croom Helm, 1979.
- Dijk T.A., van.* Some Aspects of Text Grammars: A Study in Theoretical Linguistics and Poetics. – The Hague – Paris: Mouton, 1972.
- Dressler W.* Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1973.
- Enkvist N.E.* Linguistic Stylistics. – The Hague – Paris: Mouton, 1973.
- Fillmore Ch.* The Case for Case//Universals in Linguistic Theory./Ed. by E. Bach and R. T. Harms. – Ldn. [a. o.]: Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1–88.
- Fries Ch.C.* The Structure of English. – N. Y.: Harcourt, Brace and Co., 1952.
- Gardiner A.H.* The Theory of Speech and Language. – 2d ed. – Oxf.: Clarendon Press. 1951.
- Halliday M.A.K.* An Introduction to Functional Grammar. – Ldn.: Arnold, 1985.
- Halliday M.A.K., Hasan R.* Cohesion in English. – Ldn.: Longman, 1976.
- Harris Z.S.* Discourse Analysis//Language. – 1952. – Vol. 28. – No 1. – P. 1–30.
- Harris Z.S.* From Morpheme to Utterance//Language. – 1946. – Vol. 22. – Pt. 3. – P. 161–183.
- Harris Z.S.* String Analysis of Sentence Structure. – The Hague: Mouton, 1962.
- Harris Z.S.* Transformational Theory//Language. – Vol. 41. – No. 3. – Pt. 1. – 1965. – P. 363–401.
- Hill A.A.* Introduction to Linguistic Structures: From Sound to Sentence in English. – N. Y.: Harcourt, Brace and Co., 1958.
- Hudson R.A.* English Complex Sentences: An Introduction to Systemic Grammar. – Amsterdam: North Holland, 1971.
- Kaplan J.P.* English Grammar. Principles and Facts. – Prentice Hall, New Jersey, 1994.

- Křížková H.* Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм//Travaux linguistiques de Prague. – Prague, 1966. – N. 2. – P. 171–132.
- Kruisinga E.A.* A Handbook of Present-day English. – Groningen: Noordhoff, 1931-32. – Pt. 2.
- Langendoen D.T.* Essentials of English Grammar. – N. Y.: Holt, Rinehart and Winston. – 1970.
- Longacre R.* The Grammar in Discourse. – Lnd., N.Y., – 1983.
- Lyons J.* Semantics. – Cambr. [a. o.]: Cambr. Univ. Press, 1977. – Vol. 1, 2.
- Muir J.* A Modern Approach to English Grammar: An Introduction to Systemic Grammar. – Ldn.: Batsford, 1972.
- Nida E.* Morphology: The Descriptive Analysis of Words. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1946.
- Palmer F.R.* A Linguistic Study of the English Verb. – Lnd.: Longman, 1965.
- Palmer F. R.* Semantics: A New Outline. – Cambr. [a. o.]: Cambr. Univ. Press, 1977.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. – Ldn. and N. Y.: Longman, 1985.
- Schmidt S.J.* Texttheorie: Probleme einer Linguistik der Kommunikation. – 2. Aufl. – München: Fink, 1976.
- Strang B.M.* Modern English Structure. – Ldn.: Arnold, 1974.
- Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. – Paris: Klincksieck, 1959.
- Weinrich H.* Sprache in Texten. – Stuttgart: Klett, 1976.

Предметный указатель

Римская цифра везде обозначает часть (I, II, III); первая арабская цифра – главу, вторая – параграф внутри главы.

А

- абзац I, 4–3; III, 2–3, 4
- абзац-предложение III, 2–4
- автосемантические и синсемантические элементы II, 3–2
- актанты и циркумстанты III, 1–2
- «актуальное отношение субъекта к действию» III, 3–3
- актуальное членение предложения III, 1–2, 5, 6, 8; III, 3–3
- акцентуация I, 4–1, 3
- алло-альтернация II, 1–5
- аллолекса II, 1–4
- алломорф II, 1–4, 7
- аллофон II, 1–4
- алло-эмическая терминология II, 1–4
- анализ лингвистический Введение
- аналитическая редукция III, 3–2
- аналитическая форма II, 1–6
- «аналитический прогресс» I, 3–7
- антецедент I, 3–5
- апофония II, 1–10
- артиклевая детерминация II, 4–4
- артикуль II, 1–7; 2–2; 4–4
- аспекты предложения: номинативный и предикативный а. п. I, 4–3; III, 1–1; 4–3
- аспекты речи функционально-языковые III, 2–6
- аспекты слова: денотативный и формально-релятивный а. с. II, 2–3
- «атомистический» подход I, 1–3
- аффикс (аффиксальная морфема) II, 1–2, 3
- аффиксация II, 4–4

Б

- «большой синтаксис» I, 4–3
- «бытийное качество» III, 3–3

В

- валентность обязательная, факультативная III, 1–2
- «вероятность» III, 3–3
- вещественное значение II, 2–3; 3–1
- вещественное слово II, 1–10; 4–4
- вид: в. развития, в. ретроспективной координации (ретроспекции) II, 4–6; III, 3–3
- «вопросительная установка» III, 3–3
- вопросительное предложение III, 1–4, 5; местоименное, альтернативное в. п. III, 1–4
- восклицательное предложение III, 1–4, 6
- время: первичное, вторичное (проспективное) в. II, 4–6, 7; время как предикативная категория III, 1–1; 3–3
- вспомогательные слова II, 1–6; II, 4–4
- встречная (оккурсивная) связь III, 2–3
- вторично-полные конструкции III, 2–5
- выделимость отрицательная II, 1–2, 5
- высказывание I, 2–2, 3; III, 1–4, 5; 2–4, 5; 4–3

Г

- гипердиктема (диктемема) III, 2–4

гипер-уровень: кортематический, сигнематический г.-у. I, 4-3
 глосса II, 4-6
 глубинная (деривационная) структура (строй) предложения III, 4-4; *см. также*: деривационная база; деривация синтаксическая; ядерное предложение
 глубинные падежи III, 1-2
 гнездо лексическое II, 3-3
 градационное пространство (континуум) II, 1-2; 2-3; 3-5; *см. также*: полевая структура; полярные явления
 грамматический строй Введение; I, 1-1; 4-1
 «грамматическое чередование» II, 1-9
 графема I, 4-3
 графика I, 4-3

Д

двойное выражение предикативно-го признака III, 3-3
 «двойное членение» языка I, 4-1
 двусторонность в языке I, 1-2; 2-2
 дерево непосредственных составляющих I, 3-1
 деривационная база (основа) III, 1-3, 5; 3-1, 2, 3; 4-1, 4
 деривационная перспектива II, 3-3
 деривация синтаксическая III, 1-3; 4-1, 2, 3, 4; *см. также*: деривационная база; ядерное предложение
 десемантизация II, 3-4
 дескриптивная лингвистика I, 4-2
 деформация оппозиции II, 4-7
 диагональное отношение в синхронии I, 1-4
 диалог внутренний III, 2-3
 диалогическая речь III, 2-1, 4
 диахрония I, 1-3
 диерема III, 2-4

диктема I, 4-4; III, 2-4, 5
 диктема-предложение III, 2-4
 диктематический уровень I, 4-3; III, 2-4
 дистрибуция I, 4-2; II, 1-4; дополнительная д. II, 1-4; фонематическая, морфематическая д. II, 1-4
 достаточность оптимальная I, 3-7
 дублирование: информативное д. I, 3-5; семантическое д. I, 3-6, 7

Е

единицы языка I, 1-1, 2; 2-2; 4-1, 2, 3, 4

З

зависимостей (доминаций) схема I, 3-1
 зависимости фактор III, 4-4
 заглавие (титул) III, 2-4
 залог II, 4-6
 заместители имен II, 3-6
 замещение морфофонемное. – *см.*: флексия внутренняя
 замещение синтаксическое II, 3-5
 знак I, 1-1, 2, 3; *см. также*: сигнема знаковая (семиотическая) система I, 1-2; 2-2, 3; 4-1
 знаковый треугольник I, 1-2
 знаменательные (полнозначные) слова I, 4-3; II, 1-2; 2-1, 2, 3, 7; 3-1, 2, 3, 4; 4-4
 значащее отсутствие II, 1-7; *см. также*: нуль
 значение: денотативное, номинативное, референциальное, сигнификативное з. I, 4-3; дефинированное, недефинированное з. II, 2-4; категориальное з. II, 2-1
 зов III, 1-4

И

идиоматизм грамматический II, 4-4

иерархия уровней I, 4–2, 3, 4; III, 4–1; *см. также*: уровни языка
 избыточность I, 3–6, 7
 изгласнение III, 1–6; 2–2
 изоморфизм I, 4–2
 имена II, 2–2; 3–6
 императив II, 4–6
 инвариант и вариант I, 3–3
 «интенсивность» III, 3–3
 интонация II, 1–8
 инфикс II, 1–3, 10
 информативная достаточность, избыточность, недостаточность I, 3–5
 информативная необходимость I, 3–5
 «информативная перспектива» III, 3–3
 информация I, 2–3, 4, 5; 3–5

К

категориальное грамматическое значение II, 4–1
 категориальное значение слова II, 2–1, 3, 5
 категориальная форма, сильная и слабая II, 1–7
 категория грамматическая I, 3–2; II, 1–6; II, 4–2, 3, 4, 5, 6, 7; определение г. к. II, 4–2; замкнутые и переходящие г. к. II, 4–5; имманентные и рефлексивные г. к. II, 4–5; альтернативные и константные г. к. II, 4–5
 категория предикативная III, 3–3
 категория синтаксическая II, 3–4; III, 3–3
 квази-трансформация II, 4–4
 класс слов (лексический класс) II, 2–1
 клаузма III, 2–3; 4–4
 когезия III, 2–5
 код I, 2–2
 комплементарии и супплементарии III, 1–2

коммуникативные типы предложения III, 1–4, 5, 6, 7, 8; кардинальные к. т. п. III, 1–4, 5, 6, 7; промежуточные к. т. п. III, 1–6, 7
 коммуникативная установка III, 1–4
 коннекторы II, 2–2
 конструкционные функции предложения (конструкционная парадигматика) III, 1–3; 2–2; 3–1; 4–1, 2, 3, 4
 контекст диагностирующий III, 2–1
 контекстуальные факторы, внешние и внутренние II, 4–7
 контрадикторность II, 4–3
 корень II, 1–3; 3–3
 кортема I, 4–3
 кортемика I, 4–3
 коэффициент компрессии III, 4–4
 красная строка III, 2–4
 кумулема III, 2–3, 4; 4–1

Л

лекса II, 1–4
 лексема II, 1–4; *см. также*: слово лексематический уровень I, 4–3
 лексикон – *см.*: словарный состав лексико-семантический вариант слова II, 2–3
 лексикула II, 2–3
 лексическая парадигма именования (номинации) II, 3–3, 6; полная, неполная л. п. и. II, 3–3
 лексический строй I, 1–1; *см. также*: словарный состав
 лингвистика текста III, 2–1, 4
 линейная (синтагматическая, поверхностная) структура предложения III, 4–3, 4
 «линейная характеристика» II, 1–10
 литерема и литера I, 4–3
 лицо и число глагола II, 4–5, 6; III, 1–1; 3–3
 логика Введение
 логическое ударение II, 1–8; III, 1–2

М

- макропарадигма III, 3–4
 макросистема I, 1–2
 «малый синтаксис» I, 4–3
 математическая лингвистика Введение
 местоимения II, 2–7; 3–2, 5, 6
 метаязык II, 2–4
 «механизм языка» I, 2–2
 микропарадигма – см.: подпарадигма
 микропарадигма
 микросистема I, 1–2
 микротекст III, 2–2, 3
 микротема III, 2–3, 4
 «модальное отношение субъекта к действию» III, 3–3
 модальность III, 1–1
 модель I, 2–2, 3; 4–3; III, 1–1, 2, 3, 7; 2–2; 4–3
 монодифференциальный и полидифференциальный принципы – см.: части речи
 монологическая речь III, 2–1, 3, 4
 монономинация I, 4–3
 морф II, 1–4, 5
 морфема Введение; I, 4–1, 3, 4; II, 1–1, 2, 3; 2–1, 4; функциональная классификация м. II, 1–3; дистрибутивные типы м. II, 1–4, 5, 6, 7, 8, 9, 10; 2–1; аддитивные и субституционные м. II, 1–9; непрерывные и разрывные м. II, 1–10; открытые и скрытые м. II, 1–7; полные и пустые м. II, 1–5; свободные и связанные м. II, 1–6; сегментные и супrasegmentные м. II, 1–8
 морфематический уровень I, 4–3
 морфемные составляющие II, 1–3

Н

- надкласс слов (лексический надкласс) II, 2–1
 надпропозематический (надпредложенческий) уровень I, 4–3

- надсистема I, 1–2; II, 2–1
 наклонение II, 4–6; наклонение как предикативная категория III, 1–1
 наука грамматика Введение
 нейтрализация II, 4–7
 непосредственные составляющие (НС) I, 3–1; морфемные н. с. II, 1–3
 номинализация синтаксическая III, 1–1
 номинативная корреляция II, 1–2; 3–6
 номинативное членение предложения III, 1–1, 2
 номинация I, 4–3, 4; пропозитивная н. III, 1–1; 2–6
 норма I, 2–1
 нулевая морфема II, 1–7, 9; 4–4
 нулевая форма (нулевой показатель) II, 1–7
 нулевой алломорф II, 1–7
 нуль II, 1–7

О

- объем предложения: фонемный, буквенный, словесный о. п. III, 4–3; предикативный о. п. III, 4–3
 оглашение III, 2–5
 оккурсема III, 2–3
 окружение II, 1–4
 омонимические отношения II, 1–6, 7; 2–3
 оппозиционное замещение (опозиционная редукция) II, 4–7; восходящее, нисходящее з. II, 4–7
 оппозиционное пространство III, 3–3
 оппозиция II, 4–2, 3, 6, 7; бинарная и более чем бинарная о. II, 4–3; градуальная о. II, 4–3; привативная о. II, 4–3; III, 1–4, 5; эквиолентная о. II, 4–3
 определение научное Введение; II, 2–4
 определители (детерминативы) II, 2–2

осложнения фактор III, 4–4
 открытой предикации фактор III, 4–4
 отрицательная форма – см.: нулевая форма
 «оценка тождества» III, 3–3

П

парадигма грамматическая II, 4–2; III, 3–4; см. также: парадигма синтаксическая
 «парадигма предложения» III, 3–4
 парадигма репрезентативная III, 3–4
 парадигма синтаксическая III, 3–4; «нормальная» п. с. III, 3–4; «актуальная» п. с. III, 3–4
 парадигматизация III, 1–3; 4–2
 парадигматика синтаксическая III, 1–3, 4, 5; 2–2; 3–1, 2, 3, 4; 4–1, 2, 3, 4
 парадигматические формы «прямые» и «склоненные» III, 1–3
 парадигматические отношения I, 3–2, 3, 4; 4–2; III, 1–3; см. также: парадигматика синтаксическая
 парадигматический ряд I, 3–2, 3; II, 1–1; 3–4; 4–2; III, 3–1; 4–1, 2
 парадигматический синтаксис I, 2–2; II, 3–4; III, 1–3, 5; 3–1, 2, 3, 4; 4–1, 2, 3, 4
 парафразовые отношения III, 1–3
 партикула (частица) II, 1–6
 партитекст: титулованный, нетитулованный п. III, 2–4
 пауза II, 1–8
 переформулирование оппозиций II, 4–3
 перфект II, 4–4
 пик информативной перспективы III, 2–5
 пленокоординация и семикоординация III, 4–4
 пленотекст (опус) III, 2–4
 «побудительная установка» III, 3–3

побудительное предложение III, 1–4, 5
 поверхностная структура предложения – см.: линейная структура предложения
 повествовательное предложение III, 1–4
 повтор грамматический II, 4–4
 подкласс слов (лексический подкласс) II, 2–1
 подпарадигма (микрорадигма) III, 3–3, 4
 подсистема I, 1–2; II, 2–1
 подчинительное структурирование III, 4–4
 подчинительно-определятельная иерархия предложения III, 1–2
 позиционно-дистрибутивные классы слов II, 2–7
 позиция II, 2–7; 3–1
 полевая структура II, 2–2, 7
 полиноминация I, 4–3
 полу-клаузема III, 4–3, 4
 полусвязанный элемент II, 1–6
 полярные явления II, 1–2; 4–4
 помехи (шумы) информационные III, 2–2
 понятие II, 2–4; содержательное, формальное п. II, 2–4; категориальное, родовое п. II, 4–2
 порождающая грамматика Введение
 последовательность предложений III, 2–3
 постседент I, 3–5
 прагматика I, 2–3
 предикативная линия III, 1–2; 3–2
 предикативная нагрузка предложения III, 3–3, 4
 предикативного объема фактор III, 4–4
 предикативность (категория) III, 1–1
 предикативные функции предложения III, 1–3, 4; 3–1, 2, 3, 4

предикация I, 4-3; III, 1-1, 2; 2-2, 6;
 3-2; вторичная п. III, 1-2
 предложение I, 2-2, 3, 4, 5; 3-1; III, 1;
 2; 3; 4; монопредикативное, поли-
 предикативное п. III, 1-2; 3-2; не-
 распространенное, распростра-
 ненное п. III, 1-2; односоставное,
 двусоставное п. III, 1-2; опрошен-
 ное п. III, 4-1; простое, сложное,
 осложненное п. III, 1-2; эллипти-
 ческое п. III, 1-2; декларативное,
 апеллятивное п. III, 1-8
 предложений классификация семан-
 тико-грамматическая III, 1-2
 представление наглядное II, 2-4
 презентный претерит II, 4-7
 презентный футурум II, 4-7
 преобразование синтаксическое –
 см.: трансформация
 пресуппозиция III, 1-5; 2-5
 претеритный презенс II, 4-7
 префикс II, 1-3
 приветствие III, 1-4
 признаки дифференциальные (раз-
 личительные) I, 4-3, II, 4-3; III,
 3-3
 примарная синтаксическая система
 III, 3-2, 3, 4
 примарное предложение III, 3-2;
 «легкое» п. п. III, 3-3; «тяжелое»
 п. п. III, 3-3
 принадлежность языковая и речевая
 I, 2-3
 присоединительная (кумулятивная)
 связь I, 4-3; III, 2-3
 промежуточные (переходные) явле-
 ния II, 1-2; 1-5; 3-5; 4-4; III, 1-7
 пропозиция I, 4-3
 пропозиционный уровень I, 4-3
 пропозиционная номинация III, 1-3
 пропозиционный номинант III, 1-2
 простота, эксплицитность, одно-
 значность III, 3-2
 «прошедшее скромности» II, 4-7

психолингвистика Введение
 пустой морф II, 1-5
 пучок дифференциальных призна-
 ков II, 4-3

Р

различительность I, 3-4
 «реализация» III, 3-3
 рема II, 1-8; III, 1-2, 4; 2-5
 речевая синтагматика I, 2-3
 «речевое произведение» I, 2-2; 4-1;
 III, 2-1, 2
 ритмика I, 4-1, 3

С

сверхсегментная единица I, 4-1, 2, 3
 сверхфразовое единство (кумулема)
 I, 4-3; III, 2-2
 сегмент, сегментная единица I, 4-1,
 2, 3
 сегментация речи фонетическая III,
 2-2
 сема (элементарный семантический
 признак) II, 2-3
 семантема II, 2-3, 6
 семантика Введение; I, 1-1, 2; 2-3, 5;
 3-4, 5, 6, 7; 4-1, 2; II, 1-5; 2-1, 3,
 4, 5, 6, 7; 3-1, 5; 4-1, 3; III, 1-2;
 см. также: значение
 «семантическая заполненность» II,
 1-5
 семантическая структура слова II,
 2-3
 семантическая структура предложе-
 ния III, 1-2
 семантические роли III, 1-2
 семантический критерий II, 2-3, 4
 семантический признак индивиду-
 альный II, 2-3
 семема II, 2-3
 семиотика Введение; I, 2-3
 сентенциал III, 3-4
 сигнема I, 4-1; II, 1-2, 8; II, 4-1; III,
 1-1, 2

сигнемика I, 4-3
 силлабема, силлабемика I, 4-3
 синсемантия II, 3-2; III, 1-4
 синтагма I, 3-1; 4-3
 синтагматические отношения (синтагматика) I, 3-1, 2; 4-2; III, 1-3
 синтаксис и семантика I, 2-3, 4, 5
 синтактика I, 2-3
 синхрония I, 1-3, 4; абсолютная, от-носительная с. I, 1-4
 система I, 1-1
 системность I, 1-1, 2, 3, 4
 ситуация (ситуационное событие) I, 2-3; 4-3; III, 1-2; пропозитивная с. III, 1-1
 склонение и спряжение II, 4-5
 скриптная речь III, 2-5
 слов классификация грамматическая II, 2-1, 2, 3, 4, 5, 6, 7
 словарный состав (лексикон, лексический строй) I, 1-1; 4-1; II, 1-1, 2; 2-1
 слово Введение; I, 1-1; 2-1, 2; 3-1, 2; 4-3, 4; II, 1; 2; 3; 4
 словоизменение и словообразование II, 4-5
 слово-морфема (слово-аффикс) II, 1-2
 словосочетание (фразема) I, 4-3, 4; подчинительное, сочинительное с. III, 1-2; предикативное с. I, 4-3; свободное, устойчивое с. I, 4-3
 словоформа II, 4-6; III, 1-3
 сложения связь I, 4-3
 служебные слова I, 4-3; II, 1-2; 2-1, 3, 6, 7; 3-2, 4, 5
 смысловой сегмент III, 2-2
 совокупность I, 1-1
 сообщение I, 2-2; III, 1-1
 составные части языка I, 1-1
 составы предложения III, 1-2
 список II, 2-5
 способы грамматические (синтетические, аналитические) II, 4-4

сравнительно-историческое изучение языков I, 1-3
 статив II, 2-7; 3-2
 степени сравнения II, 4-4
 «степень самостоятельности» II, 1-6
 степень сложности предложения III, 4-3, 4
 стилизация III, 2-5, 6
 «стиль художественной литературы» III, 2-5
 структура I, 1-1
 структурализм III, 1-3
 структурный минимум предложения III, 1-2
 субкатегоризация II, 2-2
 «субъектно-объектные отношения» III, 3-3
 суждение II, 2-4; III, 1-5, 8; 2-2
 супплетивизм II, 1-9; 3-3; 4-4
 суффикс II, 1-3

Т

текст I, 4-3, 4; III, 2-1, 6
 текстообразование I, 4-4; III, 2-2, 6
 тема актуального членения III, 1-2
 тема текстовая (предметная) I, 4-3; III, 2-3
 тематизация I, 4-3, 4; III, 2-5, 6
 термин Введение; II, 2-4; 3-3
 терминология II, 2-4; 3-3
 термины-имена, термины-толкования Введение
 титул – см.: заглавие
 тождество предложения I, 2-3, 4
 традиционная грамматика I, 2-2
 транспозиция II, 4-7
 трансфиксация II, 1-10
 трансформация (преобразование синтаксическое) Введение; III, 1-3, 6; III, 3-4; см. также: деривация синтаксическая
 триада измерений семиотики I, 2-3

У

- ударение: логическое, словесное, фразовое у. II, 1–8
 указательность II, 3–5
 упорядочивание конструкционное: одностатусное (горизонтальное) у. к. III, 4–1; разностатусное (вертикальное) у. к. III, 4–1, 2
 уровень тематизации I, 4–3
 уровневой непересекаемости принцип I, 4–3
 уровни языка I, 4–1, 2, 3, 4; III, 2–3, 4, 5; основные и переходные у. я. I, 4–4
 уточнители имен II, 3–4, 5, 6

Ф

- «фазис» III, 3–3
 флексия II, 1–3; внутренняя ф. II, 1–9; 4–4
 флективный тип языка II, 4–4
 фон II, 1–4
 фонема I, 2–2; 4–1, 3, 4; II, 1–2, 4; 4–3; III, 4–3
 фонематический уровень I, 4–3
 фонетический строй I, 1–1; 4–1
 форма грамматическая II, 4–1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; аналитическая г. ф. II, 4–4; синтетическая г. ф. II, 4–4; «совместная» (полуаналитическая) г. ф. II, 4–5
 формы гибридные II, 4–5
 «формальная представленность» II, 1–7
 «формальные» классы II, 2–7
 формальный критерий II, 2–5
 формант (экспонент формы) II, 4–1
 фразема – см.: словосочетание
 фразематический уровень I, 4–3

фразеома I, 4–3

- функциональный критерий II, 2–4, 7
 функция элемента системы I, 1–1
 футуральный презенс II, 4–7

Ц

- ценность: функциональная ц. I, 3–4; информативная ц. I, 3–5, 6; семантическая ц. I, 3–6, 7

Ч

- части речи II, 2–2, 3, 4, 5, 6, 7; 3–1, 2, 3, 4, 5, 6; монодифференциальный, полидифференциальный принципы выделения ч. р. II, 2–3, 7; синтаксический принцип выделения ч. р. II, 2–7
 частицы II, 2–2
 частицы речи II, 2–6
 чередование морфофонемное II, 1–9
 члены оппозиции II, 4–3
 члены предложения III, 1–2

Ш

- широкозначные слова II, 3–5, 6

Э

- экономия языковая I, 3–5, 7
 экспрессивность III, 2–5
 элемент I, 1–1
 элементарное предложение III, 1–2; 3–1
 эмоциональность III, 2–5
 эффект транспозиции II, 4–7

Я

- ядерное предложение III, 1–3; 3–1, 3; 4–1
 язык и речь I, 2–1, 2, 3, 4, 5

Оглавление

Предисловие..... 5

Введение. Наука грамматика: предмет, методы,
терминология 7

Часть I

Грамматический строй – основа системности в языке

Глава 1. Понятие системы в лингвистическом
приложении 16

Глава 2. Язык и речь 27

Глава 3. Синтагматические и парадигматические
отношения 43

Глава 4. Единицы языка и уровни языка 60

Часть II

Грамматическое учение о слове

Глава 1. Слово – средство именования 74

Глава 2. Принципы грамматической классификации
слов 92

<i>Глава 3. Части речи в функционально-парадигматическом освещении</i>	109
<i>Глава 4. Грамматическая форма и грамматическая категория слова</i>	120

Часть III

Грамматическое учение о предложении

<i>Глава 1. Предложение – единица сообщения</i>	144
<i>Глава 2. Предложение и текст</i>	168
<i>Глава 3. Предикативные функции предложения</i>	183
<i>Глава 4. Конструкционные функции предложения</i>	194
<i>Заключение</i>	209
<i>Summary</i>	214
<i>Resümee</i>	216
<i>Résumé</i>	218
<i>Список литературы</i>	220
<i>Предметный указатель</i>	230

Учебное издание

Марк Яковлевич Блох

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГРАММАТИКИ

Зав. редакцией *Л.И. Кравцова*

Редактор *Л.И. Кравцова*

Художник *А.В. Алексеев*

Художественный редактор *А.Ю. Войткевич*

Корректор *З.Ф. Юрескул*

Верстка *А.И. Мамаев*

Лицензия ИД № 06236 от 09.11.01. Изд. № А-348. Сдано в набор 07.06.03. Подп. в печать 15.10.03. Формат 60x88 $\frac{1}{16}$. Бум. офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 14,7 усл. п. л., 15,2 усл. кр.-отт. Тираж 3000 экз. Заказ № 3377.

ФГУП «Издательство «Высшая школа», 127994, Москва, ГСП-4,
Неглинная ул., д. 29/14.

Тел. (095) 200-04-56

E-mail: info@v-shkola.ru

<http://www.v-shkola.ru>

Отдел реализации

тел.: (095) 200-07-69, 200-59-39

факс: (095) 200-03-01.

E-mail: sales@v-shkola.ru

Отдел «Книга-почтой» тел.: (095) 200-33-96

E-mail: bookpost@v-shkola.ru

Набрано на персональных компьютерах издательства.

Отпечатано на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.